

ЛЕВ ЛИНЬКОВ **МЫС
ДОБРОЙ
НАДЕЖДЫ**

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ЛЕВ ЛИНЬКОВ **МЫС
ДОБРОЙ
НАДЕЖДЫ**

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

« ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА »

МОСКВА - 1968

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В книге писателя Льва Линькова вы встретитесь с одними из самых любимых ваших героев — советскими пограничниками. В горах и в тайге, в пустыне и по берегам рек, морей и океанов, в жару и в мороз, в дождь и в бурю несут они неусыпную боевую вахту.

Из рассказов и повестей, включенных в этот сборник, вы узнаете, как пограничники охраняли границы СССР в первые годы Советской власти, как героически сражались воины в зеленых фуражках с бандами басмачей в Средней Азии.

Узнаете вы, ребята, и о том, как охраняют нашу границу моряки-пограничники на Тихом океане у далеких Курильских островов, как зорко стоят пограничники на страже мирного труда советского народа в наши дни.

РИСУНКИ
П. ПАВЛИНОВА

НАЧАЛО ПУТИ

Небольшой конный отряд — двадцать красноармейцев, командир и проводник — пробирался сквозь Уссурийскую тайгу охотничьими тропами. Проводник Федор Иванович Кротенков намеренно повел конников самой чащобой. Командир отряда Семен Кузнецов запротестовал было: «Чего доброго, еще плутать начнем!» Однако Федор Иванович

настоял на своем: «Так будет короче. Пройдем, как во Владивостоке по Светланской...»

Верстах в пятидесяти от Никольск-Уссурийска наткнулись на следы бивака.

— Назаровцы либо шубинцы,— насторожился Кротенков.

— Может, охотники? — усомнился командир.

— Охотники гуртом не белкуют. Гляди! — Федор Иванович показал на следы многочисленных сапог и на отпечатки, оставленные в снегу прикладами стоявших в козлах винтовок («Японские винтовки!»).

Он подобрал несколько окурков и молча протянул их командиру. Тот внимательно осмотрел окурки. Все стало окончательно ясно: охотники курят трубки, а тут сигареты, да к тому же еще американские.

— С полста было бандитов, не меньше,— прикинул Федор Иванович по следам.

— К тому же с «максимом»,— добавил Кузнецов.

От бивака уходили в чащу две широко расставленные параллельные лыжни.

— Догнать бы да прикончить банду,— подумал вслух Кузнецов.— Снег не успел засыпать следы, значит, белогвардейцы снялись отсюда совсем недавно, после окончания пурги. Только шут их знает, долго ли за ними гнаться, а отряду дан приказ: как можно быстрее пройти в назначенное место.

— Резона нет,— подтвердил Кротенков,— наскочишь негаданно — еще, чего доброго, перещелкают. Сам говоришь — у них станковый пулемет...

В пути минул февраль, а ветры дули все еще с севера и северо-запада. Они приносили с собой в Приморье остатки амурских и колымских морозов, разыгрывались метелями, донимая и всадников и коней.

— К ночи опять завьюжит,— щурился Федор Иванович на солнце.

Командир вскидывал к козырьку буденовки закоченевшую ладонь, бормотал: «Космография». Огромный белесый

обруч окружал солнце, а по бокам его слепили глаза еще два ложных солнца.

Волнами застывшего океана вздымались окрест бесчисленные сопки. На склонах сопок и в широких лощинах — невиданный ранее лес: не то тайга, не то джунгли, знакомые по картинкам в учебнике географии.

Вот вымахнул сажен на двадцать тополь с узловатыми ветвями; лет так сто ему, если не все полтора ста! Дубы в два обхвата соседствовали с черемухой. Могучие кедры поблескивали голубоватой хвоей рядом с ясенями, клены и липы побратались с разлапистыми елями. А вот и какие-то совсем неизвестные, чудные деревья, с светло-серой, будто бархатной корой. «Пробковое дерево,—объяснил Федор Иванович,— пробки из его коры делают».

Между всем этим разнородеревьем—густой подлесок. И все переплетено лианами. А на редких прогалинах чуть ли не до самых макушек кедров и кленов взобрались плети дикого винограда.

И командир отряда Кузнецов и большинство бойцов приехали сюда, на Дальний Восток, из России, не видали раньше такой природы и не уставали удивляться...

На пятые сутки отряд снова наткнулся на чью-то недавнюю стоянку.

— Охотники,— с одного взгляда определил Федор Иванович,— соболевщики. Трое их было... Луки делали,— пово рошил он носком валенка запорошенные снегом стружки.

В тот же день конники миновали заброшенную китайскую фанзу. Кротенков попросил командира на минутку подзадержаться. Они вошли в небольшую глинобитную, крытую соломой хижину. Промасленная бумага в решетчатых окнах порвана, на полу — по колени снегу, дочерна закопченные стены, давным-давно потухший очаг. И чего тут понадобилось проводнику?

— Это фанза Син Хо,— глухо сказал Федор Иванович.— Син Хо спас меня после «тысячи смертей»... Неужто его убили? — Кротенков показал на десятки пулевых пробоин в стене.— Из пулемета палили...

— А кто он такой, Син Хо?

— Китаец, манза,— сняв малахай, сказал проводник.— Здешние китайцы манзами себя называют. Хороший человек был Син Хо, трудовик. Чумизу сеял, женьшень в тайге искал, да попусту. Слыхал? Корешок такой есть, корень жизни, лекарство, одним словом. В большой цене у китайцев.

Кузнецов хотел было спросить, что это за штука такая «тысяча смертей», но постеснялся.

Отряд тронулся дальше. Таежное безмолвие нарушали дробь дятлов, похрустывание валежника да тяжелое дыхание приморившихся лошадей. Снег лежал неровно: в лощинах кони чуть ли не по грудь увязали в сугробах, а на склонах сопок, особенно с наветренной стороны, он едва прикрывал сухие прошлогодние травы. Местами промерзшая земля вовсе была обнажена и звенела под коваными копытами.

Командир и Дед — так прозвали Кротенкова за окладистую темно-русую бороду — ехали в голове отряда. Федор Иванович сидел немного бочком на своей мохноногой, низкорослой и выносливой сибирке. Чуткая лошадь косила янтарным глазом на заросли жасмина и лещины, настороженно прядала заиндеветшими ушами — вероятно, где-то поблизости притаились изюбры.

Почти четыре месяца минуло с тех пор, как из владивостокской бухты Золотой Рог удрал последний японский крейсер, а Федору Ивановичу все еще не привелось побывать в родном Сучане, где его ждали жена Даша и сынишка Антон. Пока отец воевал, Антошка научился и ходить и говорить...

Но не только из-за семьи стремился Федор Иванович в Сучан: он, как наяву, представлял себе и широкую долину, где разбросался рабочий поселок, и надшахтные копры, и то, что в ладонях у него вместо ременного повода отполированная мозолями рукоятка обушка и он впервые за всю свою жизнь рубает уголек не для хозяина, а для самого себя, для народа.

Распростившись с боевыми товарищами—Кротенков три года с лишком командовал партизанским отрядом,— сдав в армейский склад оружие и в губком партии отчет о боевой деятельности отряда, Федор Иванович совсем было собрался домой, как вдруг в канун отъезда, в конце февраля, его вызвали в Особый отдел Никольск-Уссурийской Чрезвычайной комиссии.

«Опять воевать?» — спросил Дед. Честно признаться, он порядком-таки устал за эти годы: поколеси-ка сорок месяцев по тайге да болотам, и всё с боями.

«Не совсем так, но вроде,— сказал начальник Особого отдела.— Рабоче-крестьянское правительство приказало нам взять под охрану государственную границу».

Начальник объяснил, что Деду предстоит провести один из только что сформированных отрядов пограничников к старому кордону на границу с Маньчжурией.

«Контрабандистов ловить станете? Дело! До шута их расплодилось: спиртоносы, пантовщики, соболевщики...»

«И контрабандистов,— подтвердил начальник.— Значит, договорились: доведешь ребят до кордона на Золотой речке — и домой. Места тебе знакомые».

«Не заблудимся!» — сказал Кротенков, мысленно прикидывая, каким путем им лучше направиться...

И вот уже который день отряд пробирается сквозь Уссурийскую тайгу.

«Бедно живем», — хмурился Федор Иванович, поглядывая на спутников.

Пограничники были одеты кто во что: кто в красноармейской форме, кто в трофейной рыжей шинелишке, кто в коротком поистертом полушубке. Но все в буденовках с красными звездами.

Оружие тоже разнокалиберное: у кого русская трехлинейка, у кого кавалерийская драгунка, у кого берданка, у кого японская винтовка, а у двоих бойцов не было даже берданок, только наганы. У самого Деда за спиной висел американский карабин, сбоку побрякивала о седло длинная самурайская шашка в ножнах, украшенных драконами из

накладной меди и иероглифами-заклинаниями. Федор Иванович носил ту шашку с двадцатого года, после боя под Ивановкой.

Заподозрив жителей Ивановки в связи с партизанами, японские каратели окружили деревню и дотла сожгли ее. Из-под обугленных развалин онемевшие от горя и гнева партизаны вытащили почти триста трупов детей, женщин и стариков.

Партизаны настигли карателей, и в ожесточенной рукопашной японский офицер полоснул Федора Ивановича шашкой по левой щеке. Захлебываясь кровью, Федор Иванович изловчился вырвать у самурая шашку и наотмашь развалил его от плеча до пояса.

...А на щеке остался крупный шрам. Чтобы скрыть его, Федор Иванович отрастил бороду, и с тех пор, несмотря на то что ему не было и тридцати пяти, его стали звать Дедом.

Кузнецов в раздумье смотрел по сторонам. По его легкой посадке Федор Иванович с первого взгляда определил: лихой конник!

— Трудновато тут будет,— кивнул командир на густые заросли.

— Зато летом красота,— оживился Дед.— Летом сопки, словно бабы на ярмарке, все в цветах. Дожди у нас щедрые — каждая капля с ягоду, потому и растения буйные. А воздух чуешь какой!

Федор Иванович сразу догадался, чем озабочен молодой чекист: шутка сказать, охранять таежный участок границы протяженностью в тридцать верст — по полторы версты на брата! — а заговорил о другом. Трудно, конечно, да что ж тут вздыхать?..

Вдруг их лошади остановились будто вкопанные. Кузнецов натянул повод и почувствовал, что его Серко дрожит. Федор Иванович поспешно скинул из-за плеча карабин и, привстав на стременах, подался вперед.

«Назаровцы!» — глядя на Деда, скинул винтовку и Куз-

нецов, поднял левую руку, предупреждая ехавших сзади бойцов: внимание!

— Тигр! — показал Федор Иванович дулом карабина: в снегу отпечатались следы огромных кошачьих лап.

Кузнецов не испугался, но подумал с досадой, что всем возможным трудностям прибавляется новая — охранный границу да поглядывай, не вцепилась бы тебе в загривок полосатая кошка ростом с телку.

— Поехали! — кинул Дед винтовку обратно за плечо. — Во-первых, нас много, а во-вторых, он сыт: видишь, кровь на снегу — тащил кабанчика...

Ехали от зари до полной темноты, когда уже ничего нельзя было разглядеть вокруг, и тогда-то наконец раздавалась долгожданная команда: «На ночлег!..»

Будь полнолуние, наверно, Кузнецов ехал бы и ночами, но луны еще не было, и хотел того или не хотел командир, а приходилось развьючивать лошадей.

Насобирав валежника, бойцы разводили костер, в свете его рубили побольше дров, чтобы поддерживать огонь до утра, и тогда только начинали готовить ужин. Поджаренная на шомполах оленина или козлятина, иной раз и фазан — смотря кого удавалось подстрелить днем — казались бойцам, насидевшимся в городе на просяной и чечевичной похлебке, царской пищей. Кирпичный чай был хоть и не сладок, да зато горяч и согревал не только тело, но и душу, развязывал языки.

Погуторив у костра, вспомнив родные места и близких, погоревав, что у тех нет не то что оленины с козлятиной, а, поди, и черного сухаря — в России был голод, — помечтав о тех днях, когда у трудового народа всего будет вдоволь, и заодно пожелав мировой буржуазии ни дна ни покрывки, укладывались спать.

Засыпали на подстилке из кедровых ветвей сразу, будто проваливались в омут, однако сон был тревожным: всю ночь люди вертелись, подставляя к костру то бок, то спину. «С одного бока ильин день, с другого масленица!» — посмеивался Дед Кротенков.

На место прибыли только на десятые сутки к вечеру. Дед вывел отряд по Золотой пади прямо к старому пограничному кордону. Кузнецов сказал, что кордон теперь будет называться заставой.

— А почему этот враг зовут Золотым? — спросил он, разглядывая извлеченную из походной сумки карту-двухверстку.

— Не враг, падь, — поправил Федор Иванович. — Золото тут раньше казаки мыли.

— Богатое, значит, место. И речка Золотой называется? — кивнул командир на шумливую, незамерзающую речку.

— Тоже Золотая.

— Ну, значит, и заставу так назовем...

Речка, давшая, таким образом, название новой заставе, быстрым, озорным ручьем появлялась в отрогах приграничного хребта, причудливо крутилась между сопками и, перерезав заболоченную низину, ныряла в озеро.

Застава помещалась в нижнем течении речки. В обрамленные снегом воды смотрелись дубы с уцелевшими кое-где прошлогодними ржавыми листьями, клены, корявые дикие яблони, будто насторожившиеся ели и кедры.

То, что звалось заставой, было низким длинным, почерневшим от времени бревенчатым домом. Вокруг стояло несколько приземистых, полуразрушенных хибарок.

— Это конюшня, это баня, а то склад, — пояснил Дед.

— Была когда-то конюшня, — невесело сказал командир.

— Руки приложить придется, — подтвердил Федор Иванович. — Зато дом крепкий. Мы в позапрошлом году тут месяца два стояли.

«Крепкий дом» оказался, однако, тоже в самом плачевном состоянии: стекла в окнах выбиты, двери сорваны с петель. Хорошо, хоть печь и крыша целы. Пограничники, обрадованные окончанием походных мытарств, в последний раз развьючили лошадей, сложили в помещении двухмесячный запас круп, соли, сухарей, керосина, кое-какой хозяйственный инвентарь, медикаменты и патроны, завесили окна

палатками, заткнули щели кедровыми ветками, мхом и расположились отдыхать, впервые за десять суток скинув сапоги.

Назначив четверых бойцов, из тех, что потеплее одеты, часовыми, сделав все остальные нужные распоряжения, Кузнецов окликнул Деда:

— Пойдем, Федор Иванович, потолкуем...

Они вышли на свежий воздух.

С трех сторон к заставе подступала тайга. Темно-сизые сопки высились вокруг.

Падь Золотая шла под прямым углом от границы, ветры гудели в пади, как в гигантской трубе, взвихривая и унося с собой снег.

— Морозец завтра ударит,— сказал Дед, посмотрев на помутневшую луну, окруженную светлыми кольцами.

— А как тут насчет живности? — поеживаясь от холода, спросил Кузнецов.— На губернию расчет плохой.

— Кабанов пропасть, самая лучшая пища. Только учти, на старого секача не ходи: промахнешься — задерет; охотся на самок и на молодых. Зимой ищи их в кедровнике, летом — в падах, а осенью — под дубами: охочи они до желудей.

Федор Иванович глянул сбоку на молодого чекиста: русая прядь волос выбилась из-под козырька на самые брови, светло-серые глаза сосредоточенно серьезны.

— Давненько воюешь?

— С восемнадцатого.

— А с пулей где поцеловался? — Федор Иванович еще в первую встречу заметил на шее Кузнецова ярко-розовую полосу.

— Под Одессой. У Котовского служил.

— Геройский, рассказывают, человек! — восхищенно произнес Дед.— Каким же манером тебя к нам закинуло?

— Сам попросился... Помнишь, как Ленин сказал? «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький!» — Кузнецов улыбнулся.— Я как услышал эти слова от Владимира Ильича, так покоя лишился: поеду, и баста!

— Неужели ты Ленина видел? — недоверчиво спросил Дед.

— Как тебя. Двадцатого ноября прошлого года на пленуме Московского Совета. Я тогда был курсантом школы ВЦИК...

Дед помолчал.

— Ильичу ведомо, что для Советской России Дальний Восток! Неспроста японцы с американцами на наш край зашлись. Тут, брат, такие богатства, такие...

Ничто не могло лучше расположить Федора Ивановича к командиру пограничников, как известие, что тот самолично пожелал служить в Приморье. Кажется, если бы была возможность, Федор Иванович уговорил бы приехать сюда целый миллион человек. Конечно, не из таких, кто ищет легкой жизни, а жадных до труда — шахтеров, слесарей, пахарей. Да что миллион — прикатили бы все десять, для всех места хватит!..

— Сегодня, наверно, обойдется, — прервал Кузнецов раздумье Деда.

— Как сказать, не зарекайся, — откликнулся Федор Иванович. — Назаров должен быть где-нибудь поблизости...

Назаров, бывший полковник царской армии, после того как и здесь, на Дальнем Востоке, взяла верх Советская власть, организовал крупную банду, которая рыскала в приморской тайге, нападая на редкие села и малочисленные красноармейские отряды.

— Завтра уезжаешь, значит? — спросил вдруг Кузнецов.

— Завтра, думаю.

— Ну-ну.

Кузнецов ничего не сказал больше, но Дед понял, что чекисту не хочется так скоро расставаться с ним.

— Заждались меня в Сучане, — словно извиняясь, добавил Федор Иванович. — Отдохну малость, да и уголек рубать пора...

Однако вышло так, что Кротенков не уехал в Сучан ни завтра, ни через неделю. Утром он направился с Кузнецовым и двумя бойцами по участку показать им, где проходит

линия границы. На луках седел лежали стволы винтовок. Спускаясь с сопки, кони прибавляли шагу, и было слышно, как поёкивает у них селезенка. Ветер переменялся наконец и дул теперь с востока, но было все еще морозно. Над речкой висел туман.

— Столбы придется ставить.— Дед показал на замше-
лый камень, служивший пограничным знаком.

— С гербом советским,— улыбнулся Кузнецов.

На сопке Кабаньей — вершина ее совсем голая, похожая на вздернутую кверху кабанью морду,— их обстреляли.

— Вот окаянная сила! — пробормотал Дед, когда напу-
ганные выстрелами кони вынесли их на соседний холм.—
Назаров первым нас увидел...

Ночью на заставе никто не ложился. Кузнецов придир-
чиво осмотрел у бойцов оружие и приказал не смыкать глаз,
однако бандиты не появились.

На следующее утро Федор Иванович не рискнул даже за-
икнуться о своем отъезде. Надо было помочь пограничникам
и советом и делом: как поскорее отремонтировать здание
заставы, в каком месте отрыть окопы на случай нападения
бандитов.

Словом, Дед задержался.

А вскоре начались чрезвычайные происшествия, как их
назвал молодой начальник заставы.

Пограничник Панченко задержал сразу трех контрабан-
дистов, направлявшихся в Маньчжурию с тюками, набиты-
ми шкурками соболя. Контрабандисты настолько привыкли
к тому, что в последние годы граница не охранялась, что шли
не таясь. Они предложили Панченко десяток соболей за то,
чтобы тот отпустил их, и никак не могли уразуметь, почему
солдат отказался от богатой взятки.

Бойцы Голубев и Рябов вступили в перестрелку с неиз-
вестными, пытавшимися пройти по Золотой пади в глубь
советской территории, и отогнали их. Вероятнее всего, это
были назаровцы.

— Прощупывает наши силы, подлюга,— высказал
догадку Дед.

Новый день ознаменовался еще одним происшествием. Часовой у ворот заметил, что кто-то осторожно выглядывает из-за ближайшей ели, и щелкнул затвором винтовки.

— Твоя не стреляй, моя хороша! — раздался испуганный возглас.

Из-за ели вышел старик китаец в треухе, в куртке и штанах, сшитых из шкуры изюбра, в мягких меховых унтах. С опаской поглядев на винтовку, он вдруг заулыбался и показал пальцем на звезду на шлеме пограничника:

— Твоя красный, хороша! Зови красный начальника.

Как раз в это время Кузнецов и Дед вышли из дома, и, к немалому изумлению чекиста, Федор Иванович радостно бросился к незнакомцу.

— Син Хо! Син Хо! — повторял он. — Жив, старина! Откуда взялся? Я заходил в твою фанзу. Один снег... Это Син Хо, — весело улыбаясь, объяснил Дед Кузнецову. — Помнишь, я говорил, что он спас меня после «тысячи смертей»?

Растроганный Син Хо рассказал, что года два назад японцы обстреляли его фанзу, но он с сыном успел убежать. Сначала жили в тайге, в шалаше, потом добрались до китайской деревни в Маньчжурии, где и поселились. На днях Син Хо услышал добрую весть, что в Золотую падь пришли красные солдаты. Син Хо просит начальника спасти маньчжурскую деревню от полковника Назарова. Солдаты Назарова хуже тигров: они грабят бедных крестьян и зверствуют.

Кузнецову и Деду стоило немалого труда разъяснить старику, что красные пограничники не могут нарушать границу, а если Назаров вознамерится прийти сюда, то они разгромят его.

— Твоя фанза цела, подправишь немного — и живи, — убеждал Федор Иванович старого друга. — Начальник, — Дед кивнул на Кузнецова, — не даст Син Хо в обиду. Начальника и красных солдат прислал сам Ленин. Японцев здесь больше нет. — Партизан выразительно поддал коленкой. — Понял? А где же твой сын?

— Чен Пен! — позвал старик.

Из-за ели вышел юноша.

— Вот и хорошо! — воскликнул Кротенков.

Но теперь пришла его очередь удивляться. Кузнецов отозвал его в сторонку и сказал, что не вправе разрешить Син Хо и его сыну остаться здесь жить.

Кротенков широко раскрыл глаза.

— Они пришли из-за границы. Разрешить может только Никольск-Уссурийск, — твердо сказал чекист.

— Коли так, я сам сведу их к начальнику Особого отдела. — Дед даже обрадовался, что таким образом скорее попадет домой. Ведь, кроме Син Хо с сыном, надо доставить в Никольск-Уссурийск трех контрабандистов.

На том и порешили.

— Завтра и пойду, — заключил Кротенков.

Но завтра, отправившись пораньше утром на охоту, он вместо кабана поймал совсем другую дичь.

Приехав с проверки нарядов на границе, Кузнецов даже опешил от неожиданности: перед заставой стоял невысокий худощавый японец, руки у него были скручены веревкой за спиной, под левым глазом темнел здоровенный синяк. Рядом прохаживался Федор Иванович. Кузнецову еще не доводилось видеть Деда в такой ярости. Чуть поодаль стояли пограничник Рябов и Син Хо с сыном.

— Видал кабанчика? — выкрикнул Дед, повернувшись к командиру. — Вздумал угостить меня джиу-джитсу!

Дед так внушительно потряс большим костистым кулаком перед самым носом японца, что тот в страхе отшатнулся.

— В чем дело? Доложите по порядку, — предложил Кузнецов, едва сдерживая улыбку.

Чтобы не производить шума близ заставы, Кротенков отправился на охоту подалее от границы, в кедровник. Он долго лежал в кустах с подветренной стороны у облюбованного кабанями места и наконец увидел самку с тремя поросятами. «Мясо на дорогу будет!» — подумал он, прицеливаясь. И вдруг явно кем-то напуганные кабаны скрылись в подлеске.

Не тигр ли? Дед замер. Ему еще не доводилось встречаться с хозяином тайги один на один.

— А вместо тигра-то на меня вылез вот этот самый подлюга, — волнуясь, рассказывал Федор Иванович. — В руке пугалку держит. — Дед презрительно сплюнул на лежащий на земле легкий карабин. — Я, значит, выскочил и хватя его за руку. А он, гнилая душа, вздумал пинать меня в живот. Ну, раз не хочешь подобру-поздорову, получай: пришлось о его физию руку марать...

«Откуда в тайге японец? Куда он шел? Зачем?» — гадал Кузнецов, рассматривая пленного, высокомерно поджавшего губы.

— Вы его обыскали?

— Все, как полагается. — Кротенков вытащил из карманов пару пистолетов. — А здесь продукты и прочее, — ткнул он валенком в лежащую на снегу котомку.

Командир посмотрел на ловко пригнанную охотничью одежду, в которую обрядился японец, потом на большие, военного образца ботинки:

— Снимите обувь!

Японец даже не повернул головы, словно не понимал, что ему говорят.

— Слушаться! — повисил Кузнецов голос.

Японец вскинул черные близорукие глаза и, присев на бревно, начал торопливо снимать ботинки. Ему дали взамен армейские сапоги и увели в баню, временно приспособленную под арестное помещение.

Кузнецов и Дед прошли в канцелярию заставы — так командир громко назвал одну из комнатушек.

Кузнецов взял кинжал, и не успел Федор Иванович глазом моргнуть, как он отодрал с каблуков ботинок набойки.

— Зачем добро портишь! — возмутился Дед.

— А чего нам жалеть, коли они сами не жалеют, — усмехнулся Кузнецов и, стукнув ботинками о стол, вытряхнул из выдолбленных в каблуках потайных ямок два маленьких сверточка.

Японец, присев на бревно, начал торопливо снимать ботинки.

— Штуковина! — покачал головой Дед и взглянул на чекиста с таким изумлением, что тот расхохотался.

Кузнецов осторожно развернул один сверточек. В пергамент и вату были завернуты несколько граненых камешков, с маленькую горошину каждый. Кузнецов подвинул их на угол стола, под солнечный луч, и горошины засверкали всеми цветами радуги.

— Неужто бриллианты? — прошептал Федор Иванович.

— Они самые... Семь штук,— сосчитал Кузнецов.

— Вот грабитель, вот гнилая душа!—возмущился Дед.— Это же они нас грабят! Я на ихние разбойничьи дела нагляделся: из Владивостока целыми пароходами наше добро увозили.

— Подожди раньше времени волноваться, посмотрим, что здесь.— Кузнецов с той же осторожностью развернул второй сверточек.

Во втором сверточке оказалась какая-то бумага, тщательно запакованная в резиновый мешочек. Кузнецов быстро пробежал глазами бумагу, но ничего не понял: полная бессмыслица, беспорядочный набор слов и цифр. Наверняка шифровка.

Дед всем своим видом выражал явное нетерпение, но чекист не мог удовлетворить его любопытство.

— Твой кабанчик, наверно, тоже из Никольск-Уссурийска пожаловал. Не иначе, как из потайного гнезда.

— Может, к самому полковнику Назарову на связь шел,— вставил Кротенков.

— Может, и к Назарову,— согласился чекист.— А в общем-то, Федор Иванович, это уже не нашего ума дело. Нам здесь, в тайге, с этим не разобраться.

Кузнецов задумался, глядя в окно, в которое с грехом пополам удалось вставить осколки стекла.

— Что делать со шпионом? Не ровен час, удерет по дороге, а птица, видать, важная...

Не желая мешать командиру новыми вопросами, Дед перекатывал с ладони на ладонь сверкающие бриллианты.

— Я сам должен доставить этого типа в Никольск-Уссу-

рийск,— сказал Кузнецов.— Я с вами завтра тоже поеду. Попутно разрешим вопрос и насчет твоего дружка Син Хо. За начальника оставим на заставе Платона Панченко. Вашей шахтерской фамилии парень, из Луганска. Деникину пятки скипидаром смазывал.

— Я ему помогу,— перебил Федор Иванович.— Где месяц, там и неделя.

Кузнецов даже вскочил от радости:

— Так ты меня выручил, так выручил!..

— При чем тут «выручил»,— обиделся Дед.— Ты что ж думал, я совсем без понятия?..

Кузнецов уехал в начале марта. С ним отправились двое пограничников и Син Хо с сыном. В середине маленького отряда ехали три контрабандиста и задержанный Дедом японец.

А на другой день Панченко сообщил Деду, что утром на маньчжурской стороне кто-то жег костры.

— Не иначе, как Назаров,— встревожился Федор Иванович.— Держи ушки на макушке!..

Присматриваясь к Панченко, он с удовлетворением отметил про себя, что Платон парень находчивый, самостоятельный, как и положено рабочему человеку, только, пожалуй, через край самонадеянный.

Ночью Панченко собрался проверить высланные на границу наряды: бдительно ли несут службу молодые бойцы?

— Может, сегодня тебе лучше с заставы не отлучаться? — подсказал Дед.

— Чего там! — усмехнулся Платон.— Если Назаров вздумает сунуться, на самой границе мы ему скорее лапы обрубим.

Федор Иванович хотел сказать, что, пожалуй, разумнее оттянуть пограничные наряды к заставе да выставить парутройку дозоров — неизвестно ведь, сколько у Назарова штыков,— да вдруг Панченко высмеет: «Струсил, Дед?»

Как же корил себя потом Федор Иванович, что не уговорил Платона! Но известно, что после драки махать кулаками дело бесполезное.

Панченко взял с собой Голубева, и они ускакали к границе. Дед наработался за день на ремонте конюшни и пришел в комнате Кузнецова отдохнуть.

Кузнецов не успел еще толком обжиться на новом месте, но уже соорудил полку для книжек. Правда, маловато у него еще книжек, но, видать, они самые важные, если он привез их за тысячи верст, из Москвы.

Федор Иванович с уважением перелистал «Коммунистический Манифест»; взвесил на ладони объемистый Марксов «Капитал»; шевеля губами, прочел на обложке брошюры: «Ленин. Очередные задачи советской власти». Разглядел он на полке и томик стихов Некрасова, и пушкинскую «Полтаву».

Самодельная моргалка, заправленная кабаньим жиром, чадила, еле освещая комнатушку. «Завтра днем разбейся, а выкрой время, прочитай, что пишет Ленин насчет очередных задач», — наказал сам себе Федор Иванович и тут только заметил на стене, над дощатым столом, чью-то карточку. «Видать, кто-то из Семеновых боевых друзей». Поднес к карточке моргалку и даже крикнул от изумления: «Мать честная!..» С пожелтевшей фотографии улыбалась большеглазая молоденькая женщина в буденовке, с винтовкой в руках. «Кем же она доводится Семену — женой либо невестой?..»

Рассматривая миловидное лицо красноармейки, Федор Иванович опять и опять вспомнил своих Дашу и сынишку, и взгрустнулось: «Надолго ли застрял в тайге?..»

Наступала уссурийская весна. Днем все сильнее пригревало солнце, кое-где появились проталины, и хотя ночами прихватывал еще мороз, но над падами уже разносились голоса лебедей-кликунов. На полыньи озера опускались стаи рыболовов-бакланов. Не замедлили появиться и голенастые китайские журавли.

«Скоро цапли с ибисами прилетят, — прикидывал Федор Иванович, — снег сойдет, а там, глядишь, болота отогреются, половодье нагрянет, все размокнет, и не выберешься отсюда до самого июня. Скоро ли Кузнецов обернется?.. Даша все, поди, плачет, а может, уж и плакать перестала».

Так и не полежав, не отдохнув как следует, Дед прошел в канцелярию. Семилинейная лампа была прикручена. На стене висела схема участка заставы. Чертил ее, пользуясь советами Деда, сам Кузнецов. До гражданской войны он работал слесарем первой руки в саратовском депо и умел немного чертить. На схеме были нанесены падь Золотая, распадки и сопки, успевшие зарости молодняком, старые просеки. Жирная извилистая линия обозначала государственную границу.

Кроме Деда и дежурного Морозова, в эту ночь на заставе находилось всего трое пограничников — двое из них спали, третий стоял часовым у ворот.

Дежурный, с явным трудом сдерживая зевоу, перечитывал газету двухмесячной давности.

— Ко сну клонит? — посочувствовал Дед.

— Клонит, — признался дежурный.

— А ты газету-то брось и голову в ведро с водой окуни. Часового давно проверял?

— С полчасика.

— Пора еще раз проверить.

Кротенков вышел во двор. Темнота была такая, что он с трудом разглядел стоявшего на часах Гладышева.

— Кругом ходишь?

— Кругом, — прошептал Гладышев. — Все в порядке, тихо...

Федор Иванович, прислушиваясь и всматриваясь во тьму, тоже обошел вокруг заставы. Со стороны незамерзающей речки доносился глухой говор воды; словно встрепенувшись под порывом ветра, прошумели верхушки кедров и елей; дробно постучали друг о дружку голые ветви дуба, легким хлопаньем о древко напомнил о себе кумачовый флаг над крышей.

Федор Иванович вернулся в канцелярию, хмуро бросил дежурному:

— Разбуди-ка ребят, товарищ Морозов, — не ровен час, что случится. На воле зги не видно!

Муторно было почему-то на душе, беспокойно. Дед осмотрел внутренние, из дубовых досок ставни на окнах: крепко ли замкнуты? Молодец Кузнецов, что, не мешкая, сделал эти ставни с бойницами. Такие и пуля не пробьет.

За полночь Кротенков снова решил проверить часового: не уснул бы хлопец...

В сенях была тьма крошечная. Придерживаясь о стенку, он направился к выходной двери и замер, услышав сдержанное дыхание.

— Сдавайся, во имя господи! — прохрипел кто-то.

Сени молнией осветила яркая вспышка, грохнул выстрел. Дед, выбросив вперед руки, ухватился за ствол чужой винтовки и рванул ее на себя.

— Давай сюда, давай! — услышал Кротенков, и в это время кто-то большой, тяжелый повалился на него.

Падая, Федор Иванович растопырил пальцы правой руки, наугад ткнул ими перед собой, угодив в глаза бандиту — кто ж иначе это мог быть! Бандит вскрикнул от резкой боли. И тут же одновременно распахнулись двери из казармы и с улицы. Сени осветили вспышки новых выстрелов.

«Прохлопали!» — промелькнуло в сознании Деда. Он лихорадочно нащупал на полу винтовку, брошенную врагом, вскочил и, не целясь, выстрелил в проем наружной двери, где только что видел фигуры бандитов. Снова кто-то истошно завопил, кто-то наткнулся в темноте на лавку, опрокинув стоящие на ней ведра с водой. Наружная дверь захлопнулась.

— Морозов, к окошку в канцелярию, Ефремов, в казарму, Мокин, к начальнику! — скомандовал Кротенков.

Он понял, что застава окружена.

Оставшись в сенях один, он поспешно задвинул на двери дубовый засов, пошарил по внутренней двери в казарму, ища ручку, и тут кто-то схватил его за ноги, пытаясь свалить.

«Притаился, подлюга!..» Дед с силой опустил вниз приклад винтовки, что-то хрустнуло, бандит коротко вскрикнул и умолк.

...До рассвета трое пограничников и Кротенков отстреливались от банды сквозь амбразуры в окнах, а на заре приискал с границы Платон Панченко с десятью бойцами, ударил банде в тыл и рассеял ее.

Тяжел был урон, понесенный в этом первом бою. Часового Гладышева нашли у ворот насмерть заколотым — наверно, бандиты неслышно подкрались к нему сзади. Панченко — ах ты, Платон, Платон, горячая твоя голова! — навек останется калекой — пуля насквозь пробилла ему бедро. Кость она не задела, но, по-видимому, повредила нерв, так как нога у Платона сразу отнялась и он чуть не плакал от нестерпимой боли.

— Насмотрелся я на такие дела. Сохнуть у него нога начнет, — сказал Дед Морозову, когда они остались одни.

Бойца Мокина контузило в голову пулей, отскочившей рикошетом от круглой, обитой железом печки, но и сам Михаил и товарищи не вдруг поняли, что он оглох.

— Что вы шепчетесь?! — закричал Мокин на Деда и Морозова, а они и не думали шептаться.

Бандиты подожгли конюшню, и в огне погибли шесть лошадей, в том числе и кротенковская сибирка, верно служившая ему все годы его походной, партизанской жизни.

Потери банды были куда серьезнее — девять убитых назаровцев зарыли пограничники в дальнем распадке; наверняка были среди бандитов и раненые, да разве это могло служить утешением?..

Гладышева похоронили рядом с заставой, под дубом. На прибитой к стволу дощечке Морозов выжиг шомполом:

«Питерский пролетарий, красный пограничник, комсомолец Степан Гладышев. Погиб на боевом посту от злодейской руки врагов революции 12 марта 1923 года.

Вечная тебе память, дорогой товарищ!..»

...Кузнецов возвратился из Никольск-Уссурийска лишь в канун апреля. За это время заставе пришлось выдержать еще один бой — бой с бандой есаула Шубина, по счастью окончившийся для пограничников без потерь. Бойцы Ефремов и Голубев задержали трех спиртоносов, обвешанных под одеж-

дой плоскими фляжками, наполненными ректификатом. Чтобы не было соблазна, Дед вылил спирт в речку Золотую.

— Я за беду в ответе,— заключил Федор Иванович, рассказав Кузнецову обо всем, что случилось в его отсутствие.

— При чем тут ты, товарищ Кротенков? — возразил Кузнецов.— Пусть и не было меня на заставе, а я начальник, мне и ответ держать. Не приучен я на чужие плечи вину перекладывать — это раз, а во-вторых, на войне, к сожалению, без потерь не бывает. И плюс тоже есть — бандюков вы проучили крепко.— Кузнецов помолчал.— Знаешь, Федор Иванович, кем оказался твой японец? Жил во Владивостоке с девятьсот восьмого года, прачкой в порту работал, а перед тем окончил в Токио академию генерального штаба. Прачка в чине полковника! Ловко? И представь себе, действительно ведь, подлюга, шел на связь к Назарову с директивной насчет объединения банд в ударную войсковую группу.

— Опять интервенцию затевают? — нахмурился Дед.— Мало им под Волочаевкой да под Спасском бока намяли?

— Пусть сунутся! — Кузнецов побарабанил пальцами по кобуре маузера.— Что же ты не спрашиваешь про своего дружка Син Хо?

— Ну, ну, как он?

— На выбор ему предложили: или жить в своей фанзе, или поехать на остров Аскольд—там создают питомник черно-бурых лисиц.

— Что же он решил?

— Поехали оба на Аскольд: и отец и сын. Кстати, я давно тебя хочу спросить, что это за штука такая «тысяча смертей»? Помнишь, ты говорил, что Син Хо спас тебя после «тысячи смертей»?

— Игра самурайская,— недобро усмехнулся Федор Иванович.— Поставят тебя к стенке, выстроят взвод солдат, офицер взмахнет клинком: «Пли!» Винтовки грохнут, а ты живехонек — холостыми палили. Потом опять на допрос поведут. Пытают, пытаются, видят, толку от их иголок да шомполов нет — к виселице приговорят. Повесят, у тебя аж гла-

за на лоб вылезут, и в сей момент перережут веревку — жи-ви! И опять на допрос, опять иголки и щипцы в ход. Молчишь? Решат голову отрубить, на плаху положат, палач подойдет, размахнется и ударит топором перед самым носом. И все в таком роде. Который человек нервами слабый, у того сердце не выдержит. Это вот самое и называется «тысяча смертей».

— За что же они тебя так?

— Да все пытали, сколько в Сучане в подполье большевиков осталось, да где мы прячем оружие. Я тогда из Сучанского ревкома во Владивосток пришел договариваться насчет создания партизанского отряда из наших шахтеров, и не то шпики меня выследили, не то провокатор выдал. А когда я, значит, бежал из тюрьмы и в тайгу подался, меня Син Хо укрыл у себя и вылечил. Такая вот история...

Дед не любил распространяться о своих заслугах перед революцией.

— А на дворе-то, брат ты мой, полная весна! — перевел он разговор на другое.

Весна и в самом деле наступала все дружнее. С каждым днем усиливался лет дикой птицы. Никогда еще не видел Кузнецов такого множества гусей, лебедей и уток. Правда, в ветреные, холодные дни лета вовсе не было, зато в ясную погоду птичьих стада появлялись с восходом солнца и летели до глубоких сумерек. Неумолчный шум стоял над сопками и падами. Кряканье, писк, курлыканье, шипенье, гогот — каких только птичьих голосов не наслушались пограничники!

В пасмурные дни, а особенно вечерами утки и гуси летели чуть ли не над самыми деревьями и кустами, и, по совету Деда, пограничники настреляли их несколько сот штук. Большой погреб был загодя набит льдом, и выпотрошенная дичь могла сохраняться довольно долго.

А вскоре с юга пошли стада диких коз. Они шли днем и ночью, в тайге шуршало, хрустело, между деревьями мелькали быстрые тени, и пограничники в нарядах то и дело настораживались: не нарушитель ли? Не бандиты ли?

Этих коз тоже набили изрядно. Федор Иванович научил,

как их нужно свежевать, солить, коптить и вялить, как подручными средствами выделывать кожу и тачать из нее сапоги и шить брюки и куртки.

— Незаменимый человек этот Дед. Трудно будет нам без него,— с грустью говорил Кузнецов Морозову.

К середине апреля на озере взломало лед, и по ночам от него тянуло холодом, будто там открыли гигантский погреб. Но дни стояли теплые, часто шли щедрые дожди, и начались разливы. Речка Золотая вышла из берегов, затопила распадки, подступила уже совсем близко к заставе. Рана у Панченко поджила, и нужно было спешить с отъездом, пока окончательно не развезло дороги.

Для Платона сделали из козьих шкур носилки.

В помощь Кротенкову Кузнецов назначил двух бойцов. Возвращаясь на Золотую, они захватят из Никольск-Уссурийска почту и кое-что по мелочи, самое необходимое в хозяйстве.

Утром в день отъезда Федор Иванович зашел к начальнику взять письмо.

Кузнецов свернул письмо треугольником, надписал: «Саратов, Липки, дом бывший Бугрова, Петру Васильевичу Кузнецову».

— Бате, значит,— прочитал Кротенков адрес.— А гражданочке письмеца не будет? — кивнул он на фотографию женщины в буденовке.— Кем она, курносая, тебе доводится?

— Пулеметчицей у нас в эскадроне была. Под Жмеринкой погибла.— Кузнецов наклонился над столом и почему-то начал перезаряжать пистолет.

— Ты, товарищ начальник, еще в губчека бумагу напиши,— неожиданно сказал Дед.

— Какую такую бумагу?

— Ну, одним словом, пусть зачислят меня в твои помощники. Если, конечно, с твоей стороны не имеется возражений.

— Есть одно,— едва сдерживая радость, неопределенно сказал Кузнецов.

— Что ж замолчал? — нахмурился Федор Иванович.—
Выкладывай!

— Бороду сбрей. Не к лицу пограничнику с таким помелом ходить. Чего раньше времени в старики-то определился?

— Сбреем...

— А как же с Сучаном будет, с семьей?

— Очень даже просто: на обратном пути заверну в Сучан. Даша у меня в момент соберется...

ПОСТ СЕМИ ГЕРОЕВ

К рассказам не принято писать предисловия, однако события, о которых речь будет ниже, требуют нескольких предварительных слов.

В Киргизии многие знают историю высокогорного пограничного поста Кашка-Су и, рассказывая ее, обязательно добавят, что на том месте, где стоял пост, воздвигнут памят-

ник, на котором высечены имена семи комсомольцев-пограничников.

Если тебе, читатель, доведется побывать в тех местах, обнажи голову, суровым молчанием почти память героев и спроси свое сердце, так ли преданно бьется оно, как бились их сердца.

Дорога к «Посту семи героев» идет через Алайскую долину. По южную сторону долины возвышается Заалай, за хребтом — граница. Она извивается по ущельям, падает в пропасти, пересекает стремительные пенистые, холодные реки, круто взбирается в горы...

В апреле 1927 года в этот район, охраняемый алай-гульчинской пограничной комендатурой, вторглись из-за рубежа басмаческие банды Барбаши Мангитбаева и Джаныбека-Казы. Сотни басмачей, вооруженных старыми длинноствольными ружьями и новенькими английскими карабинами, напали на немногочисленные гарнизоны пограничных застав, стремясь прорваться в глубь Советской Киргизии.

1

О появлении басмачей первым сообщил на пост Кашка-Су вернувшийся под утро из дозора Иван Ватник: «По Черному ущелью продвигается банда сабель в двести».

Старшина поста Андрей Сидоров решил немедля предупредить соседние заставы Ой-Тал и Ишик-Арт о грозящей им опасности. На Ишик-Арт он послал Ивана Ватника, на Ой-Тал направился сам.

Миновав спящий кишлак — с десятков прилепившихся к горному склону юрт, — Сидоров услышал конский топот. Кто-то стремительно скакал встречь. Старшина придержал лошадь и скинул с плеча винтовку-драгунку. Из-за скалы вымахнул всадник; увидев старшину, вздыбил взмыленного коня. Сидоров с удивлением узнал в лихом джигите старого чабана Сулеймана из кишлака Сары-Бай. Они познакомились два года назад, когда пограничники учили киргизов косить траву и заготавливать на зиму сено. С тех пор Сулей-

ман называл себя вечным другом «зеленых шапок»: овцы не гибнут больше от страшного джута¹.

Не слезая с разгоряченного коня, Сулейман с тревогой рассказал, что ночью в Сары-Бай приезжали неизвестные люди; они раздали манапам² винчестеры и патроны. Сегодня манапы ждут курбашей³ Мангитбаева и Джаныбека-Казы. Старшине ехать через Сары-Бай нельзя. Возможно, что сейчас басмачи уже в кишлаке.

Сидоров поблагодарил старика и посоветовал ему переждать день-другой на посту: вдруг басмачи дознаются, что Сулейман предупредил пограничников.

— Седая борода не сделала Сулеймана трусливым козлом! — гордо усмехнулся чабан и повернул обратно.

Путь на заставу лежал через Сары-Бай. Но, конечно, Сулейман прав — ехать там нельзя: угодишь в засаду. Сидоров направил свою низкорослую лошадь-киргизку в объезд.

Крутая тропа вывела старшину высоко в горы. Отсюда сквозь просветы в облаках виднелась Алайская долина и протекавшая вдоль нее бурная Кызыл-Су⁴. Размывая песок и глину, река окрасилась в бледно-кирпичный цвет.

По берегам Кызыл-Су зеленели луга; на склонах росли кусты терескена и одинокие березы, храбро избегавшие под самые облака, навстречу стройным серебристым тянь-шаньским елям. Выше, над тропой, где летом цветут лиловые фиалки и красные маки, еще не стоял снег, подновленный ночной поросшей.

У брода через быструю безымянную речку старшина остановился: от его взора не ускользнули едва приметные в осыпавшейся гальке следы конских копыт. На противоположном берегу они были еще влажными: неизвестные всадники проехали тут совсем недавно. Лошади, судя по короткому шагу, были или чем-то тяжело нагружены, или устали от дальнего пути.

«И здесь басмачи!» Сидоров свернул в глухое ущелье.

¹ Дж у т — массовый падеж скота от бескормицы.

² М а н а п ы — кулаки, богатеи.

³ К у р б а ш и — басмаческие главари.

⁴ К ы з ы л - С у — красная вода.

Двое суток подряд начальник заставы Ой-Тал Воробьев не смыкал глаз и лишь под утро задремал, уронив голову на стол. Но тревожная дрема — не сон. Он вскочил с табурета, поправив сползшую кобуру: кто-то подскакал к заставе.

— Куприна, значит, не встретил? — нахмурился начальник, выслушав доклад старшины. — Я послал его с четырьмя бойцами вам в подкрепление.

— Не встретил, — подтвердил Сидоров. — Я ехал через ущелье. В Сары-Бае басмачи.

— Веселое дело! — в сердцах произнес Воробьев.

Вторые сутки из самых различных пунктов на заставу поступали сообщения о появлении в горах басмачей. Однако до приезда Андрея Сидорова не было известно, что они уже так близко. Будь телефон, все обернулось бы по-другому, о басмачах давно знала бы комендатура, но разрушенную лавиной телефонную линию раньше июня не восстановить.

На заставе осталось всего пятнадцать бойцов, и распсылать силы, направляя в кишлаки и на высокогорные посты еще других пограничников, было явно неразумно.

На прощанье Воробьев сказал старшине:

— Если Куприн не прибыл, уничтожь документы и пробивайтесь сюда. Все уничтожь! Понятно? Вшестером вам не продержаться. А я пошлю в Алай-Гульчу гонца...

Вместе с командиром отделения Куприным на усиление поста Кашка-Су направлялись пограничники Сомов, Охупкин, Багиров и Гребешков.

На рассвете, не подозревая о засаде, они въехали в расположенный по пути спящий кишлак Сары-Бай и тотчас были окружены несколькими десятками притаившихся басмачей. Схватка была неравной и недолгой. Под Куприным, Багировым и Сомовым сразу убили лошадей, и не успели пограничники подняться с земли, как их оглушили ударами прикладов.

Гребешков дрался упорно. Обнажив клинок, он врубился в гущу врагов, ранил двоих, но его вышибли из седла. Привстав на колени, Гребешков изловчился и нанес удар подскакавшему басмачу, но тут же был смертельно ранен в спину. Он был уже мертв, а его все еще кололи и били...

Дольше всех сопротивлялся Охаккин. Свалив в ожесточенной схватке троих басмачей, он вырвался из кольца банды и поскакал в горы.

Внезапно конь его остушился и, сломав ногу, рухнул. Разъяренные бандиты настигли Охаккина и взяли в сабли. Один удар рассек ему руку, сжимавшую драгунку, другой обрушился на голову.

Окровавленного, потерявшего сознание пограничника басмачи сбросили в пропасть...

4

Возвратившись с заставы Ой-Тал на пост Кашка-Су, Сидоров убедился в самых худших своих предположениях: посланная начальником заставы поддержка не прибыла. Хорошо еще, что благополучно вернулся из Ишик-Арта Иван Ватник, незамеченным проскочивший мимо басмаческого коша¹.

Старшина сжег документы, а потом велел вытащить во двор запас продовольствия, постели, книги, свалить все в кучу, облить керосином и поджечь.

С собой Сидоров взял только патроны и пулемет да решил Ивану Ватнику захватить общую любимицу — балайку.

Пограничники сумрачно смотрели на пламя, уничтожавшее добро, с таким трудом доставленное в горы.

Какой же дорогой добираться до заставы? Через Сары-Бай ехать нельзя; ущельем, по которому старшина вернулся с Ой-Тала, рискованно: того и гляди, наскочишь на банду — он видел недалеко в горах дымы от костров. И Сидоров ре-

¹ Кош — стоянка, бивак.

шил направиться дальним кружным путем, через старый заброшенный перевал.

Поодиночке переехав повисший над пропастью раскачивающийся ветхий мост, пограничники поднялись на замшелую скалу и вдруг увидели басмачей: десять бандитов в белых чалмах и разноцветных халатах, лошадь к лошади, преграждали тропу. И у каждого — сабля и карабин. А слева, с крутого склона, спускались новые всадники.

«Сколько же их? — прикинул Сидоров. — Сотня? Полторы?.. Что делать?» Путь назад под градом пуль был так же бессмыслен, как прыжок в пропасть.

— Прорвемся, — не оборачиваясь, негромко сказал старшина товарищам. — Вперед!

Пригнувшись к лукам седел, стреляя на полном скаку, пограничники врезались в цепь басмачей и прорвали ее.

Свист ветра в ушах, грохот выстрелов, искры из-под копыт, спазма в горле и одна мысль: «Скорее, скорее, скорее!..»

Ошеломленные дерзким маневром пограничников, басмачи ринулись вдогонку. Всё ближе и ближе за спиной бойцов цокот подков, все громче и неистовее крики: «Алла, алла!..»

Верстах в четырех от поста, близ перевала, находилась старая заимка. В бураны и в непогоду пограничные дозоры заезжали сюда обогреться, высушить одежду, передохнуть. Сложенный из крепких толстых бревен домик мог служить на первых порах чем-то вроде редута. Притулившись к отвесной скале, почти у самого края глубокого ущелья, заимка как бы запирала узкую тропу, по которой в этом месте с трудом могли проехать рядом четыре всадника.

У этой-то заимки пограничники и спешились. Бросив на произвол судьбы коней, они вбежали в домик, забаррикадировали дверь, заложили окна камнями, оставив небольшие амбразуры.

— Мы должны задержать банду, — сказал старшина Сидоров. — По дороге через Сары-Бай и через ущелье взять нашу заставу в лоб басмачам будет трудно — застава там неплохо защищена, а с тыла, с перевала...

Отлично понимали значение заимки и басмачи. Не риск-

нув сунуться под пули укрывшихся в маленькой крепости пограничников, они дожидались наступления ночи. А ночью, едва молодая луна скрылась за гребнем хребта, начался бой.

В заимке никто не спал. Огня не зажигали, сидели в темноте, по очереди дежуря у окон.

— Ползут! — доложил прильнувший к амбразуре Николай Жуков.

— Стрелять только наверняка! — приказал старшина. — Ватник и Бердников, за мной!

Ночью из заимки можно проглядеть врагов, и Сидоров решил устроить заслон на тропе.

Иван Ватник и Яков Бердников выбрались вслед за старшиной из домика и залегли за камнями.

Где-то в горах сорвалась лавина. Еще не умолк ее гул, отраженный многоголосым эхо, как Сидоров выстрелил. Первый из ползущих по тропе басмачей, не вскрикнув, ткнулся лицом в камни и замер; второй вскочил и, не успев сделать шага, свалился в пропасть: Бердников стрелял не хуже старшины. Тотчас басмачи, притаившиеся за скалами, открыли беспорядочный огонь.

В эту ночь они трижды пытались прокрасться к заимке, чтобы окружить ее, но безуспешно.

Под утро, когда Сидоров, Бердников и Ватник вернулись в домок, раздался негромкий стук в дверь.

— Откройте... Свои...

Сидоров приотворил дверь. В заимку вполз молодой киргиз, на спине у него лежал пограничник Владимир Охалкин, сброшенный бандитами в пропасть за кишлаком Сары-Бай. Охалкин упал в глубокий снег на дне пропасти, и это спасло его...

— Я видел, как басмач его кидал, — рассказал киргиз. — Мой комсомолец. Мой зовут Джурабаев Асылбек. Меня отец посылал. Я сын Сулеймана, чабана Сулеймана Джурабаева.

Охалкину перевязали раны, напоили его водой.

— Куприн попал в засаду... — едва слышно прошептал он.

В старой конюшне, куда втолкнули связанных по рукам и ногам пограничников, была темень, хоть глаз выколи.

На дверях звякнул замок, голоса басмачей удалились.

— Сомов, как ты? — шепотом позвал Куприн.

— Цел я, товарищ командир, черепок малость повредили.

— И я цел, — отозвался Багиров.

Повернувшись, Куприн почувствовал плечом что-то мягкое. Вскоре, освоившись в темноте, он разглядел неподвижно лежащего человека.

— Товарищ, товарищ, откуда ты?..

Человек пошевелился, но ничего не ответил.

После полудня двери растворились, с улицы ворвалось солнце, и, прищурившись от яркого света, Куприн увидел, что рядом лежит председатель кишлачного Совета Рехимбай. Во рту у него торчал кляп.

В конюшню вошел человек с черной бородкой клинышком и отеками веками; следом за ним два басмача втащили обессиленного, окровавленного старика. Лицо старика было изуродовано, на губах пузырилась алая пена. Куприн вздрогнул: это же чабан Сулейман!..

Бросив чабана на пол, басмачи подошли к Куприну. Пнув его в бок, один из них сказал на ломаном русском языке:

— Твоя принимает веру Магомета? Мангитбаев честь предлагает.

— Думай, пожалуйста, до второго восхода солнца. Ничего не придумаешь — ушиотрежем, носотрежем, снова думаешь, — с издевкой добавил человек с отеками веками.

Куприн промолчал.

Басмачи заткнули пленным рты вонючей свалывшейся бараньей шерстью и, громко пересмеиваясь, ушли. На дверях снова звякнул замок.

Минули день, вечер, холодная ночь. Наутро опять приходили басмачи. Сказав Куприну: «Долго думаешь, плохо

будет!» — один из них рывком вытащил изо рта Куприна клочок шерсти, поднес к губам пиалу, наполненную прозрачной водой. Куприн отвернулся.

— Ой, скажи пожалуйста, какой бай! — Басмач эло заткнул Куприну рот и протянул пиалу Сомову.

Сомов жадно прильнул к пиале, глотнул и тотчас выплюнул: вода была соленая. Басмачи захохотали, довольно хлопая себя по бокам.

Наступила вторая ночь. Куприн сознавал, что некому прийти им на выручку, и в бессильной ярости скрипел зубами. «Неужто так и погибнем здесь?.. Что сейчас на посту Сидорова? И на заставе? Может быть, на них уже напали басмачи?»

Слева кто-то перекатывался с боку на бок. Кто? Спросить невозможно: вонючая шерсть слиплась во рту, шерстинки попали в горло. Напрягая силы, выгнув шею, Куприн чихнул. Кляп вылетел, как пробка из бутылки. Потихоньку откашливаясь — не дай бог, чтобы услышали часовые,— Куприн почувствовал, как кто-то тронул его за ногу.

— Я, это я... — послышался сдержанный шепот.

— Багиров? — узнал Куприн по голосу.

— Я самый, товарищ командир,— подтвердил пограничник и, торопливо нащупывая узел, развязал стягивающие Куприна веревки.

— Это ты катался? — разминая затекшие руки, прошептал Куприн.

— Я... Со вчерашнего вечера катаюсь, еле-еле распутался. Хорошо, что бандюки ко мне не подошли.

Двоем они быстро развязали Сомова и Рехим-бая. Теперь нужно освободить старика Сулеймана. Куприн пошарил вокруг и наткнулся на скрюченные холодные пальцы чабана...

Обследовав все закоулки тюрьмы, пограничники решили попытаться сделать подкоп в дальнем от дверей углу. Они вооружились найденным в куче мусора кетменем, пряжками от ремней и с ожесточением начали долбить закаменевший глиняный пол.

Восемь суток Сидоров командовал крошечным гарнизоном, отбивая ночные атаки басмачей и не пропуская банду к заставе.

Рассказ Охапкина о захвате кишлака Сары-Бай не оставлял сомнений: басмачи попытаются окружить заставу. Ясно, что Воробьев не может прийти на выручку. Однако Сидоров не сомневался, что вот-вот придёт подмога из Оша. Смог же Ватник проскочить к Ишик-Арту и обратно. Наверняка и гонец заставы доберется до Алай-Гульчи, до комендатуры...

Обнаруженный в заимке небольшой запас сухарей, рассчитанный на двух-трех бойцов, был съеден.

Каждое утро Сидоров выдавал товарищам по половине сухаря. Сам он, как и все остальные, исключая Ивана Ватника, немедленно сгрызал кусочек окаменевшего хлеба. А Ватник умудрялся дробить свою порцию на три и во время ужина делился крошками с раненым Охапкинским или Бердниковым. А оттуда, где расположились басмачи, ветер доносил запахи жареной баранины.

Мучимый ранами Владимир Охапкин и больной, в жару Яков Бердников — он болел ангиной — лежали на скамьях. Ослабевшие от голода Валерий Свищевский, Иосиф Шаган, Николай Жуков и Асылбек Джурабаев — вповалку на земляном полу. Андрей Сидоров с Иваном Ватником — они чувствовали себя лучше других — посменно дежурили у амбразур.

Басмачи атаковывали заимку лишь по ночам, но наблюдать за ними нужно было круглые сутки.

За восемь дней в часы затишья обо всем уже было переговорено. Зимой на посту Кашка-Су они почти никогда не находились все вместе, разве что случайно, в снежные бури, когда неистовый горный ветер не давал возможности выйти из поста наружу. В другое же время жизнь их, суровая, трудная жизнь стражей границы, протекала так же, как на любой пограничной заставе: кто-то был в служебном наря-

де, кто-то отдыхал, или читал учебник политграмоты, или чинил обмундирование; глядя сквозь окно на заснеженные хребты, видел родной завод, родную деревню, слышал песнь матери, невнятное бормотание бабки, отбивающей перед иконой земные поклоны, задорную комсомольскую песню «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там...».

Здесь же, в высокогорной заимке, осажженной басмачами, пограничники были все вместе и, продремав пару часов после тревожной ночи, не могли молчать. Каждый не таясь поведал историю своей недолгой жизни, вспоминал родных и любимых.

— Когда я окончил фабзавуч и сдал норму на слесаря третьего разряда,— рассказывал Сидоров,— отец созвал гостей, своих старых дружков по цеху, и при всех подарил мне кронциркуль. Он с этим кронциркулем работал, когда на нашем заводе делали бронепоезд «Смерть капиталу!». Отец на том бронепоезде с Колчаком воевал...

— А моего батьку кулаки убили, на вилы подняли,— отозвался Коля Жуков.— Батька в нашем селе председателем комбеда был...

— Я инженером стану по электрической части,— мечтал Яша Бердников.— Не верите? Честное комсомольское! Отслужу действительную — и на рабфак.

— А что, ребята, деньги при коммунизме останутся? — спрашивал Иосиф Шаган.

— Нужники из золота делать будут,— усмехнулся Иван Ватник.

— Победит пролетарская революция во всем мире — соберемся мы с вами, седые, бородатые, и пригласим к себе в гости негра из Африки, индейца из Америки, китайца из Шанхая, рудокопа из Англии — садитесь за наш стол, угощайтесь пельменями, запивайте винцом, рассказывайте, как вы буржуйам по шеям надавали, пойте свои песни! — мечтал Валерий Свищевский.— Эх и много, наверно, хороших песен на всем земном шаре!.. А до чего ж хорошо наши девочки на посиделках поют! Как затянут: «Калинка, калинка, калинка моя...»

Андрей Сидоров с Иваном Ватником посменно дежурили у амбразур.

Как-то на третий или на четвертый день осады вместе с запахом жареной баранины ветер донес из вражьего стана унылые звуки кобыза¹.

— Разрешите, товарищ старшина? — схватил Иван Ватник совсем было забытую балалайку.

— Отвечай! — кивнул Сидоров.

И Иван ответил. Он лихо сыграл веселую «Барыню», озорного «Казачка», грозную «Варшавянку».

С этого дня каждый вечер перед заходом солнца, перед началом неравного ночного боя, из осажденной заимки задорно, величаво и грозно звенела русская балалайка. Ей вторили громкие молодые голоса. Они пели и народные русские и украинские песни, и песни революции. Последним сквозь растворенную дверь гремел над ущельем, над горами «Интернационал».

Сын старого чабана Сулеймана Асылбек плохо знал русский язык, но он тоже пел вместе со всеми. Оживлялся и Владимир Охаккин, приподнимался, опираясь на здоровую руку, из глаз его исчезала боль, и он подпевал товарищам молодым, ломающимся баском. Подпевал вполголоса, с хрипотцой и Яков Бердников...

Если бы в заимку смог заглянуть посторонний человек, он не поверил бы, что гарнизон Сидорова находится в осаде, что уже который день пограничники голодают и по ночам их донимает мороз, что почти предreshена их гибель.

Могли ли они надеяться на помощь заставы? Они сами помогали ей, сдерживая банду.

Могли ли они хоть на один миг задуматься: не принять ли ультиматум Барбаши Мангитбаева о сдаче в плен? Они бы сами казнили первого, кто предложил им изменить присяге. В чудо они не верили, каждый из них понимал, что их ожидает, но разве легко смириться со страшной неизбежностью?..

На девятый день иссякли патроны.

— Кончено! — прохрипел Яков Бердников, прислонив к стене винтовку.

¹ К о б ы з — трехструнный музыкальный инструмент.

— Что? Что ты сказал? — нахмурился Сидоров.

— Патроны кончились,— поправился Бердников и натужно закашлялся, схватившись рукой за горло.

— А сколько у тебя? — обратился старшина к Ивану Ватнику.

— Три обоймы.

— До утра не хватит,— вставил Николай Жуков.

— А у тебя сколько? — спросил старшина.

— Пара...

— Я знаю, о чем вы думаете: почему не попытаться счастья и не пробиться в горы?

Все повернулись к старшине. Даже невозмутимый Иван Ватник на мгновение отпрянул от амбразуры.

— Все мы, конечно, не пробьемся,— продолжал Сидоров,— но, может быть, кто-нибудь и уцелеет... А если мы уйдем отсюда хотя бы на час раньше,— повысил голос старшина,— басмачи на час раньше попадут к нашей заставе.

— Мы не уйдем! — ответил за всех Иван Ватник.

И тихо стало в заимке.

— Товарищи! — прозвучал в тишине голос Андрея Сидорова.— Родина не забудет нас. От лица командования благодарю вас за верную службу!

Старшина подошел к каждому, каждого обнял и троекратно, по-русски, поцеловал: в правую щеку, в левую щеку и в губы.

7

Бежав из плена, Куприн и его товарищи несколько дней окольными путями пробирались к заставе. На леднике они встретили Асылбека Джурабаева. Едва живой, изможденный, юноша полз, цепляясь обмороженными пальцами за камни.

— Это сын Сулеймана! — сказал Рехим-бай Куприну.

— Мой был вместе с Андреем... Сидоровым... Он послал меня...— с трудом вымолвил Асылбек.

— Где Сидоров? Где все они? — с тревогой спросил Куприн...

Это было 24 апреля. А через сутки прибыл отряд пограничников из Оша. Отряд разгромил банды Барбаши Мангитбаева и Джаныбека-Казы, снял осаду с пограничных застав.

Воробьев с Куприным, Асылбеком Джурабаевым и группой бойцов поскакали в горы. На месте старой заимки они обнаружили обуглившиеся развалины. Из-под головешек извлекли семь трупов, семь винтовок с обгорелыми прикладами и закопченный пулемет.

Ни у одной винтовки не оказалось затвора, пулемет был без замка. Их нашли позже, под обломками очага. Перед смертью Сидоров и его товарищи испортили оружие, чтобы им не могли воспользоваться басмачи.

На стальном щитке пулемета чем-то острым было выцарапано:

23.IV-1927 года

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНИЗМ!
АНДРЕЙ СИДОРОВ, ЯКОВ БЕРДНИКОВ,
ВЛАДИМИР ОХАПКИН, ИВАН ВАТНИК,
ВАЛЕРИЙ СВИЩЕВСКИЙ, НИКОЛАЙ ЖУКОВ,
ИОСИФ ШАГАН.**

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

Проводника Ислама обвязали под мышками веревкой и начали опускать в колодец. Неужели и здесь не будет воды? Хотя бы такой, какая оказалась в Бурмет-Кую: солоноватой, пахнущей сероводородом.

Булатов сидел около сруба и следил воспаленными, покрасневшими глазами за медленно скользящей вниз верев-

кой. Рядом стоял командир отряда Шаров. Просто непостижимо, как он способен стоять под таким солнцем в гимнастерке, туго перекрещенной портупеей!

Всего пятнадцать пограничников из ста могли держаться на ногах. Они столпились у колодца в нетерпеливой надежде. Остальные лежали на песке. Многие были без сознания, некоторые бредили, а пулеметчика Гаврикова пришлось связать: он вскочил вдруг, негромко засмеялся, побежал к бархану, упал на колени, набрал в пригоршню горячего песка и с жадностью начал его глотать.

Врач отряда Карпухин вылил в пиалу из бачка с неприкосновенным запасом последнюю ложку воды, добавил несколько капель клюквенного экстракта и дал больному. А не прошло и минуты — сам потерял сознание.

С каждым часом палящий зной становился нестерпимее. Но куда скрыться от зноя в пустыне? Будто окаменев, втянув под панцирь голову и лапы, лежали на склонах барханов черепахи. Лошади сгрудились, понунив головы, тяжело вздымая бока. Даже кара-кумские жаворонки, нахохлившись, раскрыв клювики, притаились в безлистных кустах саксаула.

Только неумомимые пустынные славки, совсем крохотные пичуги, — видно, им жара нипочем! — перепархивали с саксаула на саксаул да юркие ящерицы стремительно перебежали от норы к норе.

В голубовато-желтом небе, словно впитавшем в себя цвет бескрайних песков, — ни облачка, одно рыжее беспощадное солнце.

Воды!.. Если бы выпить сейчас хоть глоток воды!.. А веревка все скользит и скользит, будто у колодца нет дна.

Булатов с усилием облизнул сухим, распухшим языком потрескавшиеся губы. Он сидел на плаще, распоясанный, расстегнув ворот скоробившейся от соленого пота гимнастерки, обмотав голову полотенцем, и тяжело, прерывисто дышал. Лицо его, с которого за короткую зиму не успевал сходить загар, стало темно-коричневым. На крутом лбу, на заострившемся носу, на обтянутых скулах кожа облупилась.

Веревка на секунду приостановилась и тотчас же отчаянно заплясала.

— Вытаскивай! — скомандовал Шаров.

Комсомольцы Никитин и Сахаров — они чувствовали себя лучше других — навалились на рукоятку железного ворота, и через минуту-другую в шестиграннике сруба появилась чалма проводника.

— Плохо, начальник, совсем плохо! — в страхе пробормотал Ислам и разжал кулак: на ладони лежал сухой песок.

Булатов тревожно посмотрел на командира: «Что же теперь делать?»

— Будем откапывать! — сказал Шаров.

Ислам поднял руку и легонько подул на ладонь. Песчинки разлетелись.

— Совсем сухой! На дне сухой, с боков сыплется. Обвал будет, другой колодец надо идти.

Идти до другого колодца? Булатов оглянулся на неподвижно лежащих пограничников. Куда с ними? Они и подняться не смогут.

Шаров наклонился к Булатову:

— Надо откапывать. Как себя чувствуешь?

Булатов уперся руками в обжигающий песок и, пошатываясь, встал. Барханы закачались перед глазами и полезли кверху; вместо лица командира он увидел расплывчатое желтое пятно. Тряхнул головой, и барханы остановились.

— Надо! — согласился он.

— Обвал будет! — всплеснул руками проводник. — Пожалуйста, верь Исламу. Дальше идти надо.

Ислам лет тридцать чабил в Кара-Кумах, и Шаров всегда считался с его советами, но сейчас приходилось пренебречь житейским опытом старого туркмена и попытаться добыть воду именно здесь.

Булатов застегнул непослушными, дрожащими пальцами ворот гимнастерки, подпоясался, стащил с головы полотенце, надел фуражку и, тяжело ступая, подошел к распластавшимся на песке бойцам. Те, кто имел еще силы, поверну-

лись к нему. Некоторые смотрели так, словно им было все равно, что скажет сейчас этот низенький, плотный, крутолобый человек. Они уважали и любили его, секретаря партийного бюро своего отряда, но что он может сделать? Скажет: «Будем ждать каравана». А где этот караван? Может быть, он уже прошел где-нибудь рядом за барханами и не заметил дыма сигнальных костров...

Булатов откашлялся и хрипло, не узнавая собственного голоса, сказал:

— Товарищи коммунисты и комсомольцы! Кто из вас может встать?

Несколько пограничников медленно поднялись.

Булатов сосчитал их. Шесть человек: секретарь партбюро второго эскадрона Киселев, комсомолец-снайпер Семухин, рыжеволосый, веснушчатый балагур Ярцев, три новичка, земляки,— иркутчане Молоков, Добров, Капустин.

Булатов перевел дыхание и продолжал, невольно делая после каждой фразы паузу:

— Наш долг — быстрее прийти на помощь отряду Джурева... Не поддержим — погибнут товарищи...

И тогда с трудом поднялись еще трое: коммунист Забелин, комсомольцы Кругликов и Садков.

— Надо откопать колодец...

И тогда, пошатываясь, поднялись беспартийные бойцы Вахрушев и Коробов.

«Только бы самому не упасть!» — подумал Булатов и, помолчав, собравшись с силами, закончил:

— Первыми со мной спускаются товарищи Киселев и Никитин.

— Может, тебе самому-то, Сергей Яковлевич, не спускаться? — негромко спросил Шаров, обвязывая Булатова веревкой.

— Спустишь.

— Ну гляди, чтоб была вода,— деланно улыбнулся Шаров.

— Будет!..

Булатов пятый год служил в этих краях на границе, но,

родившись и выросши в верховьях Волги, так и не мог привыкнуть к здешнему климату и мучительно переносил тропическую жару кара-кумского лета. Не раз во время переходов по пустыне он мысленно принимал решение обратиться к командованию с просьбой перевести его куда-нибудь в более прохладное место. На Кольский полуостров, в Карелию, на Чукотку — куда угодно, только бы там не было этой палящей жары! Однако стоило ему немного отдохнуть, отмыть пыль, выпить горячего, крепкого, утоляющего жажду зеленого чая, как приходили совсем другие мысли. Если все станут жаловаться на жару и добиваться перевода в прохладные места, кто же будет служить в Кара-Кумах? Ведь не одному ему здесь тяжело! И Шарову не сладко: чуть ли не каждый год его треплет лихорадка, а терпит!..

«Никуда я не уеду, пока здесь будет хоть один басмач», — говорил Сергей командиру.

В конце двадцатых и в начале тридцатых годов положение на границах среднеазиатских советских республик было тревожное. Десятки басмаческих банд чуть ли не каждый день нарушали советскую границу, прорывались в тыл, совершали набеги на мирные кишлаки, грабили и сжигали их, убивали советских активистов, увозили награбленное, угоняли пленных и скот.

И где бы ни появлялись басмачи — на плоскогорьях ли Памира, среди хребтов Тянь-Шаня или в отрогах пустынного Копет-Дага, в жарких прикаспийских и приаральских степях или в оазисах великой Кара-Кумской пустыни, — где бы они ни поили своих коней, — в холодном горном потоке или в широкой мутной Аму-Дарье, в бурном Мургабе или в стремительном Чирчике, — всегда следы их вели за Пяндж и Кушку, за Атрек и Сумбар — за границу. Там басмачи получали новенькие английские карабины и пулеметы, и офицеры в белых пробковых шлемах учили бандитов, как нужно обращаться с незнакомым оружием. В лондонских и нью-йоркских банках и биржах хорошо знали цену туркестанского хлопка и за тысячи верст чуяли запах закаспийской нефти...

Части Красной Армии и пограничной охраны разгромили все эти банды. И вдруг снова набег...

Перед тем как отправиться в погоню за бандой Ахмат-Мурды, Шаров сказал секретарю партбюро:

— Ну что ж, Сергей, скоро, значит, распрощаемся? Историю идем делать! Последнюю басмаческую банду громить!..

И вот как обернулась эта история. Вместо того чтобы настигнуть банду Ахмат-Мурды, они сами оказались на краю гибели...

Известие о том, что Ахмат-Мурда снова прорвался через границу из Персии и устремился в наш тыл в Кара-Кумы, было получено четвертого мая 1933 года, но пограничники с неделю не могли напасть на след банды. Обнаружил ее туркменский добровольческий отряд Касыма Джураева. Джураев сообщил об этом по радио, указав приблизительно свое местонахождение — километрах в двухстах к северо-востоку от пограничного оазиса. У Ахмат-Мурды четыреста сабель, у Джураева — всего пятьдесят, и он не ввязывался в бой, а, скрываясь в песках, не выпускал банду из виду.

По сообщению Джураева, Ахмат-Мурда шел к югу. По-видимому, он намеревался опять безнаказанно бежать за кордон, и следовало спешить.

Отряд выступил из оазиса с рассветом 10 мая. Вслед шел караван с запасом воды и фуража. Накануне Шаров и Булатов вместе с колхозниками отобрали для каравана верблюдов, хотя, по сути дела, выбирать было и не из чего. Только недавно закончились пахота и полив, да к тому же была пора линьки, и «корабли пустыни» имели изможденный вид: шерсть в клочьях, горбы обвисли. Самые крепкие верблюды могли поднять пудов по шести, по семи, не больше.

Пустыня началась сразу за последними домами и дувалами кишлака. «Су-ал!»¹ — машинально прочитал Булатов давно знакомую предостерегающую надпись на прибитой к придорожному столбу дощечке.

¹ Возьми воды!

Высокие пирамидальные тополя и раскидистые карагачи, словно испугавшись пустыни, остались на границе оазиса — зеленого островка в океане безводной суши.

Редкие кустики не то серой, не то блекло-голубой полыни казались давно высохшими и омертвелыми. Впечатление было обманчиво — полынь покрылась лёссовой пылью. Вправо от караванной дороги стояли развалины древней крепости, помнившей Тамерлана, и гряда заброшенного арыка.

Переехав влажную низину — старое русло могучей реки, ушедшей по неведомым законам пустыни за сотни верст к западу, — отряд очутился на щебенчатой равнине, покрытой зеленой травой. Отара колхозных овец паслась под присмотром стариков чабанов.

— Селям алейкум! — скинув мохнатые папахи, приветствовали чабаны пограничников.

— Селям! — ответили Шаров и Булатов; они ехали во главе отряда.

На вторые сутки щебенчатую пустыню и гамаду¹, покрытую полынью и песчаной осокой, сменили пески. Куда ни глянь, всюду возвышались барханы и закрепленные белесым саксаулом бугры по десять, а то и по пятнадцать метров высотой.

Между барханами и буграми встречались такыры — голые ровные пространства глинистого слежавшегося солончака, гладкого и блестящего, как натертый паркет. В пору весенних дождей вода держится на такырах месяц, два, иной раз спасая путников от жажды. Но дождей давно уже не было, такыры затвердели, кони выплясывали на них, словно на льду, и бежали веселее. Радовались и всадники, уставшие от бесконечной качки на осыпающихся барханах.

Кончался такыр — и опять пески. Легкий ветер дул с юга, и за отрядом неотступно следовало облачко песчаной пыли...

Несколько раз палящее солнце прочертило горизонт с востока на запад. Знойные дни сменялись холодными ноча-

¹ Г а м а́ д а — гипсовая пустыня.

ми. Мороз опускался на Кара-Кумы так же быстро, как поутру возвращалась жара.

Пограничники спешили, и именно поэтому Шаров и вышел из оазиса раньше, чем караван с водой и фуражом. Однако быстрого темпа лошади выдержать долго не могли: Шаров вел отряд, минуя караванные дороги, по азимуту. Лошади увязали в сыпучем песке, и приходилось идти смешанным маршем: час верхом, полчаса ведя коней в поводу, десять минут отдыха. С наступлением же сумерек продвигались только пешком. Часто попадались норы черепах. Песок был так изрыт ими, что на быстром шагу груженная лошадь могла вывихнуть ногу. Темнота сгущалась быстро, и не оставалось ничего другого, как останавливаться и ждать восхода луны.

Вечером и люди и лошади чувствовали облегчение. Едва не задевая крыльями гребни барханов, летали козодои; нет-нет да выглядывали на поверхность ушастые ежи, и длиннохвостые тушканчики совершали головоломные прыжки.

На привале начиналось оживление: дежурные делали галушки, и первый же глоток чая развязывал языки.

Чтобы уберечься от ночных заморозков, пограничники готовили теплые лежанки по старинному туркменскому способу: отрывали на склоне бархана неглубокие ямки, наполняли их раскаленными углями и сверху засыпали песком.

С востока тянуло холодом. Над океаном пустыни мерцали непостижимо далекие звезды. Млечный Путь гигантским светящимся шарфом опоясывал черное небо. Тишина, страшная, гнетущая тишина, царила вокруг.

Шаров и Булатов почти не спали. Где же караван? Неужели он действительно прошел мимо, не заметив дыма сигнальных костров?..

На седьмой день пути запас воды, взятый с собой отрядом, иссяк. Каравана все еще не было...

«Ах, отхлебнуть бы сейчас один, только один глоток воды!..» Булатов вспомнил о трагической гибели в Кара-Кумах

экспедиции поручика Бековича-Черкасского, посланного Петром Первым на поиски нового русла Аму-Дарьи, повернувшей вспять от Каспийского моря. Вспомнился и поход самонадеянного царского генерала Маракозова через Кара-Кумы в Хиву. Генерал хвастливо уверял, что пустыня страшна лишь для трупов, и отправился в путь с запасом сушеной капусты, лимонов и коньяку, без достаточного количества воды. Две тысячи солдат и пять тысяч лошадей нашли тогда могилу среди песков...

На восьмые сутки новая беда обрушилась на отряд: прервалась радиосвязь с Джураевым.

Весь вечер радист выстукивал на ключе: «Пятерка, Пятерка, вы слышите меня? Отвечайте! Я — Тройка. Настройтесь! Раз, два... Пятерка, вы слышите меня?..»

В отряде уже все спали, кроме часовых, а Шаров и Булатов все еще сидели около радиста и ждали. Но Джураев не отвечал. Что же случилось с Касымом? Может, у него испортилась рация? Хорошо, если так, потому что молчание Пятерки могло означать только одно из двух: порчу рации или гибель отряда. Неужели осторожный, расчетливый Джураев ввязался-таки в бой с бандой?

С восходом луны Шаров приказал поднять людей, и отряд продолжал свой путь на северо-восток.

Луна вошла мутная, подернутая серой пеленой — предвестие самума.

Ветер, сначала тихий, часам к семи утра набрал силу. Барханы задымились. Песчаная пыль закрыла небо. Все кругом стало желто-серым, зыбким. Тонкое, скрипучее пение песков не предвещало доброго. Часам к девяти совсем потемнело. Столбы взметенного ветром песка, покачиваясь, поднимались на вершины барханов и стремительно мчались дальше. Свист урагана заглушал все звуки. Песок не сыпался, а лил и хлестал сверху, с боков — отовсюду. Люди и лошади легли, прижавшись друг к другу. Нельзя было не только поднять голову, но даже глубоко вздохнуть.

Самум бушевал чуть ли не целые сутки, и, когда он унесся куда-то на запад, Шаров пошел по компасу к колодцу

Бурмет-Кую в надежде найти там караван. Каравана не оказалось, а вода в колодце была соленая, пахнущая сероводородом. Возможно, караван и останавливался у Бурмет-Кую и, обнаружив непригодную для питья воду, отправился дальше...

Так они потеряли друг друга в центре великой Кара-Кумской пустыни — отряд пограничников и караван с драгоценным запасом воды и фуража. Тщетно через каждый час пути зажигал Шаров новые и новые сигнальные костры.

На другой день после самума отряд подошел к колодцу Бак-Кую.

В колодце валялся дохлый верблюд.

Установили рацию, опять вызывали Джураева, и опять Пятерка не отвечала.

Булатов и Шаров стояли на гребне высокого бархана.

— Ты видишь? Видишь это озеро? — быстро заговорил Булатов. — Вон там, вдали, озеро! Вон за теми кустами, за тамариском!

Вдали не было ни озера, ни кустов. Всюду вздымались только желтые гигантские волны песка. Горизонт струился, и в этом знойном мареве измученный жаждой человек мог увидеть не только озеро, но и реки и города. То был мираж...

Отряд двинулся дальше.

...Достигнув дна колодца и освободившись от веревки, которую тотчас вытянули наверх, Булатов присел на корточки и пощупал дно и стены. Всюду сухой, текучий песок.

Постепенно глаза привыкли к полумраку, и Булатов убедился, что опасения Ислама были не напрасны — до чего же ветхи стены сруба!..

На дне колодца было не так жарко, как наверху, и Булатов поразился тому, что спустился сюда. Не дожидаясь Киселева с Никитиным, он стал насыпать в ведро песок. Раз, два, три... Вдруг лопата уперлась во что-то твердое. Неужели и здесь басмачи сбросили в колодец сдохшего верблюда? Почему же не пахнет падалью?

Смахнув со лба пот, вытерев шею — ну и духота! — Булатов вспомнил вчерашний мираж. До чего же явственно виделись и озеро и зелень кустов!..

В колодец спустились Киселев и Никитин. Втроем они откопали колоду, когда-то служившую для водооя — в нее и уперлась лопата Булатова, — а потом черепки разбитых пиал.

— Басмачи постарались! — зло сказал Киселев.

Спустя полчаса Киселева и Никитина сменили Сахаров и Садков.

Рядом с колодцем, на поверхности, медленно рос холмик сухого песка, смешанного с углем и золой давних костров. К исходу второго часа невероятных усилий извлеченный со дна колодца песок стал чуть влажным, а вскоре, когда его вытряхивали на землю, он уже сохранял форму ведра.

Неописуемое волнение охватило лагерь. Обессиленные от жажды люди подползали к колодцу. Кое-кто пытался помогать оттаскивать песок от сруба. Лошади, чуя влагу, поворачивали головы к колодцу, нетерпеливо ржали.

«Вода будет», — написал Булатов на вырванном из блокнота листочке и послал записку наверх Шарову.

— Скоро пойдем на поиски Джураева! — громко объявил командир бойцам. С тревогой подумал: «Где Джураев?»

Прошло еще минут двадцать, однако песок не становился более влажным, наоборот, он почему-то опять начал рассыпаться. Ислам пощупал песок, сокрушенно покачал головой:

— Снег таял, в глубину ушел!..

Объяснение было правдоподобным, но до чего не хотелось в него верить! Измерили веревкой глубину колодца: тридцать один метр! Шаров знал, что в здешних местах средняя глубина колодцев тридцать метров, и запросил Булатова:

«Стоит ли дальше копать?»

«Без воды не поднимусь!» — написал в ответ Булатов.

У него кружилась голова, он едва держался на ногах, но его не покидала уверенность, что они во что бы то ни стало добудут воду.

— Командир сказал, чтобы вы поднялись наверх,— передал Булатову вновь спустившийся в колодец комсомолец Никитин.

— Скажите, что чувствую себя хорошо,— хрипло сказал Булатов.

Время от времени он садился на дно, подогнув ноги, чтобы не мешать товарищам, и несколько минут сидел так, не чувствуя тела, упрямо твердя себе: «Добудем воду, добудем!..»

Еще полчаса прошло и еще полчаса, а песок все такой же сухой, сыпучий.

«Кто это так тяжело и хрипло дышит? — прислушался Булатов.— Неужели я сам?..»

— Пятерка все не отвечает,— сказал ему парторг второго эскадрона Киселев.

— Лошадям плохо, некоторые уже полегли,— пожаловался Вахрушев.

Так каждая новая смена бойцов рассказывала Булатову о том, что творится наверху.

Ему сказали, что умер от солнечного удара пулеметчик Гавриков, что при смерти врач Карпухин, а оба радиста впали в беспамятство; что опять поднялся ветер — не вернулся бы самум! — что сдохли три коня, в том числе ахалтекинец Булатова Алмаз...

И каждый спрашивал:

— Может, вы подниметесь наверх?..

Шаров сидел у радиостанции и настойчиво выстукивал: «Пятерка, Пятерка, вы слышите меня?.. Перехожу на прием!»

Отвечает! Командир плотнее прижал наушники. Да, отвечает! Пятерка отвечает! Он лихорадочно стал записывать.

«Вторые сутки веду бой... Банда атакует левый фланг... Патроны на исходе... Когда подойдете?.. Джураев».

«Когда подойдем? — Шаров огляделся вокруг.— Не подойдем без воды»,— с горечью отчаяния подумал он и все же ответил: «В двадцать один час дайте сигнал двумя ракетами»,— потом подозвал Сахарова:

Прошло еще минут двадцать, однако песок не становился более влажным.

— Сейчас ваша очередь спускаться в колодец. Передайте товарищу Булатову вот эту бумагу.— И обернулся к бойцам.— Пограничники! Наши товарищи бьются сейчас с бандой. Патроны у них на исходе! Понятно? Копать надо веселее!..

Прочитав при свете зажженной спички радиограмму Джураева, Булатов с трудом нацарапал на ней: «Убежден, вода будет...»

— Обвал, товарищ секретарь! — испуганно воскликнул Сахаров.

Ветхий сруб не выдержал. Одно бревно подалось под давлением песка, и он плотной струей брызнул на середину колодца.

Песок как вода. Если вода прорвалась где-нибудь сквозь плотину самой маленькой струйкой, всей плотине грозит разрушение.

Булатов собрал последние крохи сил, поднялся, пошатываясь, и прижался спиной к стенке, закрыв отверстие. Сахаров и Никитин продолжали наполнять ведра песком, с тревогой поглядывая на еле держащегося на ногах секретаря партбюро.

— Разрешите, я постою? — попросил было Сахаров.

— Копайте, копайте! — приказал Булатов и смежил веки.

Желтые, оранжевые, красные круги завертелись перед глазами. Круги все расширялись и расширялись и вдруг превратились в колышущееся озеро, обрамленное яркой зеленью тамариска и тополей. А на берегу вдруг возникли жена с детьми. «Родные мои!..»

Вместе с женой, вместе с Андрюшей и Оленькой Булатов шел берегом озера к полю красных и желтых тюльпанов.

И снова закружились перед глазами разноцветные круги, закружились и пропали.

С однотонным шорохом сыпался песок в ведро, однотонно повизгивал железный ворот, вытягивая наполненное ведро на поверхность...

Скоро, совсем скоро — Булатов был уверен в этом — зацветут Кара-Кумы.

Советские люди проложат здесь каналы, воды Аму-Дарьи оросят бесплодную пустыню, и, может быть, вот в этом самом месте, где Булатов и его товарищи с таким упорством, с такой яростью копают сейчас песок, чтобы добыть несколько ведер воды и скорее пойти в бой, возникнет громадный оазис, раскинутся виноградники и хлопковые поля и впрямь зацветут тюльпаны...

Нет, нет, он не упадет, не пустит в колодец проклятый сыпучий песок!

— Вода, товарищ секретарь! — воскликнул вдруг Сахаров.

Воды еще не было, но песок опять стал влажным.

— Копайте! — прохрипел Булатов.

А наверху люди с жадностью хватали прохладный, влажный песок, клали его себе на голову, подносили к губам, сосали.

Еще несколько ведер, и вот наконец-то вода!..

А Булатов все стоял, упершись ногами в песок и спиной в стенку колодца. Ему поднесли котелок. Он отхлебнул несколько глотков, больше нельзя — в таком колодце не может быть много воды.

Он считал котелки:

— ...двадцать девятый, тридцатый...

Пятьдесят котелков! По полкотелка на человека. Но надо еще напоить лошадей. На сто лошадей по пять котелков — пятьсот котелков.

— ...триста седьмой, триста восьмой...— считал он котелки, наполненные водой.

— Пейте, товарищ секретарь! — предлагали пограничники.

— Не хочу! — отвечал Булатов.

Вскоре вода иссякла. На дне осталась только мутная жижа.

— Командир приказал подниматься, — сообщили Булатову.

Но он уже не слышал. Он потерял сознание и упал, ударившись головой о стенку.

Его осторожно вытащили вверх, обмыли ему лицо, с трудом сквозь стиснутые зубы влили в рот воды, а он бредил и звал кого-то. Он уже не мог видеть две сигнальные ракеты Джураева, которые взметнулись далеко-далеко над барханами.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Двое суток назад Андрей Светлов, Павел Петров и Усман Джаныбаев, разведчики Н-ского пограничного полка, перешли линию фронта между высотой «Зеленая макушка» — летом вся она покрыта ковром зеленых трав—и Большим болотом. Сделав немалый крюк, они подкрались с тыла

к базе горючего у немецкого аэродрома и взорвали замаскированное в скалах бензохранилище. Все вокруг осветилось, как весенним днем, и всполошившаяся охрана обнаружила их. В перестрелке Андрей был легко ранен в левую руку чуть повыше локтя. Он не заметил, как в суматохе боя оторвался от товарищей, взяв круто на север. Задыхаясь от быстрого бега, Андрей споткнулся об обледенелый валун, упал плашмя, больно ударившись грудью. Капюшон маскировочного халата сбился, шапка слетела с головы. Колючий наст оцарапал щеку. Сердце билось, как в силке. «Нет, нет, мы еще поживем... Мы еще будем жить...»

С полчаса над тундрой гремела пальба. Андрей, помогая правой руке зубами, с трудом перевязал рану.

«Живы ли Петров и Джаныбаев? Удалось ли им скрыться?..»

Отыскав шапку, натянув поверх нее капюшон, Андрей осмотрелся. На юге все еще взметывались багровые языки горящего бензосклада. Километрах в двадцати к востоку тьму ночи прочеркивали огненным пунктиром трассирующие зенитные снаряды и взлетали осветительные ракеты. Там был фронт. На севере колыхались в черном небе гигантские полотнища сполохов, озаряя холодным пламенем пустынные холмы. Холмы искрились фиолетовым, оранжевым и палевым цветом. Студеный ветер дул с норда, с края земли, и поземка мела мерцающую в свете сполохов снежную пыль. И оттуда же, с севера, ветер доносил глухое уха-нье корабельной артиллерии. «Наверно, наши корабли поддерживают высадку десанта в тылу вражеских позиций...»

Ощупав здоровой рукой лыжи: «Слава тебе, целы...», закинув за спину автомат, Андрей пополз. Он полз метров двести или двести пятьдесят, снова огляделся — нет ли кого поблизости. И, лишь убедившись, что вокруг никого не видно и не слышно, встал на лыжи. Всю ночь он шел на северо-восток, радуясь, что сполохи в небе погасли, сверяя свой путь по звездам и компасу.

Утром — стояла круглосуточная полярная ночь, а часы, как им положено, показывали девять утра — Андрей был

уже далеко от места взрыва. Едва передвигая ноги от усталости, держа под мышкой лыжи, он карабкался по крутому склону.

В черном небе вновь вспыхнуло северное сияние. Кляня его, Андрей прижался к скале, тревожно огляделся. Внезапно, совсем недалеко, справа, гулко затрещали очереди автоматов.

«Уж не Петров ли это с Джаныбаевым бьются с погоней?» Андрей начал поспешно спускаться к обрыву, из-за которого доносились выстрелы. И тут то ли от слабости — он потерял много крови, — то ли из-за выскользнувшего из-под ноги камушка сорвался и кубарем покатился вниз. С треском переломились лыжи, ремень автомата зацепился за острый выступ скалы, лопнул, и автомат отлетел куда-то в сторону.

Если бы не сугроб, огромной подушкой прикрывавший карниз над обрывом, Андрей разбился бы насмерть.

«Где же автомат?» Опомнившись от удара, он попытался было найти оружие, но тщетно: по-видимому, автомат угодил в расщелину.

Андрей подполз к краю карниза и увидел, что происходило внизу, на покрытой снегом скале: шестеро рослых немцев — вероятно, стрелки из горной дивизии «Эдельвейс» — с трех сторон подбирались к какому-то человеку. Ему и укрыться-то, бедному, негде: скала ровная, гладкая, как стол.

Кто же он? В свете всполохов Андрей не узнал в нем ни Петрова, ни Джаныбаева. Может быть, это летчик с подбитого над вражеской территорией самолета?.. Нет, конечно, не летчик, откуда у летчика маскировочный халат! Наверно, это тоже разведчик. Время от времени он отстреливался из пистолета.

— Эх, браток, браток, — в волнении шептал Андрей одеревеневшими от мороза губами. Если бы хоть одна граната, хоть одна!.. Пустыми кулаками с автоматами не повоюешь. Да к тому же еще раненая рука...

И вдруг перестрелка прекратилась. Неужели убили?

Северное сияние разгоралось все ярче. Могучие невесомые полотнища заколыхались еще сильнее, и Андрей отчетливо увидел, как лежащий под обрывом человек достал из пазухи какую-то бумажку, быстро разорвал ее на мелкие клочья и сунул в рот.

«Молодец, браток!» — одобрил Андрей.

В этот момент «эдельвейсовцы» вскочили и с трех сторон ринулись к лежащему на снегу человеку. В руке его сверкнул вороненый пистолет, хлопнул одинокий выстрел. Человек упал на спину. Пистолет покатился по насту. Андрей чуть было не вскрикнул: «Сам себя убил...»

Двое солдат перевернули разведчика, торопливо обыскали его карманы. Пятно крови чернело на снегу.

— Готов! — поднимаясь, сказал один из солдат по-немецки и стал оттирать снегом испачканные в крови руки.

Был бы Андрей в силах, он обрушил бы на врагов скалу. А они, словно по команде, заплясали, нелепо размахивая руками, начали тужить друг друга по бокам. Допекаемые морозом, быстро надели лыжи и, вскинув автоматы за спины, побежали на запад.

Андрей вспомнил, что у него под маскхалатом вокруг пояса намотано метров пятнадцать тонкой крепкой веревки: разведчики всегда запасались ею на случай, если придется спускаться с отвесных скал. Скинув варежки, он размотал веревку. Пальцы заоченели, нестерпимо пекло рану, но все же он умудрился сделать петлю и накинуть ее на торчащую из сугроба глыбу гранита.

Скорее вниз! Может быть, у застрелившегося разведчика есть еще какие-нибудь бумаги, которые он не успел уничтожить и которых не нашли фашисты.

Разведчик лежал, запрокинув голову. Глаза были закрыты. Отблески северного сияния озаряли бледное лицо: губы плотно сжаты, на бровях иней.

В свете сполохов Андрею показалось, что веки разведчика чуть-чуть дрогнули. Но в тот же миг на землю упала тьма. Сияние потухло так же внезапно, как и зажглось.

Андрей встал на колени, обнял здоровой рукой развед-

чика, обнажив ухо, прильнул к окровавленной, еще теплой груди. Жив!..

Когда Андрей с великим трудом перевязал ему грудь, разведчик пришел в сознание, увидев склонившегося над собой человека, рванулся. Видимо, он подумал, что его захватили в плен.

— Я свой, русский, русский,— зашептал Андрей.— Немцы ушли... Видишь? Я свой.

— Вижу,— невнятно прошептал раненый. Кровь пузырилась у него на губах.— Сообщи в штаб...— Он помолчал, хрипло дыша, вновь заговорил: — Дивизия «Эдельвейс» получила два новых полка... На высоте...— Он поперхнулся, в горле у него булькало.— На высоте триста сорок семь... Запомни: триста сорок семь — четыре тяжелых батареи... Четыре... Я — Тюменев Георгий...

Раненый силился еще что-то сказать и не мог.

— Ты сам все расскажешь...— зашептал в ответ Андрей.— Я тебя донесу, и ты расскажешь. Тут близко. Проскочим...

До линии фронта было километров десять, и Андрей не думал сейчас, где именно и как им удастся «проскочить» через эту линию, он думал лишь о том, как бы суметь преодолеть эти десять километров.

Упавшая на землю тьма обрадовала его: они растворились в ней. Только бы не вздумало снова заиграть северное сияние. К счастью, потеплело, небо заволокло тучами, и над тундрой потянулся туман. Так бывает в Заполярье: стоит перемениться ветру и за какие-нибудь полчаса погода — вверх тормашками...

Андрей лег рядом с Тюменевым, как можно осторожнее взвалил его себе на спину, пошатываясь, привстал на колени, враз вспотев, и, лишь отдышавшись, смог подняться на ноги. Раненую руку будто проткнуло раскаленным шомполом; он невольно заскрипел зубами и, чтоб тяжесть не давила на больную руку, движением плеч передвинул Тюменева чуть вправо. Тюменев застонал. Стон показался таким громким, что Андрей испугался: как бы кто не услышал.

— Тише, браток, тише,— зашептал он.— Потерпи. Извини, что я тебя так...

Согнувшись, придерживая Тюменева здоровой рукой, Андрей пошире расставил ноги и зашагал. Шагал он медленно, боясь споткнуться о камень или угодить в трещину или бомбовую воронку.

— Тюменев, Георгий, слышишь меня?

Тюменев не отвечал. Может быть, он опять потерял сознание, а может быть, забылся. Андрей рискнул прибавить шаг. Сначала он считал шаги, но вскоре сбился со счета. Одна неотвязная мысль владела сознанием: «Скорее надо идти, скорее...»

Оступился Андрей на ровном месте. Правая нога почему-то вдруг подвернулась, и он едва удержался, чтобы не вскрикнуть: острая боль пронзила лодыжку. С трудом сохраняя равновесие, балансируя свободной рукой, Андрей приподнял ногу — боль тут же отпустила. Однако стоило ему встать на эту злосчастную ногу, как он чуть было не упал: словно кто-то наотмашь ударил по щиколотке коленом.

Раза два или три пытался он сдвинуться с места, но не смог, и его охватило отчаяние: «Что ж теперь делать?»

— Оставь меня, иди один,— прошептал Тюменев, будто разгадав лихорадку мыслей незнакомого друга.

Голос у Тюменева был совсем слабый, слова срывались у него с языка с какими-то всхлипами.

— Сейчас, браток, сейчас все будет в порядке!

Придерживая Тюменева, Андрей опустился на четвереньки и пополз.

Где-то высоко в темном небе пролетели на бомбежку вражеских позиций наши дальние бомбардировщики. Андрей узнал их по гулу моторов. Отбомбившись, самолеты возвратились обратно, а он все полз и полз по припорошенным снегом камням.

Левая рука горела, и на нее нельзя было опереться. Маскхалат давно изодрался в клочья; были продраны и ватная куртка и ватные штаны. Андрей в кровь иссек колени и

правую руку. Он был весь мокрый от пота, в груди у него сипело, то и дело нападали приступы кашля. Тогда он оставался и, заткнув рот рукавицей — поблизости могли быть враги, — натужно кашлял в нее.

Лечь бы в снег, отдохнуть, уснуть бы хоть на несколько минут. Но это невозможно.

Временами Андрею казалось, что Тюменев умер. Тогда он ложился на снег, прислушивался: дышит ли? — и снова полз, волоча вывихнутую ногу.

Его мучила жажда, и, лишь еще более распаяя ее, он глотал снег. Вместе со снегом ему попадались замерзшие ягоды морошки и брусники. Горьковато-кислые, водянистые, они не утоляли голода, а вызывали противную оскомицу, и все же, морщась, он с усилием проглатывал их, потому что не ел уже более суток.

А Тюменев словно бы прибыл в весе за эти часы: тащить его с каждым метром все тяжелее и тяжелее. Андрею вспомнилось, как на погранзаставе он играючи подбрасывал двухпудовую гирю и выжимал штангу в сто килограммов. В Тюменеве, наверно, нет и семидесяти...

Вспомнив заставу, он вспомнил первый свой день службы, первый выход в ночной наряд на охрану границы — это было в конце мая позапрошлого года. А через месяц началась война...

Прилечь бы отдохнуть самую малость, уснуть бы хоть на несколько минут. Нет, нельзя ложиться — ляжешь и силы совсем покинут тебя, а нужно скорее добраться до линии фронта, за ней — тепло, еда и, главное, санбат...

На возвышенностях почти весь снег сдуло ветром, а в ложбинах рука по локоть проваливалась в сугробы и подбородок тыкался в наст. Зернистый снег колот губы, забивал ноздри. Андрей отплевывался и снова и снова кашлял, прикрывая рот рукавицей, в страхе оглядываясь вокруг.

Пистолет Тюменева — Андрей разыскал его давеча на площадке и засунул в карман — больно давил на бедро, и казалось, что в этом чертовом пистолете с пуд весу. «Нельзя бросать оружие, нельзя», — твердил себе Андрей. И вдруг

сообразил, что в пистолете нет ни одного патрона. Тогда он вытащил его из кармана и, собрав остатки сил, ударил мушкой о гранитный валун.

А валуны, как назло, попадались всё чаще и чаще. В одном месте путь преградила целая гряда обледенелых валунов. То была морена древнего ледника, но Андрею казалось, что кто-то специально выложил здесь эти огромные камни, перебраться через которые нет никакой возможности. Минут сорок, а может быть, и час он полз вдоль гряды, пока не выискал в ней проход.

Сердце колотилось так часто, что спирало дыхание. Все чаще начинала одолевать непонятная, не испытанная доселе зевота. Андрей широко, до звона в ушах разевал рот и никак не мог зевнуть до конца.

Если бы можно было передохнуть, хотя бы с полчасика,

с четверть часа... Полежать бы не двигаясь, не шевеля ни рукой, ни ногой; забыться, ни о чем не думая, ничего не видя, ничего не слыша.

— Тюменев! — хрипло звал Андрей, пугаясь собственного голоса. — Тюменев, ты слышишь меня?

Тюменев не отвечал.

«Дивизия «Эдельвейс» получила в подкрепление два новых полка... На высоте триста сорок семь установлены четыре батареи тяжелых орудий... Если я остановлюсь, силы совсем покинут меня, тогда я не доползу до своих, не расскажу... Может быть, Тюменев еще жив...»

Горела уже не только раненая рука — горела и голова. Тысячи раскаленных молотов без умолку стучали в виски и в затылок. И при каждом неловком движении острой болью давала знать о себе вывихнутая нога.

«Туда ли я ползу?» Андрей взглянул на светящийся компас на запястье и в ужасе убедился, что ползет не на восток, а на юго-запад. Давно ли он так ползет? Тьма, ни одной звезды.

А фронт был уже недалеко: все отчетливее клекотали пулеметы, ухали минометы; распарывая воздух, с завыванием проносились вверху снаряды дальнобойных орудий. Товарищи Андрея ведут бой, а он... Доползет ли он до них? Силы совсем оставили его.

Снова подул утихший было ветер. Туман стал рассеиваться. Будто лопнувшая парусина, раздвинулись тучи. В небе сверкнула звезда. Увидев ее, Андрей обрадовался, как штурман, увидевший огонек маяка у входа в родную гавань. Эту звезду видят сейчас и его товарищи...

Всего минуту назад Андрей готов был поддаться чувству отчаяния. Они с Тюменевым были так одиноки в этой каменистой, заснеженной пустыне. Теперь он отчетливо представил, что по снегу, среди валунов, пробираются сейчас десятки наших разведчиков: одни направляются в тыл врага на выполнение заданий, другие возвращаются «домой». И, может быть, некоторым из них так же трудно, так же тяжело, как и ему, Андрею...

— Тюменев, ты слышишь?.. Скоро будем дома. Слышишь?.. Крепись!..

Слова, срывавшиеся с до крови потрескавшихся губ, помогали ему, и Андрей шептал. Он шептал о том, что близка победа; звал любимую, которая ждала его в Горьком. Он хотел, чтобы она шла с ним рядом и ласково говорила бы: «Скоро мы будем вместе».

Еще несколько метров осталось позади, еще...

«Который теперь час?» Андрей очнулся от забытья. Он лежал на снегу, раскинув руки. Долго ли он так пролежал? Где Тюменев? Торопливо закинул руку за спину. Раненый был там, но не двигался, и Андрею стало страшно: вдруг Тюменев замерз? Надо ползти. Надо, надо...

Он прополз еще метров пять, приостановился, прильнул лицом к снегу, полизал распухшим языком шершавый наст.

«Все будет хорошо,— твердил он себе.— Все будет хорошо...» Но что такое? Кто-то гонится следом за ними на лыжах. «Фашисты?» На лбу выступила испарина. Андрей замер. «Может быть, они пройдут стороной?»

Неожиданно в небе снова заиграли сполохи.

— Нашел! — послышался знакомый голос Джаныбаева.

Он остановился около Андрея и Тюменева, с удивлением и страхом разглядывая их неподвижные тела.

Подкатили еще три лыжника в белых халатах, с автоматами на груди.

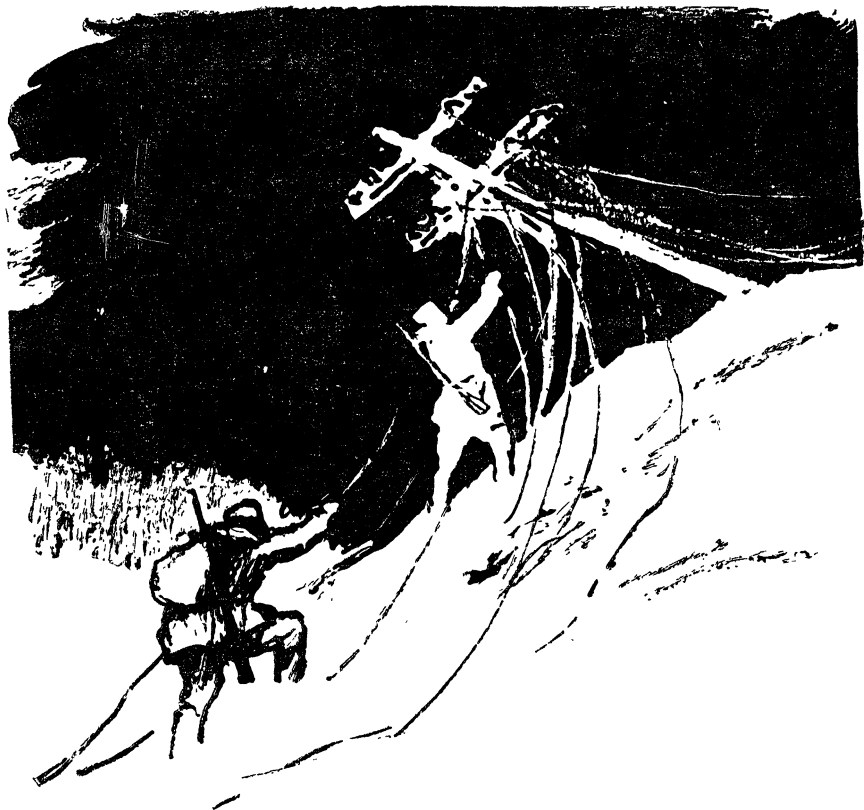
— Оба мертвые,— прошептал Джаныбаев.

Андрей услышал этот шепот. Ему хотелось закричать от радости, а он мог только пошевелить рукой...

Лыжники осторожно сняли со спины Андрея почти безжизненного Тюменева. Андрей попытался подняться и не смог. Джаныбаев подхватил его под руки, прижал к груди, торопливо начал отвинчивать пробку фляжки.

— Высота... высота триста сорок семь... четыре батареи тяжелых... Два полка прибыли... Скорее Тюменева в санбат...

Все ярче и ярче разгоралось северное сияние. Гигантские разноцветные полотнища трепетали в черном бездонном небе.

НА ВОЛКОВ

1

У Кирилла Прокофьева была странная манера шутить некстати. Он словно не понимал, когда можно хохотать, а где следует хранить деликатное молчание.

Больше всего доставалось от Кирилла его другу, застенчивому до робости Тарасу Квитко. Тарас не мог отличить ноты «фа» от «оль», но часами готов был крутить патефон,

слушать арии и дуэты из опер, особенно из «Наталки-Полтавки», и частенько подпевал себе под нос, страшно фальшивя при этом.

— Ты, товарищ Фасоль, со слонем не в знакомстве? — спросил как-то за обедом Кирилл.

— А что?

— На ухо он тебе не наступил?

Столовая грохнула. Тарас побагровел. С тех пор кличка «Фасоль» накрепко прилипла к нему.

Полтора года назад Тарас и Кирилл вместе прибыли с учебного пункта на заставу, и койки их стояли в казарме рядом.

До призыва на пограничную службу Кирилл работал трактористом на Северном Урале, нередко ему приходилось ночевать в непогоду под открытым небом, а зимой, во время белкованья, и в лесу, у костра. Тарас же был из тех южных степовиков, что не умеют отличить сосну от кедра и трусят-ся при морозце в пять градусов.

В начале декабря Тарас получил письмо из родной Каменки на Днестре и, сияя от счастья, читал его у разрисованного морозом окна.

Подкравшись на цыпочках, Кирилл глянул через плечо приятеля, лихо притопнул и пропел пронзительно:

Я сидела на лужку,
Писала тайности дружку,
Что это за тайности?
Люблю фасоль до крайности!..

Это было чересчур. Тарас попросил разрешения у старшины и перетащил свою койку в противоположный угол.

Кирилл только крикнул.

...Застава находилась в тайге, близ железнодорожного моста через речку Бездна. Небольшой домик окружали высокие холмы, заросшие ольхой, осиной и елью. Меж холмами стлы болота, затянутые обманчивым мхом и ягодниками. Летом сюда заходили на жировку медведи и слетались куропатки — известные охотницы до ягод.

Несколько раз в сутки мимо проносились пассажирские и товарные поезда. Перестук колес, лязганье буферов да свистки паровозов — вот и все, что нарушало таежную тишину.

Дважды в неделю на заставу приезжала автодрезина, доставляла продукты и почту. Приезжала дрезина и вчера. Тарас получил Олино письмо.

Сейчас Тарас сидел в Ленинской комнате, перелистывал новые журналы. Он недавно вернулся с охраны границы.

С ночи мороз отпустил, утром поднялся негаданно теплый ветер, а с полудня началась пурга. Вот и ночь скоро, а она все еще воет, нагоняя тоску.

На мосту прогремел поезд, напомнил Тарасу о далекой Каменке. Скоро мать придет с фермы, с вечерней дойки, братишка с сестрой небось готовят уроки, отец читает свой любимый «Календарь колхозника». А Оля, наверно, собирается в кино или на танцы. Пишет, что скучает по нему, да разве мало на селе красивых хлопцев!..

На пороге появился дежурный:

— Усманов, Круглов, готовиться в наряд.

Тарасовы соседи поднялись из-за стола.

— Счастливо загорать! — кивнул вслед им колдовавший у приемника Кирилл — он упрямо старался поймать Москву.

В приемнике то посвистывало, то потрескивало.

— Не вытягивай ты нервы! — взмолился ефрейтор Пичугин.

И вдруг в приемнике как-то особенно пронзительно взвизгнуло, и хриплый не то мужской, не то женский голос, преодолев помехи, довольно-таки отчетливо сказал:

«...аем программу радиопередач...»

Все приумолкли.

«...часов по московскому времени будет передан концерт по программе, составленной пограничником Тарасом Квитко».

Дальше разобрать что-либо было невозможно. Пограничники изумились:

— Какого Квитко? Уж не нашего ли?

— Вот тебе и Фасоль!..

Неожиданно в комнату вошел начальник заставы, старший лейтенант Кожин. Он был чем-то озабочен. Солдаты встали.

— Такое дело, товарищи,— негромко сказал Кожин.— Звонили из районной конторы связи: между восемьсот тридцать пятым и восемьсот сорок седьмым километром прервана телеграфная связь. Гололед. Контора просит помочь им найти обрыв на линии.

Тарас покосился на окно, за которым мело и мело.

— Нужны два человека,— продолжал Кожин. Он посмотрел на Кирилла: — Товарищ Прокофьев, вы как?..

— Когда прикажете выходить? — ответил Кирилл.

— Немедля... Еще кто? — Начальник оглядел пограничников.— Вы, товарищ Квитко, отдохнули?

Начальник не знал о ссоре друзей.

— Отдохнул,— зачем-то вдруг соврал Тарас, хотя, несмотря на плотный ужин, все еще не мог отогреться.

Километрах в двух за мостом телеграфная линия сворачивала от железной дороги в сторону. Поднимаясь с холма на холм, она тянулась сквозь тайгу на северо-восток, по направлению к Верхне-Тайгинску.

Свернув вслед за столбами от железной дороги, Кирилл и Тарас пошли просекой. За плечами у них были карабины и необходимый для ремонта инструмент.

В тайге ветер ослабел, и идти стало легче. Но легкая дорога продолжалась каких-нибудь два километра, не больше, а потом начались такие крутые спуски и подъемы, что пришлось положить лыжи на плечи и, увязая в снегу чуть ли не по пояс, карабкаться на четвереньках.

Время от времени Кирилл — он шел первым — включал висевший на поясе электрический фонарик и освещал провода. «Поскорее бы найти обрыв, исправить повреждение — и обратно. Может, удастся попасть на тарасовский концерт».

Тарас едва поспевал за Кириллом. Он уже не думал о радиоконцерте — вконец устал.

Нечаянно споткнувшись о скрытый снегом пенек, Тарас

упал, стукнув лыжами о ствол ольхи. Скопившиеся на ветвях шапки снега свалились на него, снег забил ему рот, нос, глаза. Выбравшись из-под сугроба, Тарас не сразу разглядел Прокофьева.

Кирилл подошел к нему, ни слова не говоря, взял у него инструмент, откопал лыжи, взвалил все себе на плечи и опять упрямо зашагал вперед.

— Я сам понесу! — запротестовал Тарас.

Кирилл даже не оглянулся.

Радиоконцерт по программе, составленной Тарасом Квитко, начался ровно в одиннадцать часов вечера, однако слушали его всего два человека — повар да дежурный. Остальные пограничники — кто был в наряде на границе, кто спал, кто готовился идти на смену товарищам.

Оказалось, что первым номером Тарас заказал арию Наталки. Девичий голос пел о счастье, о любви, а в окна билась пурга...

Минуло семь часов, как Квитко и Прокофьев ушли в тайгу. Кожина вызвали к телефону. Заведующий районной конторой благодарил за помощь: связь с Верхне-Тайгинском восстановлена.

— Когда восстановлена связь? — переспросил Кожин. — В двадцать один десять?..

«В двадцать один десять, а сейчас четверть первого ночи!.. Кого же послать на розыски?..»

Кожин не успел принять решение: новый телефонный звонок, на этот раз из комендатуры, заставил его объявить на заставе боевую тревогу.

2

Пурга, та самая пурга, что помогла Ремиге и Лискуну незаметно перейти через границу, пурга, которую они ждали двое суток, теперь спутала все карты. Заметая следы, она в то же время не давала возможности правильно сориентиро-

ваться на местности. В тайге выло, стонало, гудело. Ничего не видно было вокруг. Антон Ремига брел следом за Герасимом Лискуном, боясь отстать от него, всецело полагаясь на его опыт, на его чутье: ведь Герасим — уроженец здешних мест и не раз говаривал, что чувствует себя в тайге, как дома. Правда, и Ремига больше месяца тренировался в переходах по заснеженным лесам и болотам, но сейчас вся надежда на успех состояла именно в знании местности.

И вот этот-то знаток, Герасим Лискун, так чудовищно ошибся: они наткнулись на железнодорожную насыпь, через которую перебрались два с половиной часа назад.

— Может, это не та? — с надеждой прошептал Ремига.

— Другой здесь нет, — ответил Лискун.

Ремига вспомнил карту: да, другая, ближайшая магистраль проходит километрах в ста к северу. Значит, вместо того чтобы забрать возможно дальше к северо-востоку, они сделали петлю и свернули обратно на юг. Ремигу обуял такой страх, что он не мог сдвинуться с места. Теперь все погибло! Если пограничники напали на их след до тех пор, пока его не замело снегом, то они наверняка уже где-нибудь совсем близко.

Разведывательная школа научила Ремигу минировать мосты, поджигать здания, подслушивать телефонные разговоры, работать на портативной радиостанции, фотографировать, шифровать донесения; он знакомился с новинками советской литературы, разучивал новые советские песни, ежедневно внимательно читал советские газеты, слушал московские радиопередачи.

Целый год упорного, настойчивого труда, жизнь в затворничестве — и все зря, понапрасну, без толку! И виной тому Лискун, эта самонадеянная тупица!..

— Пошли! — Лискун пошряс Ремигу за плечо: — Оглохли? Ждете, чтобы сцапали?

Они повернули обратно, в глубь тайги. Тяжесть тюка, висевшего за спиной, словно бы утроилась. Пурга внезапно прекратилась. Было отчетливо слышно, как скрипит снег под лыжами, как потрескивает приминаемый валежник.

И Ремига, всегда хваставшийся своим самообладанием, обмяк. Воля покинула его, остался только страх — дикий, ни с чем не сравнимый страх. На кой черт он, Антон Ремига, согласился отправиться в это проклятое путешествие? Он знал, что с его желаниями не посчитались бы, но не мог не проклинать того часа, когда поставил свою подпись под обязательством, которое с него и с Лискуна взял полковник Бентон. Для Бентона не существовало Антона Ремиги, мечтающего о своей богатой ферме, о молодой жене. Для Бентона он был лишь тайный агент номер 213—исполнительный, опытный, вышколенный агент, который должен проникнуть в Верхне-Тайгинск.

Сейчас Бентон находится за тысячи верст от этой окаянной тайги и понятия не имеет, каково Ремиге и Лискуну. Узнай Бентон, что они заблудились, он не пожалел бы их, а только обругал болванами и озлился бы, что они заваливают важное задание. Ему даже неизвестно, что они не могут воспользоваться компасом, так как компас здесь врет,—вероятно, где-то поблизости залежи железной руды.

Ремига подумал было незаметно отстать и перебраться обратно через границу, но тотчас отбросил эту мысль: увы, он не мог сделать без Лискуна ни шагу.

За спиной прогрехотал поезд. Раздался пронзительный свисток. «Полустанок?.. Мост?..»

Свисток словно подстегнул их. Они пошли так быстро, как только могли. Появилась луна, в тайге немного посветлело, и Ремига довольно отчетливо видел теперь широкую спину Лискуна с тюком, в котором были продукты, радиопередатчик и прочее снаряжение.

— Телеграфная линия,— оглянувшись, прошептал Лискун.

Они перешли просеку, вдоль которой с холма на холм шагали столбы.

Идти близ просеки было рискованно, и Лискун опять углубился в чащобу, заматавая за собой лыжню еловой веткой.

Спустившись по крутому склону, они очутились в глубокой лощине.

— Речка Бездна,— прошептал Лискун.

Он первым ступил на занесенный снегом лед, но не сделал и двадцати шагов, как услышал треск и почувствовал, что проваливается. Он едва сдержался, чтобы не закричать, и инстинктивно растопырил руки, ища опоры. Однако опираться не понадобилось: речка оказалась неглубокой, вода доходила всего до пояса.

Выбравшись на берег, Лискун начал поспешно разуваться. Пока он стаскивал подбитые мехом сапоги, ватные брюки успели так затвердеть, будто были из жести.

Огонь, только огонь мог спасти его! Повернувшись к онемевшему от испуга Ремиге, Лискун сказал, стуча зубами:

— Разведите костер!..

— Вы... Нас обнаружат,— обомлел Ремига.

Лискун разорвал тюк, достал сухие носки, с трудом сгибая пальцы, натянул носки на ноги. Запасных брюк и сапог не было. Без огня он погибнет. Только огонь может спасти его...

Лискун прохрипел:

— Вам говорят...

Ветер дул в лощине с ровной настойчивостью, пронизывал. Лискун поглядел на подбитые мехом сапоги Ремиги:

— Бойтесь костра — отдайте мне сапоги... На время.

Ремига молчал.

— Да что же вы, не понимаете? Без меня пропадете...

Лискуна трясло все сильнее и сильнее, и он не ощущал уже ног. Нет, Ремига добровольно не отдаст сапог. Сейчас Лискун — обуза, от которой Ремига постарается поскорее избавиться. Наверно, Ремига уже придумал, как это сделать. Не зря же он служил в гестапо, комендантствовал в концлагере для советских военнопленных, где Лискун был его помощником...

Отдать сапоги?.. Ремига только зло усмехнулся. Раздумывать некогда! Теперь осталось одно — бежать обратно через границу. И зачем он, Ремига, не сделал этого час назад? Ведь думал же, идиот, об этом, думал...

Ремига скинул с плеч тюк, распорол ножом мешковину,

схватил несколько плиток шоколада, пачку галет, запасную флягу с коньяком, рассовал по карманам.

Лискун все понял. «Нет, не уйдешь!..» Он сунул руку в карман, намереваясь вытащить пистолет, и почувствовал, что пальцы уже не сгибаются, совсем не сгибаются.

3

Бывают же такие совпадения: негаданная беда подстерегла в эту ночь и Тараса Квитко с Кириллом Прокофьевым.

Авария на линии оказалась куда серьезнее, чем предполагал Кирилл. Он думал, что всего лишь где-нибудь оборвались обледеневшие, провисшие от тяжести провода, а выяснилось, что гололед и ветер не только порвали и перепутали провода, но и повалили два столба, те самые два столба, что стояли по краям пересекающего просеку оврага. Кирилл сразу узнал этот приметный овраг: на дне его моховое болото. Именно здесь пограничники подстрелили прошлым летом лакомившегося брусничкой медведя.

Кирилл предупредил Тараса, чтобы тот был поосторожнее, и они полезли по крутизне вниз, держась за провода, как моряки держатся за протянутые вдоль палубы штормовые леера.

На счастье, обрыв обнаружился неподалеку от склона. Они сравнительно быстро распутали провода, нарастили и соединили их.

— Полетели телеграммы! — ухмыльнулся Кирилл.

Тарас промолчал. Он промерз, руки заоченели. Пурга утихла, но заметно похолодало. А впереди еще добрых два часа обратного пути...

Установить поваленные телеграфные столбы двоим было явно не под силу. И все же, поразмыслив, Кирилл нашел выход: они срубили четыре осинки, приподняли ими верхушки столбов и подсунули под них рогатки — только бы провода не лежали на снегу.

— Завтра рабочие устроят все, как надо, — сказал Кирилл, когда они возвращались с северного склона оврага.

Сказал и вдруг, как-то по-детски тихонько ахнув, провалился по пояс.

Тарас не сразу сообразил, что Прокофьев угодил в скрытую сугробом трясину, и, сбросив с плеч инструмент, кинулся к товарищу.

— Не подходи! — остановил Кирилл.

Тогда Тарас схватил лопату и начал разгребать сугроб.

— Сдурел, Фасоль?! — почти зло крикнул Кирилл. — Поддай лопату мне и тяни...

Ухватившись за конец лопаты, он спокойно добавил:

— Помаленьку...

Под ногами у перепуганного Тараса все колебалось, он чувствовал, что сам, того и гляди, провалится в трясину, но все же, весь напряжившись, вытянул на снег товарища.

Валенки у Кирилла насквозь промокли; он, торопясь, снял их, размотал портянки, стянул с ног шерстяные носки.

Луна выглянула из-за зубчатой стены леса, и в свете ее Тарас увидел на лице Кирилла показавшуюся странной улыбку.

— Спички мы забыли, — порывшись в карманах, сказал Кирилл.

Что же делать?..

Тарас скинул с ног валенки, расстегнув заостренными пальцами полушубок, стащил с шеи шарф (Олин подарок!), разорвал надвое.

— Вот тебе портянки!

Кирилл шарфом обмотал ноги, всунул их в свои дымящиеся на морозе валенки.

— На ходу обсохну, — приплясывая, успокоил он Тараса. — Не отставай...

Они выбрались на просеку, на свои недавние следы. Там, где ветер успел наместить новые гряды снега, Кирилл — он опять был первым — прорывал, протаптывал чуть ли не траншеи. Они бежали, не сбавляя темпа: только движение, быстрое, безостановочное движение могло влить в них тепло.

Временами Тарасу казалось, что они никогда не выйдут из тайги, никогда не добегут до заставы. Думы о Ка-

менке, о родных, об Ольге, неотступно заполнявшие голову в первые часы похода, совсем почти оставили его. Дом, семья, Оля — все это стало далеким, почти детским воспоминанием. Он бежал, тяжело дыша, ступая след в след Прокофьева. Казалось, что, сделав еще несколько шагов, он упадет и больше уже не встанет... Его обиды на Прокофьева, на Кирилла... Какими же мелкими, никчемными представлялись они ему теперь! Какой замечательный друг Кирилл...

А ветер все дул вдоль просеки, пронизывал. Гудели телеграфные провода, по которым снова неслись телеграммы. Тарасу так хотелось, чтобы Кирилл сейчас же, немедленно, узнал, что думает о нем он, Тарас. А Кирилл даже не оглянется, бежит, не сбавляя темпа... Чего он вдруг остановился?..

Кирилл предостерегающе поднял руку, на мгновение включил электрический фонарик, осветил снег. На снегу были едва заметны следы лыж.

4

Дозор соседней заставы, проверявший идущую вдоль границы контрольную лыжню, обнаружил несколько часов назад, что ее кто-то пересек, и тоже на лыжах. Это мог быть только след врага, под покровом ночи и пурги перебравшегося через границу. Для поиска нарушителей с заставы была выслана группа пограничников, однако поиски оказались тщетными: пурга усилилась и окончательно замела следы. Невозможно было даже определить, в какую сторону именно шли нарушители: то ли от границы в наш тыл, то ли наоборот — петля какая-то! Тогда была объявлена тревога и на заставе старшего лейтенанта Кожина.

Несколько десятков пограничников и сотня дружинников из близлежащих колхозов двумя полудугами охватили большой участок тайги, все туже и туже сжимая кольцо: где-то там, внутри него, враг.

Разве мог предполагать Кожин, что нарушители границы сбились с пути, подались не к северу, а очутились чуть ли не рядом с заставой?..

Когда же вскоре по окончании пурги был обнаружен свежий, отчетливый след, Кожин не сразу поверил, что это те самые нарушители, которых так долго искали и пограничники и дружинники. Он опасался, не проскочили ли через границу какие-нибудь новые лазутчики...

На просеке, там, где сквозь тайгу с холма на холм шагали телеграфные столбы, Кожин сразу узнал лыжни Прокофьева и Квитко. Живы, здоровы! Умаялись, а не прозевали чужую лыжню! Далеко ли они?..

Словно в ответ на размышления Кожина, с речки Бездны эхо принесло два выстрела.

5

Скатившись по крутому склону, Кирилл и Тарас сначала не сразу поняли, что за шум за прибрежными кустами. Похоже, там кто-то яростно борется. И вдруг все стихло.

Держа наготове карабины, Кирилл и Тарас начали осторожно продираться сквозь кусты. Раздвинули ветви — и опешили: на утоптанном, примятом снегу замертво лежал рослый мужчина; второй, поменьше ростом (почему-то в кальсонах и носках!), стаскивал с ноги мертвеца меховой сапог.

Услышав пограничников, он поднял на них помутневшие от злости и страха глаза. Шапка слетела с его головы, ветер шевелил не то седые, не то заиндевевшие спутанные волосы. На губах и на подбородке у него краснела заледеневшая кровь.

Только тут, сделав еще шага два, Кирилл и Тарас разглядели, что шея лежавшего на снегу человека перерезана. В свете луны на снегу рядом с его головой темно краснело почти черное пятно.

Кирилл взвел карабин и дважды выстрелил в воздух.

...Скорый поезд Москва — Владивосток подъезжал к мосту через Бездну, слегка замедлив ход. Приходило мглистое утро, то самое мглистое утро, какое всегда бывает, когда

Услышав пограничников, он поднял на них помутневшие от злости и страха глаза.

оттепель внезапно сменяется крепким морозом. Успевшие подняться от сна пассажиры разглядели сквозь разрисованные морозом окна бредущую через силу небольшую процессию: заиндевеливших лыжников с карабинами за плечами. Первым тяжело шел высокий лыжник; на спине его — явно обессиленный человек. А те лыжники, что замыкали процессию, тащили на волокуше из еловых ветвей какой-то, по видимому тяжелый, груз; что именно, разобрать было трудно.

— Охотники, — сказал кто-то из пассажиров.

— На волков, наверно, ходили, — ответил другой.

ТАМ, ГДЕ ПАРЯТ ОРЛЫ

Некоторое время тому назад газеты всего мира сообщили, что в Турции, на склонах горы Арарат, неподалеку от советско-турецкой границы, экспедиция американских ученых ищет остатки Ноева ковчега.

«Это еще что за штука такая — ковчег? — недоумевали некоторые читатели.— И кто такой Ной? Кто-нибудь вроде загадочного снежного человека?..»

Знающие отвечали, что в одной из старых религиозных легенд рассказывается, будто в глубокой древности сорок дней и сорок ночей подряд лил дождь и произошел всемирный потоп. По воле божьей тогда будто бы потонули все люди, кроме семьи некоего Ноя. По приказу бога Ной заранее построил корабль-ковчег и взял на него семь пар чистых и семь пар нечистых зверей и птиц.

Когда дождь прекратился, вода начала спадать. (Куда вода утекала, если потоп был всемирным, легенда не объясняет.) Вскоре волны вынесли ковчег на гору Арарат. Так якобы были сохранены на земле и род человеческий и животные.

Мало кто в наши дни верит во всемирный потоп и в мнимое спасение Ноева ковчега. Смешно верить в то, чего не было и не могло быть!..

Зачем же тогда, спрашивается, американцы, люди деловые, не любящие бросать деньги на ветер, снаряжали специальную экспедицию и в течение нескольких месяцев лазили по Арарату? Разумеется, не для того, чтобы совершить очередную туристскую прогулку.

Вскоре, как и следовало ожидать, выяснилось, что никакого ковчега американцы и не думали искать, однако они лазили по высокой, крутой горе отнюдь не без толку. Первыми в этом убедились наши советские пограничники. И именно в те дни с сержантом Петром Орловым и приключилась история, которую он запомнил на всю жизнь.

* * *

Дежурный по заставе разбудил Петра и ефрейтора Михаила Савина за полчаса до полуночи. Они вскочили с коек, будто и не спали.

Во дворе, шумно раскачиваясь, спорили с непогодой горные клены, и было слышно, как полощется над крышей флаг.

— Здорово задувает! — глянув в окно, буркнул Савин.—
Быть дождю!

Умывшись и позавтракав, они надели брезентовые плащи, фуражки, взяли автоматы и ровно в двадцать четыре часа вошли в канцелярию начальника заставы. Начальник, как обычно, внимательно посмотрел на них, осведомился, здоровы ли, и сказал:

— Вы направляетесь на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик...

Дальше начальник сказал, на какой именно участок границы и на какой срок Орлов и Савин должны пойти охранять границу.

Спустя полчаса Орлов и Савин были на месте, указанном начальником, и спрятались от стороннего взгляда в зарослях орешника над ворчливой горной речкой.

Ветер здесь, в ущелье, не такой сильный: то стихал, то, словно встрепенувшись, начинал перебирать ветви орешника и пел что-то тревожное, грустное. За речкой, будто черный занавес, поднималась гора — там начиналась чужая земля. Небо над ущельем было таким же черным, закрытым тучами, без малейшего просвета, сквозь который могла бы взглянуть на землю хоть одна звезда.

Часа в два ночи, как и предсказывал Савин, разразился ливень. Со склонов хребта хлынули водопады. Речка вздулась и вскоре превратилась в kloкочущий, бурный поток.

Орлов и Савин не оставляли своего поста до последней возможности. Когда же вода начала затоплять заросли орешника, они, скользя, цепляясь за мокрые колючие ветки, перебрались повыше.

Темнота, и без того почти непроглядная, стала еще гуще. Рев взбунтовавшегося потока заглушал все остальные звуки. Дождь лил непрерывными, тугими, холодными струями. Даже плотные брезентовые плащи не могли спасти от воды. Казалось, что промокли и кости. И никак нельзя было унять дрожь.

Будь Орлов и Савин охотниками, они давно бы укрылись где-нибудь в пещере и отсиделись бы там, покуривая труб-

ки и вспоминая всякие диковинные охотничьи истории; будь они пастухами, застигнутыми ливнем на горном пастбище, они согнали бы стадо в круг и легли бы между тесно сгрудившихся овец, накрывшись бурками; будь они жителями горного селения, они поплотнее закрыли бы ставни и расположились у очага. Но Орлов и Савин были пограничниками. Они должны были оставаться там, где были, и если бы понадобилось, они пробыли бы под этим ливнем и сутки, и двое — столько, сколько потребуется, потому что горная речка, за которой они наблюдали, была не обычной речкой, каких великое множество на нашей земле, — по речке проходила граница.

* * *

Побуйствовав часа полтора, ливень прекратился. И почти тотчас над все еще не утихомирившейся речкой взвилась красная ракета. Она на несколько секунд выхватила из мрака часть неузнаваемо изменившегося ущелья: там, где совсем недавно высилась отвесная скала, образовался отлогий спуск — подмытая бурным потоком скала обрушилась; прибрежные заросли орешника исчезли, будто их срезало гигантским плугом; поперек речки торчали огромные камни, по которым можно, не замочив ног, перебраться на противоположную сторону.

Ракета была сигналом тревоги: она извещала, что где-то здесь поблизости через границу перешел враг. Начальник заставы предупреждал, что в случае тревоги Орлову и Савину следовало поспешить на помощь соседнему пограничному наряду. И они побежали в ту сторону, где только что погасла ослепительная красная звезда.

Вскоре к месту происшествия прискакали на конях трое пограничников во главе с самим начальником. Тщательно обыскали все ближайшие расселины и тропы, но безрезультатно. Видимо, нарушитель перешел через речку во время ливня и точно сквозь землю провалился. Нигде никаких следов — все смыто ливнем. Нет, не все! На одной скале, освещенной

щая ее карманным фонариком, пограничники обнаружили едва приметную свежую царапину, прочерченную каким-то острым предметом.

Начальник заставы внимательно осмотрел эту ничем, казалось бы, не примечательную царапину и сказал, что нарушитель границы, если он рискнул перебраться через речку в такую непогоду, — ловкий, сильный, а следовательно, и опытный, и опасный враг...

Искать нарушителя в горах — дело сложное, намного сложнее, чем где-нибудь в степи или даже в пустыне: трудно обнаружить на голых скалах следы. Особенно трудно найти следы ночью, да еще после ливня...

Пограничники разделились попарно и начали подниматься по южному склону Малого хребта. Орлову и Савину было поручено осмотреть Козью тропу, ведущую на самую крутую излучину хребта. Трудно было предположить, что нарушитель рискнет направиться ночью по этой головокружительной тропе — по ней и днем-то не каждый пройдет! — однако начальник заставы счел необходимым проверить и ее.

* * *

Над хребтом забрезжила робкая, словно неуверенная в своих силах заря. Из ущелья потянулись космы белесо-сизого тумана. Спозаранку кричала какая-то птица. До гребня хребта оставалось еще метров двести, но именно эти-то последние двести метров и были самыми трудными: Козья тропа взбиралась теперь под углом чуть ли не в шестьдесят градусов по узенькому карнизу отвесного гранитного сброса.

Орлов и Савин вскарабкались еще чуть-чуть повыше и вынуждены были приостановиться: тропу пересекала глубокая расщелина метра в три шириной — результат ночного обвала. Петр подполз к зазубренному ее краю и заглянул вниз. Дно расщелины терялось в густом сумраке.

Три метра для легконогих горных козлов — сущий пустяк, но разве может без разбега перепрыгнуть через трехметровую трещину человек!

— Пустой номер! — с досадой прошептал Савин. — Понапрасну карабкались: разрушителем и не пахнет. Не на крыльях же он перелетел!

— Он туда полез, — кивнул Орлов влево, где в толще нависшей над тропой бурой скалы темнела узкая извилистая щель. Она тянулась кверху почти вертикально.

— Здесь! — тихо, но убежденно повторил Петр и, упираясь ногами и руками в края щели, первым полез вверх...

Восход солнца застал их на крохотной каменистой террасе, усыпанной острым щебнем. Терраса переходила в новую узкую, почти вертикальную щель. Петр встал на четвереньки и, прищурившись, посмотрел поперек полого падающих солнечных лучей. Затененные углубления в щебне напоминали следы человека.

— Автомат изготвь, — прошептал Петр, перекинув свой со спины на грудь.

Новая щель вывела пограничников на воронкообразную площадку, от которой тропа набирала такую крутизну, что захватило дыхание. Савин невольно ухватился за гранитный выступ.

— Пошли, пошли! — прошептал Петр. Он хотел еще что-то сказать и не успел. Откуда-то сверху послышался гул, нарастающий с такой стремительностью, что друзья едва успели прыгнуть в разные стороны.

По крутому склону, подпрыгивая, катились камни. Один из них ударил Петра по колену, едва не сбив с ног. Петр окликнул Савина, но тот не расслышал товарища. А со склона неслась уже целая грохочущая лавина. Это был камнепад. Петр прикрыл голову руками и притиснулся к скале. Огромные глыбы камня с пушечным гулом плюхались совсем рядом, на площадку, снова подпрыгивали и, подгоняя одна другую, низвергались в ущелье, круша все на своем пути.

Наконец сумасшедший грохот, отраженный многоголым эхо, постепенно замер. Лишь туча густой пыли да огромная груда щебня, переполнившая площадку, напоминали о только что обрушившемся камнепаде.

Поморгав, осторожно протерев забытые мелкой, колючей пылью глаза, Петр выждал несколько минут, с трудом выbralся из груди и увидел, что Савина на площадке нет.

Петр метнулся к краю пропасти, едва удержавшись на ногах; снизу поднималось густое облако пыли.

А нарушитель границы, враг? Неужели враг уйдет? Петр посмотрел вверх и полез туда, обдираясь об острые камни. Гимнастерка и брюки изорвались в клочья, из порезов на руках и ногах сочилась кровь, ушибленное колено распухло, каждое движение вызывало резкую боль, а он все полз и полз, напрягая силы, широко раскрывая рот, тяжело дыша, забыв и о боли и обо всем на свете, кроме того, что Миши Савина уже нет в живых, и о том, что нужно догнать врага.

И вдруг из груди Петра чуть было не вырвался крик: впереди, метрах в сорока, по гранитному карнизу сторожко пробирался высокий, широкоплечий мужчина с рюкзаком за плечами и альпенштоком в руке. Миновав карниз, мужчина присел на камень, вытащил что-то из рюкзака, стал торопливо жевать, а затем прильнул к фляжке.

Весь дрожа от волнения, стараясь не производить шума, Петр пополз от камня к камню, волоча зашибленную ногу.

А нарушитель, видимо убежденный, что сейчас-то уж он в полной безопасности, встал и не торопясь полез дальше.

Петр карабкался следом. Когда уже стали отчетливо различимы складки кожи на загорелой, мускулистой шее врага, он прицелился и негромко скомандовал: «Руки вверх! Не оборачиваться!..»

Нарушитель, будто только и дожидаясь этой команды, медленно поднял над головой руки, тотчас стремительно прыгнул вправо и скрылся за скалой...

Прячась за камнями, противники несколько раз безрезультатно обстреляли друг друга. Нарушитель упорно продолжал взбираться на хребет и вскоре совсем исчез из виду.

Сначала Петр находил след по пятнам крови на камнях — значит, враг все-таки ранен! — но вот и следов не стало: наверно, враг ухитрился перевязать рану.

Никогда еще Петр не попадал в такое отчаянное положение: он висел над бездной. Цепко, до боли в ногтях, ухватившись левой рукой за острый гранитный зубец — в правой был автомат, — он прильнул к почти отвесной скале. Подбородок и губы уткнулись в выщербленную, бугристую поверхность гранита, носок здоровой правой ноги опирался на небольшой выступ размером с папиросную коробку. Солнце пекло обнаженную голову, пот застилал глаза. Но Петр не мог стереть пот — он боялся пошевелиться.

Прошло не больше минуты, а рука занемела. Что же будет дальше? Неужели он так бессмысленно погибнет? А враг уйдет!

— Ну нет!

Посмотрел вверх: гребень утеса и бескрайняя синь неба.

Еще плотнее прижавшись к скале, Петр повернул голову вправо: на снежной вершине сумрачная, темно-синяя туча — верный признак приближающейся грозы. Поглядел вниз и невольно зажмурился: скала, на которой он держался, нависла над глубокой пропастью. На дне ее серебрился под солнцем неслышимый с высоты бурный поток.

Поборов чувство страха, Петр снова глянул в бездну. Метрах в семи под ним парил орел. Еще ниже и чуть правее, на небольшой скалистой площадке, темнело гнездо, сложенное из хвороста и сухой травы. На краю гнезда что-то ярко зеленело.

Увидев орла, Петр еще отчетливее ощутил исключительность своего положения: орлы строят гнезда лишь в самых недоступных местах. Но что это там зеленеет? «Фуражка! Моя фуражка!»

Минут пять назад Петр полз по гребню гранитного утеса. С трудом волоча распухшую ногу, сжимая в руке автомат, настороженно осматривал находящуюся справа впадину. Солнце спешило к закату, и через каменистую впадину протянулись длинные зубчатые тени. Где-то там враг!..

Скала, на которой он держался, нависла над глубокой пропастью.

Карабкаясь на утес, Петр не сомневался: путь избран правильно, только с этого утеса и возможен спуск по северному склону Малого хребта в долину, куда, безусловно, и стремится нарушитель границы. Спуск невероятно трудный — крутой склон изрезан глубокими трещинами, — но все-таки спуск! Когда же обнаружилось, что на утесе никого нет, Петр понял: враг ошибся и пошел по впадине. Как же теперь поймать его? Где он там притаился?

Будто в ответ на мысли Петра, внизу, между глыбами камня, метнулась знакомая высокая фигура. Петр вскинул автомат, но враг успел выстрелить первым и опять спрятался.

Пуля сшибла с головы фуражку. Раздумывать некогда: из-за укрытия враг изрешетит его, как мишень. Петр ухватился за первый попавшийся гранитный зубец, скользнул на западную сторону гребня и очутился над пропастью...

Надо что-то предпринимать. Предпринимать не только для спасения своей жизни, а и для того, чтобы перехитрить и захватить противника. Вероятнее всего, тот полагает, что ему удалось убить пограничника. Проверить это он не в состоянии: из впадины на утес не взобраться. А раз так, он, безусловно, станет некоторое время выжидать, и если даже Петр сможет подтянуться на руках, то враг, конечно, обстреляет его.

И тут возник дерзкий план. В первую очередь нужно освободить правую руку. Петр крепче ухватился другой за гранитный зубец, чуть-чуть отодвинулся от скалы и передвинул автомат с груди на спину. После этого он протянул правую руку вверх, нащупал небольшой выступ и ухватился за него.

Все это заняло не больше минуты, но минута показалась часом. Облегченно вздохнув, Петр опустил занемевшую левую руку, попутно смахнув со лба пот.

В то же мгновение над головой что-то прошумело. Большая тень пронеслась по скале. Петр поднял глаза и увидел: на гранитный гребень, рядом с кистью его руки, сел огромный орел. Длинные, круто загнутые когти цепко впились в

твердый камень. Приплюснутая голова с крючковатым клювом нацелилась на человека.

Петр встретился взглядом с холодно-черными глазами птицы. Стоит орлу вцепиться когтями или даже клюнуть его в руку — и лети в бездну. Впрочем, для этого будет достаточно и двух-трех ударов могучих крыльев.

Многие, очутившись на месте Петра, начали бы отгонять птицу, но Петр не сделал этого. Он знал, что если поблизости находится гнездо, то не к чему злиться и без того встревоженного хищника.

В то же время нельзя было и не оценить невольную услугу, оказанную ему орлом: конечно, враг сейчас тоже наблюдает за птицей, и ему и в голову не придет, что так спокойно сидит рядом с человеком. Враг окончательно убедится, что пограничника на скале нет.

— Чего уставился? — прошептал Петр птице. — Лети!

Словно вняв настойчивому совету, орел медленно расправил крылья, взмахнул ими и легко взмыл над пропастью.

— Так-то лучше! — пробормотал Петр и ухватился за гранитный выступ второй рукой.

Держаться стало легче, и можно было приступить к осуществлению задуманного. Правее, метрах в семи от того места, где находился Петр, скала спускалась более отлого, и оттуда можно будет сползти к площадке с гнездом. От гнезда пробраться к основанию утеса и затем постараться незаметно спуститься на его восточную сторону — во впадину.

Главная и самая трудная задача — преодолеть именно первые семь метров. А это можно осуществить только одним способом: поочередно перехватываясь руками от выступа к выступу. Так, висая над пропастью, напрягая остатки сил, Петр преодолел несколько метров.

Солнце скрылось за тучей, стало холодно, сильнее подул ветер. Только на западе, где ущелье переходило в широкую долину, было по-прежнему солнечно и стояла предвечерняя тишина. На склонах гор зеленели пастбища. Еще дальше, внизу, раскинулись сады, табачные плантации, виноградники и среди них веселые белые домики приграничного села

и блестящая гладь пруда у колхозной гидроэлектростанции. По дороге пылила колонна автомашин.

Ветер внезапно утих. Вокруг потемнело. Первые крупные капли дождя упали на голову, дробно застучали по утесу. Чуть ли не за самой спиной оглушающе треснул гром. До намеченной Петром точки осталось еще метра четыре.

И опять, второй раз за сутки, грянул ливень.

Казалось, все обернулось против Петра. А он, оглушенный непрерывным громом, ослепленный молнией, мокрый, изнемогающий от напряжения всех сил, продолжал сантиметр за сантиметром продвигаться к цели.

Вот молния снова осветила ущелье. Гнездо внизу. Петр разжал пальцы и стремительно съехал по мокрому шершавому граниту, ударившись больной ногой о хворост.

...Как он добрался до основания утеса, он не мог бы толком рассказать, думал все время об одном: враг может уйти!

Ливень затопил дно каменистой впадины. Не предполагая этого, Петр неожиданно окунулся в холодную воду. Вынырнул, держа над головой автомат. Скоротечная гроза уходила на запад, к Черному морю. Вспышки молний и раскаты грома становились всё слабее и слабее. А больше ни малейшего звука! Тогда Петр снова погрузился в воду: в воде слышнее. Легкое шарканье отчетливо прозвучало в ушах.

— Ага, шагаешь... Ну, держись!

* * *

Начальник заставы, Михаил Савин и еще двое пограничников нашли сержанта Орлова на рассвете вторых суток.

Он сидел на камнях, вытянув больную ногу, держа палец на спусковом крючке автомата. Нарушитель лежал лицом вниз, со связанными руками.

— Жив?! — только и мог произнести обрадованный Петр, увидев Савина.

— Меня прямо в пещеру сбило, — прошептал Михаил. — Страху натерпелся! А ты как этого типчика заарканил?

— Притаился за уступом, а когда он мимо шагал, я его малость прикладом...

— На заставе побеседуете, — перебил друзей начальник.

Савин тщательно обыскал сначала одежду и обувь нарушителя, потом рюкзак.

— Пистолетов два — американские, к ним семь обойм, — перечислял начальник. — Компас в герметическом футляре — английский... Часы ручные, со светящимся циферблатом — швейцарские. Фотоаппарат «Минокс» — тоже американский... Автоматическая ручка фирмы «Паркер».

Начальник снова осмотрел ручку, усмехнулся:

— Хитро, но старо: однозарядный пистолет, а не ручка...

Враг поглядывал то на дула, наставленные на него, то на офицера в погонах с зелеными просветами, то совсем мельком, исподлобья на молодого сержанта в мокром, порванном о камни обмундировании.

— Кофе в таблетках — все размокло, — продолжал начальник. — Карта Кавказа, двухверстка на русском языке... Чеснок... Галеты... Десять ампул с жидкостью коричневого цвета. В лаборатории определяют, что сие значит...

— Товарищ капитан, разрешите обратиться? Это что за прибор? — Савин протянул начальнику какую-то коробочку с дугообразной шкалой и стрелкой.

— Это? — Начальник взял коробочку. — Это электроконтактный взрыватель. Для туриста штука явно бесполезная.

— Ну и персона! — не удержался Петр, зло глянув на врага.

— Три персоны, — поправил начальник, рассматривая извлеченные Савиным из-под подкладки куртки нарушителя два фальшивых советских паспорта и мореходную книжку...

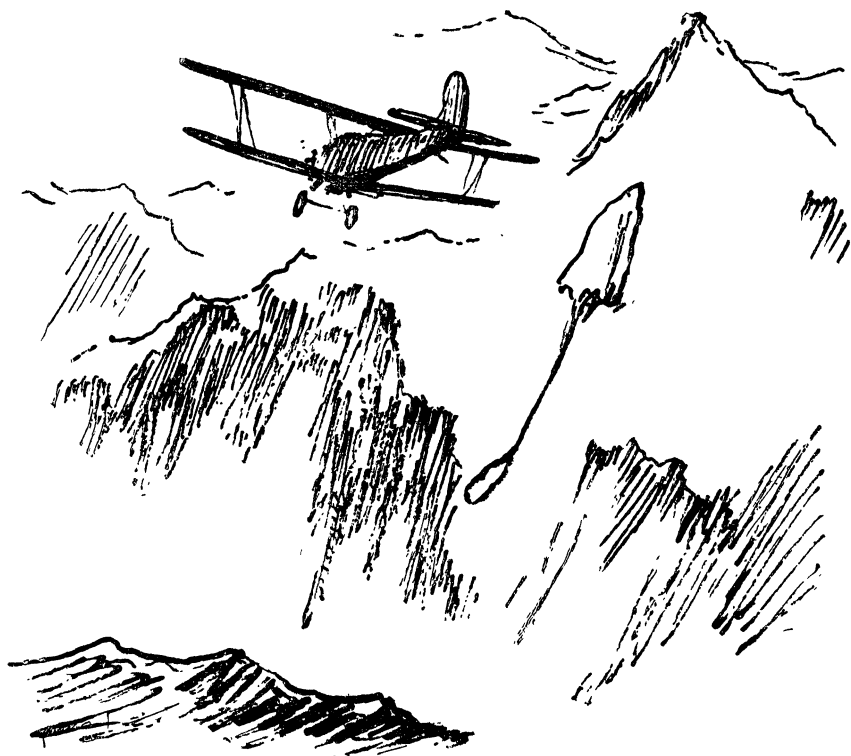
Рана у нарушителя оказалась легкой — он мог идти сам. Петр же не был в состоянии сделать ни шагу.

— Фуражку мою достаньте, — попросил он, когда его подняли сильные руки товарищей. — Она там, за утесом, в орлином гнезде...

* * *

На допросе нарушитель границы рассказал, что он приехал в Турцию в составе американской экспедиции, якобы ищущей на Арарате Ноев ковчег.

— Они не идиоты — искать вчерашний день, — зло ухмыльнулся нарушитель. — Арарат — гора высокая, отсюда отлично можно фотографировать советскую территорию и изучать подступы и подходы к вашей границе. Не ученые в экспедиции, а военные разведчики...

«ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ»

1

За многие десятки километров видны из степи хребты юго-восточного Адалая. Они возникают над горизонтом синева-дымчатой, словно висящей в воздухе бесконечной полосой. В ясную погоду над этой полосой на фоне глубокого среднеазиатского неба вырисовываются легкие очертания снежных вершин. В чистом, прозрачном воздухе они кажут-

ся совсем близкими, однако не день и не два — неделя, если не больше, потребуется для того, чтобы попасть в центр Адалая.

Гряда за грядой, один выше другого, вымахивают хребты. Перевалишь через первый хребет — и на многие версты перед тобой простирается высокогорная степь; преодолешь второй, поднимешься как бы на ступень выше — опять степь. И всё реже и реже встречаются на пути селения, всё меньше и меньше отар овец на пастбищах.

А на юго-востоке — новые хребты громоздятся над хребтами. Всё заснеженнее их вершины, всё круче их скалистые склоны, всё глубже долины, переходящие в ущелья. В долины сползают с вершин мощные ледники, из-под снежных обвалов вырываются студёные бурные потоки.

На смену осокоревым, ореховым и яблоневым лесам, растущим по склонам, давно пришли леса горной серебристой ели, но и ель начинает уступать свое место кедру-стланцу и древоидному можжевельнику — арче.

И нет уж вокруг ни жилья человека, ни животных, которых он приручил. В лесах хозяйничают медведи, рыси и красные волки. Без устали выбивают дробь дятлы, верещат щеглы и кедровки. На сочных альпийских лугах, расцвеченных красными маками, нежно-голубыми незабудками, лиловыми фиалками и солнечно-желтыми «барашками», пасутся козули, маралы и горные козлы. Заходит на луга и остромордый гималайский медведь вволю пожировать на горной гречихе и полакомиться сурками, которых тут великое множество.

Выше, у кромки вечных снегов, среди каменистых россыпей, где робко зеленеет редкая трава, в самых труднопроходимых местах держатся горные бараны — архары. Могучие, спиралью изогнутые возле ушей рога увенчивают их царственно гордые головы. В пещерах и расщелинах — проход в них как бы прикрыт корявой приземистой арчой — архары выводят ягнят.

По дну узких мрачных ущелий, словно играючи перекачивая огромные камни, с неумолчным ревом мчатся пенис-

тые потоки. В ущельях гнездятся похожие на крупных дроздов остроклювые синие птицы; в лучах солнца их перья отливают сине-фиолетовыми тонами. Спозаранку громким пением будят они горы.

Вторая синей птице, кидаясь в воздух с отвесных скал, пронзительно завизжат стрижи; забегает по мокрому щебню, затрясет длинным хвостом сероватая, с желтым брюшком трясогузка. Вечно бодрая оляпка вспорхнет вдруг с камня, неустрашимо нырнет в самый водоворот, секунд через десять, а то и через все двадцать вынырнет ниже по течению с рыбешкой в клюве, взмахнет крылышками, и, пронзив в стремительном полете широкую струю водопада, скроется за ним — там у нее гнездо.

Месяцами не увидишь на высях Адалая человека. Разве случаем забредет сюда охотник или группа смельчаков-альпинистов. Лишь в последние годы все чаще то тут, то там, в самом хаосе гор, разбивают свой лагерь геологи — народ любопытный и неутомимый. Выскочив из-за скалы, остановится как вкопанный архар, нервно подрагивая бархатистыми ноздрями, тревожно втянет воздух. Воздух попахивает дымком от костра.

Так бывает летом. Зимой же в горах Адалая дико и пустынно. Все вокруг похоронено под снегами. Вниз, в долины, спустились звери. Самый отважный охотник не рискнет заглянуть сюда, да и нечего ему здесь делать. Нечего делать здесь зимой и геологам. Одни пограничники живут тут круглый год, потому что по гребню Большого хребта проходит государственная граница.

На северном склоне хребта, там, где начинается спуск в долину, находится одна из пограничных застав — застава Каменная.

В конце сентября начальник заставы, старший лейтенант Ерохин, вызвал сержанта Федора Потапова, пограничников первого года службы Климана Кузнецова и Закира Османова и приказал им отправиться на смену наряда к дальнему горному проходу, известному под названием Большая зарубка.

— Вам смена придёт через пятнадцать суток,— сказал начальник.

Получив боеприпасы и на всякий случай месячную норму продуктов, трое пограничников навьючили каурую кобылу Зорьку.

— Как, Петро, соли с луком положил достаточно? — подтягивая подпругу, спросил Потапов стоящего в дверях повара.

— С избытком! Известен твой вкус!..

Через полтора суток на заставу возвратился наряд, который сменила группа сержанта Потапова, а на девятый день в горах разыгралась метель. Жители расположенного в долине селения рассказывали потом, что такой ранней сильной метели не упомнит даже столетний Уймон: она бушевала пять суток кряду.

Зима установилась на три недели раньше обычного. Пограничники допоздна откапывали здание заставы. Только тут новички поняли, почему в горных селениях двери открываются внутрь дома: иначе бы и не выйти! На конюшню и к складу пришлось прокапывать в сугробах траншеи.

Трое пограничников, посланных лейтенантом в назначенный срок на смену группе Потапова, возвратились с полдороги. Они сообщили, что путь прегражден снежной стеной. Ерохин направил к Большой зарубке новую партию пограничников с альпинистским снаряжением. Четверо суток пробивались бойцы сквозь снег и наконец выбрались к узкой тропе, на которой ветер не оставил ни одной снежинки. Все повеселели, однако радость была преждевременной: шагов через двести пришлось остановиться — висячий мост над водопадом обрушился, будто моста и не было.

Так ни с чем вернулась и вторая партия.

«Что с товарищами? Живы ли они? — тревожились на заставе.— Раньше весны новый мост не построить».

Минули октябрь, ноябрь и декабрь. Из города к Большой зарубке не раз летали вызванные по радио самолеты, но облака и туманы скрывали хребет, и обнаружить группу Потапова так и не удалось.

С запада и востока каменистую площадку сжимали отвесные утесы, к югу она обрывалась крутым склоном, на севере переходила в узкое ущелье, которое и звалось Большой зарубкой. Издали казалось, что в этом месте хребет надрублен гигантским великаньим мечом.

Площадка метров десять в длину и около трех в ширину не была обозначена ни на одной карте, почему и не имела официального наименования. За малые размеры и частые свирепые ветры, бушевавшие здесь, пограничники прозвали ее «Пятачок Ветродуй». Стоять тут в непогоду было тяжело, но зато именно отсюда на значительное расстояние просматривались подступы по южному склону пограничного хребта к Большой зарубке, одной из немногих перевальных точек.

Начинаясь от «Ветродуя», ущелье постепенно расширялось, рассекало толщу хребта и через полкилометра, резко свернув к востоку, заканчивалось на северной его стороне второй площадкой, с топографической отметкой «3538». Обычно здесь происходила смена нарядов, охраняющих Большую зарубку, и заставские остряки окрестили эту вторую площадку «Здравствуй и прощай».

Высокая отвесная скала ограждала площадку от холодных северо-восточных ветров. С другой стороны ее ограничивала пропасть. Узенькая, словно вырубленная в скалах тропа круто спускалась от «Здравствуй и прощай», огибала пропасть и выходила на огромный ледник. За ледником тропа продолжала спускаться мимо скал, поросших кедром-стланцами, к водопаду Изумрудный и неожиданно обрывалась у отвесной обледенелой стены. Именно тут снежная лавина разрушила мост — единственный путь в долину, к заставе Каменная.

Вся застава была в тревоге. Надежд на то, что Потапов, Кузнецов и Османов живы, почти не оставалось, — люди могли погибнуть если не от обвала, так с голоду: продуктов они взяли с собой всего на месяц, а минуло уже почти четыре.

Но Федор Потапов, Клиим Кузнецов и Закир Османов были живы и продолжали охранять границу.

Как-то в один из январских дней на «Пятачке Ветродуе», укывшись от пронизывающего ветра за рыжим замшелым камнем, стоял Клиим Кузнецов. Засунув кисти рук поглубже в рукава полушубка и уткнув нос в воротник, он с тупым безразличием смотрел на уходящие одна за другой к горизонту горные цепи.

Прогрохотала лавина: где-то на каменном карнизе скопилось чересчур много снега. Орудийной канонадой прогремело эхо, замерло, и опять наступило гнетущее безмолвие.

Воротник полушубка так заиндевел, что пришлось вытасить из тепла руку и сбить колючий нарост из ледышек — и без того тяжело дышать. Нет, никогда не привыкнуть Клииму к разреженному горному воздуху! Хочется вздохнуть полной грудью, а нельзя — обморозишь легкие... И до чего же мучительно, до боли сосет в желудке! Когда-то, бездну лет тому назад, Клиим читал в приключенческих романах, что голодным людям мерещатся окорока, колбасы, яичницы из десятков яиц, что будто бы им чудятся запахи бульонов, отбивных котлет, наваристых борщей, а он, Клиим, мечтал сейчас всего лишь о кусочке ржаного хлеба, самого обыкновенного черного хлеба...

Солнце скатилось куда-то за Большой хребет. Облака над горами стали оранжевыми. Все вокруг было холодным, равнодушным.

Почему, почему он не ценил все то, что окружало его дома, в родном Ярославле, на Волге? Почему он не ценил заботу и ласку матери? (Отец погиб на войне, когда Клиим был еще совсем маленьким.) Почему он часто не слушался ее, обижал, заставлял волноваться и тревожиться, ворчал, когда мать просила его сбегать за хлебом, — ему, видите ли, именно в это самое время нужно было готовить уроки! И мама шла за хлебом сама, хотя и без того устала, целую смену простояв на фабрике у станка...

Почему он, Клиим, не ценил заботу школы, которую окончил весной прошлого года? И не стыдно ему было заявить

товарищам, решившим пойти после десятого класса на завод, что они могут быть кем угодно, хоть слесарями, хоть сапожниками, а его удел — искусство?

Искусство... Как позорно провалился он на вступительных экзаменах в художественный институт: по перспективе — двойка, по рисунку — три....

В первые же дни пребывания на заставе обнаружилось, что он во многом не приспособлен к жизни. Он не умел пилить дрова — сворачивал пилу на сторону; чистил одну картофелину, в то время как другие успевали вычистить по пять; понятия не имел, как развести костер, чтобы он не дымил, и как сварить кашу, чтобы она не подгорела.

И до чего же он, считавший себя чуть ли не самым развитым и самым грамотным на заставе, оконфузился, когда сержант Потапов разложил на столе какие-то вещички, прикрыл их газетой и, пригласив солдат своего отделения, сказал: «Внимание!» Поднял газету и тут же положил ее обратно.

«А ну, пускай каждый напишет, что тут лежит. Пять минут на размышление».

Клим написал: «Ножик, часы, карандаши, патроны, папиросы, бритва». Больше ничего не мог вспомнить. И оказалось, что в этой игре на наблюдательность он занял последнее место, не заметив, что на столе лежали еще протирка, пятак, расческа и не просто карандаши, а четыре карандаша, в том числе три черных и один красный, и не просто патроны, а пять патронов. Кроме того, он еще спутал компас с часами.

А как трудно ему было с непривычки вставать с восходом солнца, добираться за несколько километров на перевал и в дождь и ветер несколько часов подряд стоять на посту с автоматом в руках!

Клим понимал: не на кого и не на что ему жаловаться — ведь все молодые пограничники находились в равных, в одинаковых с ним условиях. Об этом даже не напишешь домой! Однако все первые трудности и неудачи померкли в сравнении с тем, что пришлось пережить за три с половиной

месяца здесь, в снежном плену на площадке «Здравствуй и прощай»...

Солнце давно скрылось за хребтом, а облака все еще горели оранжевыми и красными огнями. И чем сильнее сгустились синие тени в долине, тем ярче становился диск луны, медленно проплывавший над обледенелыми, заснеженными горами. Клим впал в какое-то странное забытие. Он не закрывал глаз, но и не видел ни гор, ни густых зыбчатых теней в долине, ни медно-красной луны.

— Кузнецов! — раздался словно откуда-то издалека тихий голос.

На плечо легла чья-то рука. Клим через силу оглянулся — рядом стоял Потапов.

— Подползи к тебе, стукни по голове — и готов! — сурово сказал сержант.

Голос его стал громким. Клим окончательно очнулся от оцепенения.

— В валенках вы, не слышал я.

А про себя подумал: «Ну кто, кроме нас, может сейчас здесь быть? Кто сюда заберется?»

— Иди ужинать, — подобрел сержант. — Османов суп с мясом сварил.

Клим широко раскрыл глаза:

— Барана убили?

— Иди, иди быстренько...

Клим мечтал о кусочке хлеба, а тут... Он так явственно представил дымящийся суп, кусок баранины, что попытался было побежать. Но тотчас застучало в висках, затошнило, закружилась голова. С трудом поправив съехавший с плеча автомат, Клим, пошатываясь, побрел по тропе.

На площадке «Здравствуй и прощай» пограничники соорудили из палатки небольшой чум, обложив его снаружи ветками арчи, кедра-стланца и кирпичами из снега. Триста метров, всего каких-то триста метров отделяли Клим от этого теплого чума, мягкой хвойной лежанки и словно с неба свалившегося ужина!

Он машинально переставлял ноги, не глядя, инстинктив-

но обходил знакомые камни и впадины, то и дело останавливался, чтобы собраться с силами. Никогда еще он так не уставал, как сегодня, никогда не чувствовал такой вялости во всем теле, никогда так не дрожали колени...

Четвертый месяц Клим Кузнецов, Закир Османов и Федор Потапов находились у Большой зарубки, отрезанные от заставы и от всего мира. Когда на пятнадцатые сутки не пришла обещанная смена и за первой метелью нагрянула вторая, зачастили бураны и снегу насыпало столько, сколько не выпадало за всю прошлую зиму, Потапов понял, что они надолго застряли на «Пятачке», и распределил остатки продуктов еще на двадцать дней. Не подозревавшие беды Клим Кузнецов и Закир Османов со дня на день ожидали смены.

Выбравшись по леднику к водопаду, Потапов убедился, что догадка его была правильной, и, не утаивая от товарищей правды, сказал им, что придется ожидать у Большой зарубки весны. Он надеялся, что, может быть, старший лейтенант Ерохин как-нибудь вызволит их раньше, но намеренно сказал о весне, чтобы Кузнецов и Османов приготовились к самому худшему.

Прошел месяц. Несколько раз к Большой зарубке прилетал самолет; пограничники отчетливо слышали гул мотора, однако плотные облака, постоянно клубящиеся над хребтом, скрывали от летчика крохотный лагерь у площадки «Здравствуй и прощай».

В начале второго месяца оступилась на леднике, сорвалась в пропасть и насмерть разбилась Зорька, на которой они привозили в лагерь арчу для очага. Сержант пожалел, что не прикончил лошадь раньше сам: конины хватило бы надолго.

Угроза голода вынудила Потапова изменить утвержденный начальником заставы распорядок: каждый день кто-нибудь из троих отправлялся на сплетенных из кедровых веток снегоступах через ледник на охоту. Но в эту пору сюда не заходили ни архары, ни горные козлы. Клим подстрелил как-то заплутавшего и отощавшего барсука, но до чего

невкусное и жесткое у барсука мясо! Во второй раз ему повезло подбить каменную куропатку, а Османов убил марала: видно, олень тоже не смог спуститься в долину из-за обвала.

Оленьего мяса хватило на целый месяц. В пищу пошли даже кожа и толченые кости: Потапов варил из них бульон. И все-таки, как ни экономил сержант, оленина кончилась, и тогда пришлось есть такую пищу, о которой Клим сроду и не слышал. Нарубив кедровых веток, Потапов срезал ножом верхний слой коры, осторожно соскоблил внутренний слой и выварил его в нескольких водах.

— Чтобы смолой не пахло,— подмигнул он Климу.

— Неужели дерево будем есть?

Как ни голоден был Клим, он не мог себе представить, что можно питаться корой.

— Чудо ты! — усмехнулся сержант.— Не дерево, а лепешки!

Когда кора хорошенько выварилась, он велел просушить ее на огне.

— Гляди, чтоб не подгорела. Хрупкой станет — снимай. Придет Закир, растолчете между камнями. Вернусь — блинами вас угощу. (На ночь Потапов всегда уходил к «Пятачку Ветродную» сам.)

Чуть ли не до зари Клим и Османов толкли в порошок съезжившуюся от жара кору.

— Ящериц ел, траву ел, дерево никогда не ел,— бормотал Закир.

Наутро сержант замешал на теплой воде светло-коричневую кедровую муку, замесил и раскатал на плоском камне тесто. Потом нашлепал из катышков тонкие лепешки и поджарил их на медленном огне.

— Жаль, маслица со сметанкой нет,— причмокнул он губами, протягивая Климу первый «блин».

Клим с жадностью схватил лепешку, откусил половину и чуть было тотчас же не выплюнул — такая горечь опалила рот.

А Потапов жевал свою лепешку с таким аппетитом, слов-

но это и впрямь был пышный ноздреватый блин из первого сорта пшеничной муки.

Морщась от горечи, Клим съел две лепешки. Острое ощущение голода притупилось, и он потянулся было за третьей, но Потапов остановил его:

— Хватит, милоч! Закиру оставь...

И не только лепешки из кедровой коры пришлось есть в кажущиеся бесконечными долгие зимние месяцы. Потапов научил товарищей, как готовить из прожаренных кедровых шишек запеканку и даже студень, сваренный из оленьего мха.

И все он делал не торопясь, с шутками-прибаутками, будто всю жизнь только этим и занимался.

— Сегодня, братки, как-нибудь, а завтра с блинами,— улыбался он то Закиру, то Климу — всем вместе им бывать не приходилось: кто-то из них всегда был на границе у Большой зарубки.

3

С час, если не больше, добирался Клим от «Пятачка Ветродуя» до площадки «Здравствуй и прощай». Хорошо еще, что днем не было очередного снегопада.

Откинув полог, прикрывавший вход в чум, он прополз внутрь. Пахнуло теплом, в нос ударил перемешанный с дымом запах мяса. Только сейчас окончательно поверилось, что сержант сказал правду.

Закир сидел у окруженного земляным валиком пылающего очага и, обхватив руками колени, тихонько раскачивался. Над очагом висел котелок, в котором бурлил суп, распостраняя дразнящий, самый лучший, самый желанный в мире аромат.

Сбросив движением плеча автомат, скинув шапку-ушанку, торопливо стянув меховые рукавицы, Клим пробормотал словно в лихорадке:

— Барана убили?

— Отдыхай, дорогой, кушай, пожалуйста! — сказал Закир, помогая товарищу снять полушубок.

В отблесках колеблющегося пламени на лице Закира еще резче обозначились обтянутые загорелой, обветренной кожей скулы, впадины на висках и на лбу, ввалившиеся щеки.

— Эх, соли нет!..

Снедаемый нетерпением, обжигая дрожащие пальцы, Клим налил в алюминиевую тарелку супу и, поддев вилкой, извлек из котелка большую кость с куском дымящегося мяса.

— Ну и баран, целый бык!

— Кушай, пожалуйста! — повторил Закир, взял отпотевший автомат товарища, начал обгирать его тряпочкой.

— Вы... вы... — Догадавшись вдруг, Клим бросил мясо обратно в котелок. — Вы вытащили из ущелья Зорьку? Это же конина!

— Совсем ребенок стал, — спокойно сказал Закир. — Ай, какой ребенок! Зачем кричишь? — Он достал из вещевого мешка спичечную коробочку, открыл ее. — Бери, пожалуйста! — и высыпал на ладонь притихшего Климаса щепотку соли.

— У тебя осталась соль?

— Зачем торопиться? Много соли ешь — кровь жидкая станет, совсем как вода. Кушай, пожалуйста! Конина бик якши, хорошо!

И в самом деле, к чему терзаться, что они съедят то, что осталось от Зорьки? Ведь они не убивали ее, она сама разбилась. И как это Федор и Закир умудрились достать ее со дна пропасти?

Пересилив себя, Клим отхлебнул жиденького горячего бульона. Давным-давно не пробовал ничего более вкусного! Он с жадностью опорожнил тарелку, почти не жуя, давясь, проглотил порядочный кусок жилистого, жесткого мяса — немолода уже была работяга Зорька, — с наслаждением обсосал кость. Вовек не испытывал он чувства такой блаженной сытости...

Клим разулся, растянулся на лежанке. Хорошо! Не такая уж плохая штука жизнь! Эх, написать бы когда-нибудь

картину «Заслон у Большой зарубки!» Пограничника, стоящего в яркий солнечный день над суровыми, сверкающими горами на «Пятачке Ветродуе». У пограничника вдохновенное, гордое и смелое лицо...

— Автомат почисть,— вернул Клима с небес на землю голос Закира.— Сержант придет, проверять будет, ругать будет.

Пришлось встать, почистить автомат, а заодно уж и пряжку ремня, и пуговицы на гимнастерке, и звездочку на шапке. Потапов все проверит, везде углядит.

Долго ли они будут жить здесь, в снежном плену? Впереди еще целая половина января, февраль, март, половина, а может быть, и весь апрель! Закир говорит, что раньше весны новый мост едва ли построят. Наверно, на заставе давно решили, что они погибли. Возможно, так и написали маме, а если и не написали, то что она думает, бедная, не получая от него писем?

Невеселые мысли теснились в голове. Что это за жизнь, если ты, человек, сознательное существо, царь природы, каждый час, каждую минуту только одного и хочешь: есть, есть, есть! А ведь кто-то где-то смеется сейчас; кто-то где-то читает стихи, слушает оперу; кто-то где-то целует любимую... На заставе, наверно, сейчас смотрят какую-нибудь кинокартину...

— В шахматы будешь играть? — спросил Закир.

— Не хочу,— буркнул Клима.

— А как думаешь, кто победил в матче? Смыслов или Ботвинник? — снова спросил Закир. Он был заядлый шахматист и довольно сносно вырезал фигуры из корня арчи.

— Надоед ты мне со своими шахматами! — с досадой поморщился Клима.— Не все ли тебе равно, кто победил,— важно, что чемпионом будет наш, советский гражданин.

— Почему все равно? — удивился Закир.— Я за Смылова болею, хочу, чтобы Вася был чемпионом.

Ничего, равным счетом ничего не знали Клима, Закир и Федор о том, что происходит в большом, огромном мире!

У зимовщиков на полярных станциях есть радио, а они трое живут, как снежные робинзоны, самые настоящие робинзоны.

Высокая скала загораживала чум от ветра, тяга была плохой, и дым от очага ел глаза, першило в горле.

Клим забылся наконец, что-то несвязно бормоча и вскрикивая во сне, и не слышал, как Османов ушел сменить Потапова.

Федор разбудил Клим, как обычно, в семь утра. Они вылезли из чума в одних гимнастерках, умылись снегом.

— На зарядку становись! — скомандовал Потапов.

— Не могу я, — отказался Клим.

Какая там еще зарядка! Словно пудовые гири привязаны к рукам и ногам.

— Полегоньку, полегоньку, — настойчиво сказал Федор. — А то совсем раскиснешь...

Вернувшись в чум, они позавтракали остатками вчерашнего ужина, выпили по кружке горячего хвойного отвара из кедровых ветвей. Отвар был горек, как хина, но, как ни противились было поначалу Клим и Закир, Потапов заставлял их ежедневно поглощать по три кружки этого противного погла.

— Или хотите подхватить цингу? — недобро усмехался Федор. — Хотите, чтобы у вас распухли десны и вывалились зубы? В хвое, братцы мои, витамин «С»...

Хвойный отвар, гимнастика и работа! Потапов был неистощим, каждый день придумывая какое-нибудь новое дело. По восемь часов в сутки каждый из них дежурил на «Пятачке Ветродуе». Это было утомительно для них, истощенных, почти всегда голодных, но Федор не считался с усталостью.

— Что толку для организма в том, что мы стоим на одном месте? — говорил он. — Организму нужно движение, без движения мышцы станут хуже тряпок. Тебя устраивает, чтобы ты был мешком, набитым костями? — ощупывал он жидкие бицепсы Клим.

И они работали. Они заготавливали впрок топливо, лазая

по скалам, сбрасывали с площадки «Здравствуй и прощай» в пропасть снег, расчищали тропу к леднику, укрепляли камнями откос, вырубали из слежавшегося, твердого, как лед, снега кирпичи и выкладывали из них барьер над ущельем.

Котелки и тарелки у них всегда сверкали, каждую неделю стиралось белье и до блеска начищались пуговицы и пряжки ремней.

Пуговицы... Надолго запомнились Климу солдатские пуговицы!

Как-то он колол дрова и потерял пуговицу от гимнастерки.

— Степы-растрепы мы, а не пограничники! — сердито, почти зло бросил Потапов.

Он сразу, едва Клим успел забраться в чум, заметил, что у того не хватает третьей пуговицы сверху. С час, если не больше, копался Клим в снегу, на морозе, пока не нашел ту злосчастную пуговицу.

Хорошо еще, что у него толком не росли пока усы и борода, а только юношеский пушок чернел над верхней губой, а то и ему, как Закиру, пришлось бы через день бриться. Сам Потапов брился каждодневно.

В первые недели Клима раздражали, даже возмущали «выдумки» сержанта. Казалось просто-напросто несправедливым, что Потапов не разрешает им вволю отдохнуть и выспаться. Кто дал ему такое право?

— Больше семи часов спят только старики и лежебоки, — непререкаемо изрекал сержант.

Однако постепенно Клим втянулся в заведенный Потаповым распорядок, привык к нему, и работа, бывшая вначале в тягость, представлявшаяся бессмысленной, воспринимаемая как проявление упрямства и едва ли не самодурства Потапова, стала привычной, даже необходимой — в работе быстрее бежало время. К тому же Клим чувствовал, что и в самом деле мышцы его стали куда крепче, и то, что вчера еще казалось непосильным, выматывающим, сегодня не представляло уже такой трудности.

Если бы не этот проклятый разреженный воздух, если бы не почти постоянное ощущение голода...

А сержанту Потапову мало того, что все они охраняли Большую зарубку и занимались физическим трудом,— ввел ежедневный учебный час. Еще в конце октября он сказал:

— С первого ноября станем заниматься боевой подготовкой.

Поочередно, то с Закиром, то с Климом, он повторял на память основы пограничной службы, изучал оружие и добился того, что оба они с завязанными глазами разбирали и собирали автоматы и пистолет. Проложив в снегу условную линию границы, сержант сам «нарушал» ее различными способами и требовал, чтобы Клиим и Закир точно и быстро определяли, когда именно прошел «нарушитель», как он шел, к каким уловкам прибегал, запутывая и маскируя свои следы.

Нарушители... Какие нарушители границы могут быть сейчас здесь, в заваленных снегами горах? Кто сюда пойдет? Зачем?

Клиим недоумевал, он просто-напросто не мог понять сержанта Потапова: дети они, что ли, чтобы играть сейчас в нарушителей? Почему бы им не попытаться самим пробраться к заставе? Однажды он так прямо и сказал Потапову.

— Прибудет смена, тогда и уйдем,— нахмурился Потапов.

— Не пройти им, нам сверху легче спуститься,— попытался настаивать Клиим.

— Как это — не пройти? Пройдут! Да ты знаешь, о нас не только старший лейтенант Ерохин тревожится,— о нас и в отряде и в округе беспокоятся!

В один из вечеров, когда Потапов ушел в заслон к Большой зарубке, Клиим и Закир сидели в чуме у очага. Клииму было тоскливо, и он тихонько запел:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

Закир вскочил:

— Перестань!

— Почему это?

— Перестань, говорю! — разгорячился Османов. — Зачем сердцем плачешь? Совсем плохо!

— Круглые сутки буду петь! — вскипел Клим. — Понимаешь? Круглые сутки! — И тотчас подумал: «А ведь Закир прав, и без того тяжело на душе». — Ну ладно, ладно, остынь, — через силу улыбнулся он..

Закир покачал головой:

— Ай-яй, ты барс, настоящий барс. Я думал, с Волги тихий человек приехал. Зачем кричишь? Нехорошо!

Закир замолчал.

Клим с любопытством посмотрел на товарища: «О чем он сейчас думает? О доме, о родных?»

Османов был неразговорчив, в его скупых суждениях Клим всегда удивляла какая-то, как ему казалось, не по возрасту холодная рассудительность. Клим мечтал стать художником и не раз рассказывал друзьям о своей мечте, а кем хочет стать Закир?

— О чем, Закир, думаешь?

Османов помешал палкой в очаге.

— Большая дума есть. Совсем большая! — Глаза его заблестели. — Машину хочу сделать, замечательную машину: идет нарушитель, подошел к границе, а наш товарищ начальник, старший лейтенант Ерохин, все видит. Сидит на заставе и все видит. Скоро думает, куда Закира послать, куда тебя послать. Телевизор такой хочу придумать.

— Как же ты такую машину сейчас сделаешь? — усмехнулся Клим.

— Зачем сейчас? Учиться буду, для другого товарища, старшего лейтенанта Ерохина, машина будет работать, другой Закир в горы пойдет.

Османов опять замолчал, в огне потрескивали кедровые ветки.

— А потом обязательно еще одну машину сделаю,— мечтательно произнес Закир,— чтобы арык копала машина.

— Велосипед изобретаешь? — снова усмехнулся Клим.— Это же экскаватор!

— Зачем экскаватор? — пожал плечами Закир.— Со всем другую машину хочу сделать. Быстро идет, землю копает, дамбу делает — все сразу. У меня тут эта машина,— постучал он пальцем по голове.— Всю машину вижу. Вот о чем думаю. Народу хорошо будет.

Османов подбросил веток в очаг.

— А ты жалобную песню поешь. Зачем? Ты плачешь, я плачу, какая польза! Про машину думай, про свою картину думай, про хорошую жизнь думай.

Сдвинув черные брови, Закир сосредоточенно смотрел на огонь, а Клим словно впервые увидел товарища и не нашелся что ответить.

— У тебя какая картина там? — показал вдруг Османов на лоб Клина.— Какую картину хочешь рисовать?

— Я хочу написать Волгу. Широкая-широкая Волга, много-много воды, и чайки над волнами,— в тон Закиру ответил Клим.— А за Волгой леса в синей дымке...

— А пароход будет? — перебил Османов.

— Может быть, будет и пароход...

— Зачем «может быть»? Обязательно пароход нарисуй.. Пароход плывет, баржу ведет. Зачем пустая вода?

Клим не успел ответить: одна за другой прогремели автоматные очереди — сигнал тревоги.

5

Два человека с трудом тащили вверх по склону какую-то тяжелую ношу. За плечами у них — туго набитые рюкзаки и короткие горные лыжи.

Подъем становился все круче, и один из мужчин передал свой рюкзак другому и взвалил ношу на спину.

Потапов уже больше часа наблюдал за ними.

Наступили сумерки, и трудно было разглядеть все как следует. Что это за люди? Зачем они лезут к Большой зарубке, к перевальной точке через хребет, по которому идет граница?

Первым на «Пятачок Ветродуи» вскарабкался высокий мужчина. Тропа, протоптанная пограничниками, проходила у самой скалы, ограничивающей площадку с востока, и в полутьме неизвестный не заметил ее. Сторожко оглядевшись, тяжело дыша, он сел, прислонился спиной к камню, за которым притаился Потапов, и, зачерпнув рукавицей пригоршню снега, стал жадно его глотать.

Минут десять спустя на площадку вскарабкался и второй мужчина. Теперь Потапов рассмотрел, что он тащил на спине третьего человека, не то раненого, не то больного. Положив его на снег, повалился рядом...

Выбежав из ущелья на «Пятачок Ветродуи», Клим и Закир увидели на фоне неба силуэт Потапова, наставившего автомат на неизвестных мужчин, поднявших вверх руки.

Ничто не могло сильнее поразить Клина, чем неожиданное появление у Большой зарубки людей,— настолько он был убежден, что зимой сюда не сможет добраться ни один человек.

Мельком глянув на подоспевших товарищей, Потапов включил электрофонарь и навел луч на неизвестных. По одежде их трудно было отличить от охотников. Однако Клим разглядел, что самый высокий из них — европеец. Второй — явно монгольского типа. Лицо третьего, лежавшего без признаков жизни, скрывал шарф.

«Неужели это нарушители границы?»

— Ему плохо... Сердце,— сказал вдруг по-русски высокий мужчина, кивнув на того, что лежал на снегу.— Помогите ему.

— Вы нарушили государственную границу Союза Советских Социалистических Республик. Вы задержаны,— отчеканил Потапов.

— Мы заблудились,— ответил высокий.— И, слава богу,

набрели на вас... Пистолет в правом кармане,— добавил он.— Вероятно, это вас интересует...

У нарушителей границы оказалась брезентовая палатка, ее поставили на «Здравствуй и прощай», рядом с чумом, накрыли ветвями и обложили снегом; получилось тесное, но довольно теплое жилище.

Распаковав в присутствии задержанных их рюкзаки, Потапов извлек шерстяные одеяла, немного продовольствия, два автоматических пистолета кольт, компас, хронометр, топографические карты Адалая, призматический бинокль и фотоаппарат.

Высокий мужчина, назвавшийся Николаем Сорокиным, сообщил, что они плутали в горах целую неделю. Большой, Ивар Матиссен, ученик знаменитого исследователя Центральной Азии Свена Гедина, хотел пересечь зимой Адалай, а он, Сорокин, живущий в Кашгаре с 1919 года, согласился сопровождать путешественника. Аджан — проводник, оказавшийся, кстати, никудышным. Он совсем запутался в этом дьявольском лабиринте хребтов и ущелий...

Утром больному стало немного легче, и он что-то прошептал Сорокину.

— Господин Матиссен просит, чтобы вы поскорее доставили нас к вашему офицеру,— перевел Сорокин.— Он должен немедля известить свое консульство: там беспокоятся о его судьбе.

— Господину Матиссену придется обождать,— сухо ответил Потапов...

Так началась жизнь вшестером. Теперь Федор, Закир и Клим вынуждены были не только охранять границу, но и сторожить задержанных.

На вторые сутки, умываясь снегом, Сорокин заметил на скале насечки, которые каждый день делал Потапов. Сосчитав их, он тихонько присвистнул:

— Выходит, мы у вас в плену, а вы в плену у гор? Есть с чего запить. Надеюсь, гражданин Потапов, вы вернете нам флагу с коньяком?

— Коньяк останется для медицинских целей.

Первым на «Пятачок Ветродуй» вскарабкался высокий мужчина.

— Для медицинских? — усмехнулся Сорокин, щелкнув себя по кадыку.— Вы чудак, сержант! Аджан говорит, что если в горах произошел обвал, то отсюда не выбраться до июня. Как вы полагаете?

— Я полагаю, что вам придется сегодня полазить со мной по скалам: нужно нарубить стланцев для костра.

— Не вижу смысла: днем раньше мы сдохнем или днем позже. Впрочем, пожалуй, вы правы: надо бороться, бороться, черт побери!

— Летит! — крикнул вдруг Клим.

— В самом деле, это аэроплан,— оживился Сорокин.

Где-то совсем низко над горами кружил самолет, но облака скрывали его от людей, и рокот пропеллера постепенно удалился и вскоре вовсе затих.

Матиссену становилось все хуже и хуже: он бредил и не мог поднять голову.

— Потапов, вы здоровый человек, вы должны наконец понять, что торчать здесь по меньшей мере бессмысленно,— говорил Сорокин.— Раз путь на север закрыт, то пойдёмте на юг, откуда мы пришли. А если вы намерены отдать здесь богу душу, так при чем тут мы: отпустите нас. Мы с Аджаном унесем бедного ученого, попытаемся спасти его. Не будьте же так упрямы и жестоки. Ну что держит вас здесь? Что?

— Долг! — не утерпел Потапов.

— Долг?! — скривился Сорокин.— И много вы должны?..

Прошла еще неделя и еще неделя. В самом конце февраля Клим пошел с Аджаном за топливом. Близился вечер, а они всё не возвращались. Потапов вызвал выстрелом с «Пятачка Ветродуя» Закира, приказал ему стеречь Сорокина с Матиссенем и отправился на поиски. С час, наверно, лазил он по леднику, прежде чем набрел на глубокую трещину, из которой отозвался Клим.

Потапов лег на край трещины, спустил вниз веревку:

— Хватай!

— Ноги...— едва смог вымолвить Клим. Голос его был едва слышен.

— Вяжи за пояс.

Весь напряжившись, упершись ступнями в валун, Потапов вытащил из трещины товарища. Клим не мог стоять.

— Ноги... — пробормотал он. — Кажется, я зашиб и обморозил ноги.

— Аджан где?

— Убежать хотел. Я — за ним. Выстрелил, промахнулся. Он зайцем прыгал. И провалились...

— Да где же он? — в нетерпении переспросил сержант.

— Там, — кивнул Клим на трещину. — Оба мы провалились... Застрелил я его...

Сержант медленно повернулся к товарищу:

— Застрелил?.. Давай я ототру тебе ноги.

Он осторожно стащил с Клим валенки, начал с силой растирать его ноги. Он растирал их до тех пор, пока Клим не почувствовал боли и не вскрикнул.

— Доложите, при каких обстоятельствах вы расстреляли нарушителя границы, — неожиданно потребовал Потапов.

Клим перестал стонать, настолько поразил его официальный тон товарища.

— Докладывайте! — повторил Потапов, продолжая растирать ноги.

— Товарищ сержант, нарушитель бросился на меня... Видно, падая, он не так сильно ударился, как я, и я выстрелил в него... Больно!..

— Терпи! — Потапов с сочувствием посмотрел в наполненные слезами глаза Клим. — Товарищ Кузнецов, объявляю вам благодарность за смелые и решительные действия!

Клим ничего не мог ответить: такой невыносимой стала боль.

— Терпи, терпи, друже, — сказал Федор. — Ну как? Все теперь понимаешь?

— Понимаю, — стиснув зубы, вымолвил Клим.

Потапов сделал из кедровых ветвей волокушу, положил на нее товарища и потащил. Через трещины и нагромождения камней он переносил его на руках.

— Терпи! Терпи!..

Вытянув волокушу на тропу, Потапов опустился рядом с Климом, прерывисто дыша, посидел так несколько секунд.

— Поехали дальше! Лавина, того гляди, сорвется.— Сержант показал на огромную снежную шапку, нависшую над ущельем.— Самое время им срываться.

Он согнулся, едва не доставая руками до земли, натянул веревочные постромки, сдернул с места волокушу и медленно пошел, покачиваясь, то и дело приостанавливаясь.

Да, теперь Клим все понимал. Он понимал, до чего же неправильны, наивны были его рассуждения о том, что в эту пору никто не попытается проникнуть через нашу границу ущельем Большая зарубка; он понимал, до какой степени доверчив, близорук был, думая, что Матиссен и впрямь ученый, заплутавшийся со своими провожатыми в горах; он понимал, насколько же прав был Федор Потапов во всех своих поступках и прежде всего в том, что ни на час, ни на минуту не терял чувства настороженности и учил тому его, Клима, с Закиром.

Считая, что они чуть ли не самые настоящие робинзоны, оторванные, отрезанные от всего мира, он, Клим, впал в уныние, поддавался чувству отчаяния, в то время как они стояли на таком важном боевом посту, на том самом кусточке земли, где начинается Родина...

6

Спустя сутки по возвращении Федора и Клима с ледника к Большой зарубке снова прилетел самолет. На этот раз облака не мешали летчику увидеть крохотный лагерь. Он приветственно помахал крыльями, сделал круг над площадкой «Здравствуй и прощай» и сбросил вымпел.

Федор и Клим с волнением следили, как быстро спускается белый парашютик с красным длинным флажком, пока наконец Потапов не подцепил его стволом автомата.

«Не забыли про нас, не забыли!..» Слезы застилали гла-

за, тугой комок подкатил к горлу, и Клим едва удержался, чтобы не разрыдаться.

А самолет сделал новый круг и сбросил второй, уже большой парашют с объемистым мешком. Увлекаемый тяжелым грузом, парашют почему-то не успел раскрыться полностью и стремительно упал в пропасть.

— Растяпы! — злобно воскликнул стоявший у шалаша Сорокин.

Матиссен — он лежал рядом на одеяле — проводил парашют безразличным взглядом.

Потапов извлек из небольшого металлического патрончика письмо, пробежал его глазами, негромко сказал Климу:

— Пишут, чтобы мы держались до весны. На днях еще сбросят нам продуктов. В мешке мука, консервы, соль, сахар и лук.

Он сказал это таким спокойным, вроде бы даже равнодушным тоном, словно они не голодали и у них не переводилась всяческая снедь.

7

Каждое утро все раньше и раньше начинали сверкать под лучами солнца оледенелые хребты и все позже и позже прощалось солнце с горами, уступая место луне. Правда, нередко набегали еще тучи, сыпля снежную крупу, иной раз совсем по-январски начинала реветь пурга и ветер норовил сбить с ног, но чаще всего весь долгий день ослепительно сияло солнце, сугробы таяли и оседали чуть ли не на глазах, и все чаще грохотали в горах лавины. Холодное, удручающее зимнее безмолвие сменялось шумами пробуждения. Все казавшееся недвижимым, мертвым оживало, оттаивало. Со склонов бежали ручьи. Пробивая себе путь, они журчали под снегом, бурливыми водопадами бросались в пропасти и ущелья.

С каменных карнизов, совсем как с крыш домов, хрустально звенела капель. Ветви кедров-стланцев и арчи набирали живительные соки, на обнажившихся местами скло-

нах пробились, робко зацвели первые альпийские подснежники.

Из далеких низовых долин потянулись в горы звери и птицы. У ледника целый день перекликались каменные куропатки. Из ущелья спозаранку до поздних сумерек доносилось переливчатое пение синей птицы и неугомонной оляпки. Они как бы старались перепеть и друг друга и весенние голоса горной речки. Суслики вылезали на солнцепек из многочисленных нор, становились столбиками, в упоении повсвистывали. Откуда они появились так высоко в горах, где и летом-то не тают до конца снега, нередко студеные ветры и падают холодные туманы?

Все кругом звенело, шумело, шуршало, отогревалось, радовалось, прихорашивалось.

Не могли нарадоваться приходу весны, ее голосам и улыбкам и Федор, и Закир, и Клим. У Клима всё еще не зажили ноги. Он не мог ходить и целыми днями лежал у чума на шкуре марала.

Голоса весны растеребили Клима. Наблюдая за говорливыми ручейками, он видел Волгу, освобождающуюся от ледяного панциря, ледоход и весенний разлив, слышал треск распускающихся почек на березах и кленах, пение жаворонков, и нестерпимая тоска стискивала сердце. Скорее бы соскочить с поезда, выбраться из вокзальной сутолоки на площадь, на ходу вскочить в трамвай — и домой.

Скорее бы увидеть и обнять маму, посмотреть в ее добрые глаза!..

Мама, милая мама! Твой Клим многое узнал за время разлуки. Он стал совсем взрослым и никогда больше не огорчит и не обидит тебя...

Все чаще грохотали в горах лавины. Огромная глыба снега нависла и над «Пятачком Ветродуем», где Потапов и Османов поочередно стояли на носту, охраняя границу. Она могла и не сорваться, эта снежная глыба, а вдруг...

Беда приключилась в тот самый момент, когда Потапов делал на скале сто восемьдесят восьмую насечку. Нарастающий гул, превратившийся в грохот, волна упругого воздуха

и облако снежной пыли, долетевшие до лагеря, не оставили сомнений — лавина!

Клим лежал у костра на краю площадки. Вздогнув, он невольно зажмурил глаза.

— Стереги нарушителей! Я — на «Пятачок». На вот тебе еще пистолет.— Потапов поспешно связал по рукам и ногам Сорокина и Матиссена, схватил лопату и убежал, скрывшись в не успевшей еще осесть снежной пыли.

Клим попытался подползти поближе к костру — и не смог, невольно застонав от боли в ногах.

Что же с Закиром? Неужели его завалило?

Клим посмотрел на горы, и ему почудилось вдруг, что они то приближаются, то исчезают, растворяясь в облаках.

Сорокин и Матиссен — пограничники все еще считали его тяжелобольным — внимательно следили за Климом. Клим не двигался: то ли он потерял сознание, то ли уснул. Матиссен первым окликнул его.

Клим не отвечал.

— Кузнецов! — громко позвал Сорокин.

И опять никакого ответа.

Выждав минуту, отталкиваясь локтями, Матиссен подполз к костру, нечаянно свалил треногу. Со звоном упал висевший над огнем котелок с водой. Матиссен в страхе замер: не разбудил ли он пограничника? Однако Клим попрежнему не подавал никаких признаков жизни. Выждав с минуту, Матиссен подполз вплотную к костру, выгнул связанные руки, подставил под огонь веревку. Кривясь от ожогов, он то откатывался от пышущего жаром огня, то снова пододвигался к нему, пока наконец не смог перетереть обуглившуюся веревку об острый камень...

Клим очнулся, услышав какой-то невнятный шум, и не сразу поверил, что видит Матиссена, поспешно развязывающего Сорокина. В волнении Клим выстрелил вверх из пистолетов три раза подряд.

— Назад! — приказал он, наставляя на Матиссена пляшущее дуло пистолета. «Выходит, этот ученый совсем не большой!»

Матиссен отскочил от Сорокина. Клим выстрелил в него два раза и промахнулся.

— Назад, к чуму! — повторил Клим, мельком глянув на Сорокина: «Слава тебе — Матиссен, кажется, не успел развязать своего подручного!»

— Камнем его, камнем! — злобно крикнул Сорокин Матиссену, спрятавшемуся за выступом скалы.

— Слушай ты... ты плохой снайпер... — заговорил Матиссен по-русски. — У твоего пистолета осталось два патрона. Если ты есть мужчина, оставь один патрон для своего сердца...

Спеша на выстрелы, Потапов успел передумать все самое худшее. Пока он добрался до «Пятачка Ветродуя» и откопал из-под снега оглушенного Закира, прошло не менее часа.

Вот и площадка. Клим лежал у костра, сжимая в руках автомат. Неподалеку от чума громко стонал раненый Матиссен. Возле него прижался к камням связанный Сорокин.

— Все в порядке, товарищ сержант! — прошептал Клим.

МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Глава первая

КУРС — КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

Грузо-пассажирский теплоход «Ломоносов» вышел из Владивостока в конце сентября, ласкового в этих краях. Стояла тихая безоблачная погода, и долго еще виднелись караваны горбатых рыжих сопок, бредущих над удаляющимся городом. Белокрылые чайки, горланя, вились за кор-

мой, выжидая добычу. У мыса Поворотный «Ломоносов» лег курсом на северо-восток, в открытое море, такое же спокойное, как и бухта, как и залив Петра Великого.

На верхней палубе расположились пассажиры: сахалинские, курильские, камчатские и чукотские старожилы, возвращающиеся с материка из командировок и отпусков,— переселенцы с семьями. Кто пил чай тут же на палубе; кто читал или дремал; кто азартно стучал костяшками домино. На корме распевала песни молодежь, ехавшая по комсомольским путевкам работать на Камчатку.

— А шторма, пожалуй, не миновать,— негромко сказал облокотившийся рядом со мной о фальшборт капитан первого ранга Самсонов.— Поглядите на солнце,— добавил он,— верный признак.

Тут только я обратил внимание, что возле солнца появился белесый круг, как у луны в морозную ночь. С капитаном первого ранга мы познакомились в штабе пограничного округа: мне оформляли документы для поездки на остров Н., Самсонову — к месту нового назначения, в Петропавловск-Камчатский. «Вот вам и попутчик,— обрадовал меня офицер штаба.— Знает Дальний Восток не хуже, чем вы в Москве улицу Горького. Кстати говоря, и на острове Н. не так давно служил...» Можно ли было после этого усомниться в предсказании капитана первого ранга?

Под вечер капитан — они с Самсоновым оказались давними друзьями — пригласил нас к себе в рубку.

— Веселые новости,— протянул он пачку радиограмм.

«Всем! Всем! Всем! Идет тайфун!» — сообщало радио. Предупреждения о тайфуне посылали и Китай, и Корея, и Япония, и наше Приморье.

— Возник у Филиппин,— продолжал капитан,— прошел Корейским и Цусимским проливами и мчит к нам на север. Скорость — сто километров в час. Сегодня к шестнадцати ноль-ноль успел утопить двадцать шесть судов.

— Где решил отстояться? — спросил Самсонов.

— Думаю зайти на Хоккайдо в Отару,— хмуро сказал капитан.— Если успею...

Самсонов тронул меня за локоть :

— Пойдемте поспим, пока есть возможность.

Спать, ожидая тайфун?.. Из чего только сделаны нервы у моряков!..

Мне и в голову не приходило дотеле, что океанский корабль может издавать столько разных звуков: «Ломоносов» скрипел, дребезжал, трещал, скрежетал, стонал. Миг спустя, после того как я очнулся от полудремы, что-то с яростью, с грохотом ударило в борт. Пол и стены каюты поменялись местами. Электрическая лампочка подмигнула вдруг откуда-то сбоку и тут же метнулась обратно вверх.

— Капитан просит вас помочь! — На пороге внезапно распахнувшейся двери стоял мокрый до нитки вахтенный матрос.— Ураганный ветер... Закрепляем палубный груз. Аврал...

Самсонов нахлобучил фуражку.

— Мы готовы...

«Ломоносов» не раскачивался, нет, он то беспомощно метался из стороны в сторону, то приостанавливался, дрожа всем корпусом, взбирался на водяную гору и опять проваливался, захлебываясь в обрушившихся на него тяжелых валах. Грохочущая, свистящая тьма окружала корабль. Проекторы освещали палубу не ярче, чем тусклая керосиновая лампа.

Беззвучные молнии вспыхнули одна за другой, и в слепящем свете этих мгновенных вспышек будто застыл гребень вала, запрокинувшегося над палубой, будто застыли клочья низких облаков; замерли, словно окаменев, фигурки людей; туго натянутыми струнами увиделись струи ливня.

...В японскую гавань Отару «Ломоносов» вошел глубокой ночью, едва не ударившись бортом о гранитный волнолом.

«Встал на якоря в Отару. На подходе к порту был застигнут тайфуном. Человеческих жертв нет. Четверо пассажиров, из числа помогавших при спасении груза, получили тяжелые ушибы, семеро легко ранены. За борт смыло спасательную шлюпку и две автомашины, сломана грузовая стре-

ла. В машинном отделении повреждены вспомогательные механизмы. Исправляем своими силами», — выстукивал радист донесение капитана в Правление пароходства, во Владивосток.

Почти в полном одиночестве мы с Самсоновым выпили в кают-компании горячего чая. Большинство пассажиров, измученных тайфуном, уже спало.

— А что опаснее — тайфун или моретрясение? — спросил я у капитана первого ранга.

Мне вспомнилось, что несколько лет назад на Японию и наши Курильские острова обрушилось и это страшное стихийное бедствие.

— Разные вещи. Тайфун — стихия грозная, но вы сами сегодня убедились, что заранее бывает известно, откуда тайфун идет, где и когда приблизительно его следует ждать. С моретрясением дело посложнее — его трудно, а подчас и невозможно предсказать. — Самсонов прочертил пальцем по висящей на стене карте Дальнего Востока. — Наша Курильская гряда — не что иное, как одно из звеньев вулканического кольца, опоясывающего Тихий океан по так называемому разлому земной коры. Здесь вот, — постучал он по карте, — как раз в соседстве с Курилами, самая глубоководная впадина в мире — одиннадцать километров с лишним. Высочайшая вершина земли Эверест потонет с макушкой.

— Ничего себе «разломчик»!

— И вот, представьте себе, что где-нибудь далеко от берега произошло подводное землетрясение, а значит, произошло и резкое, стремительное изменение рельефа морского дна, поднялось оно, скажем, или опустилось — значит, тотчас же поднялась или опустилась в этом районе и вся толща воды.

— И во все стороны пойдут волны?

— Какие? Как пойдут? Обычная, поднятая ветром волна — не что иное, как колебания верхнего слоя воды. А во время моретрясения колеблется вся толща воды от дна океана до поверхности. Вся. Весь океан тут вздымается.

— Что же происходит с кораблями? Переворачивайся вверх килем?

— Даже не покачнетесь. Будете стоять на палубе и можете не заметить, что под кораблем прокатилась цунами: глубины огромные и вместе с толщей воды поднимется и ваше судно. «Цунами» — это по-японски. В переводе на русский язык — «большая волна в заливе». В названии и загадка. В открытом океане цунами отлогие, но, чем ближе к берегу, чем мельче становится, тем все больше и больше нарастают волны. А мчатся они с непостижимой скоростью: шестьсот — девятьсот километров в час! Особенно стремительно нарастают цунами в устьях — заливах, бухтах, проливах. Тут-то они и обрушиваются на берег гигантскими крутыми валами огромной разрушительной силы.

— Как в хороший шторм?

— Куда шторму! Штормовая волна редко бывает выше пятнадцати метров, а в моретрясение на берег накатываются волны метров в двадцать, в тридцать, а то и во все пятьдесят.

— И часто бывают такие цунами?

— Часто не часто, а бывают. В тысяча девятьсот сорок шестом году, к примеру, цунами снесли все поселки на побережье Японии в заливе южнее порта Осака. А в пятьдесят втором обрушились на Аляску, на Алеутские острова и на Калифорнию. Докатились до Гонолулу и Оаху на Гавайях. На нашем острове Парамушир в том же пятьдесят втором году цунами снесли целый город Северо-Курильск. Великое было бедствие. А не так давно, да к тому же ночью, цунами обрушились и на остров Н. У командира морпогранбазы капитана третьего ранга Николая Ивановича Баулина, к которому вы едете, тогда погибла жена, Ольга Захаровна.

— Вы были во время моретрясения на Н.?

— Служить-то я служил на Н., но в это самое время находился в командировке на материке. Алексей Кирьянов тогда отличился. Старшина первой статьи. Редкой находчивости и отваги пограничник. Вот о ком следует писать. Обязательно расспросите о нем Николая Ивановича. Са-

мого-то Кирьянова вряд ли там застанете — наверное, уже отслужил свой срок и уехал.

«Алексей Кирьянов», — записал я в блокнот.

— А цунами мы учимся предсказывать, — закуривая трубку, продолжал Самсонов. — Для этого специальные научные станции и несут теперь круглосуточную вахту и на Камчатке, и на Курилах, и на Сахалине. Курилы нам не послезавтра — сегодня осваивать. Богатейшие острова, одной рыбы в прибрежных водах сколько! Народу каждый год прибывает тысячи.

...Спустя трое суток после того, как «Ломоносов» покинул наконец-то японский порт Отару и, миновав пролив Лаперуза, зашел в Корсаков на Южном Сахалине, на горизонте возникли Курильские острова. Погода снова прояснилась, и все пассажиры высыпали на палубу. Словно и не было страшных дней тайфуна, словно и не было недавней опасности и тревог.

Глава вторая

КИРЬЯНОВ И МАРИНКА

После напутственных прощальных речей грянул марш. Было пасмурно, и медь оркестра не блестела, а лишь тускло отсвечивала. Радостно взволнованные матросы и старшины, отслужившие на Курилах свой срок, спустились на катер. Последним спрыгнул с пирса старшина первой статьи Алексей Кирьянов. Зарокотал мотор, и катер рванулся вперед, оставляя за кормой пенистые водовороты.

Провожающие замахали фуражками, бескозырками: «Счастливого пути! Пишите!» С катера в ответ: «Счастливо оставаться! Не поминайте лихом!»

Рядом с капитаном первого ранга Самсоновым, который вместе со мной высаживался на остров, чтобы хоть часок, пока шла разгрузка, повидаться со старыми друзьями, на корме стоял Кирьянов. Он крутил над головой бескозырку, и я подивился, что на его лице нет и тени радости. А ведь он тоже возвращался домой.

Маринка прильнула к Баулину, горько заплакала.

— Ну что ты, доченька, ну что ты, не плачь! — успокаивал ее капитан третьего ранга.

— Мы так любили друг друга! — вымолвила девочка.

Катер шел ходко и минут через пятнадцать привалил к стоящему на внешнем рейде «Ломоносову», который привез на остров Н. продовольствие, новый опреснитель морской воды, несколько станков, книги, посылки и почту.

Провожающие не расходились, с невольной грустью глядя, как с борта парохода спустили трап, как едва заметные фигурки людей поднялись на палубу, как наконец, выбрав якорь, «Ломоносов» попрощался с островом протяжным басовым гудком и взял курс на север.

Мне оставалось пожалеть, что я разминулся с Алексеем Кирьяновым. «Вот о ком следует писать!» — вспомнились слова Самсонова.

— Пошли, Мариша, домой, — сказал Баулин.

Девочка вытерла кулачонками покрасневшие глаза, ответила:

— Пошли...

На стоящих у причала сторожевых кораблях, недавно возвратившихся из дозора, происходила приборка. Редкий для октября тихий ветер едва шевелил зелено-голубые флаги пограничного флота. Мутно-свинцовые волны лениво накатывались на осклизлые, обросшие зелеными лохмами водорослей сваи.

Неподалеку от стоянки кораблей строилось похожее на цех здание. Из-за высокой, отвесно падающей в океан скалы доносился перекастистый гул «птичьего базара» — десятков тысяч гнездящихся там гагар и кайр.

Крутой каменистой дорогой мы поднимались от морбазы к небольшому поселку привезенных с материка домиков. Десятый час был на исходе, а солнце все еще не могло осилить толщу низких серых туч, отчего все вокруг тоже казалось серым, унылым. Голые скалы в заплатах лишайников, нагромождения камней, напоминающие развалины древнего города, и вокруг ни единого деревца, ни единого кустика.

Дорога свернула влево, и в прямоугольной скалистой выемке, словно в громадной раме, вырисовался конус вулкана, спрятавшего в тучах свою вершину. Под ногами похрустывали обломки застывшей лавы.

— Ты не устала, Мариша? — спросил Баулин. — Давай-ка я тебя понесу.

Маринка помотала головкой:

— Не, я сама, — и побежала вперед.

Я не удержался и спросил:

— Николай Иванович, а почему бы вам не отправить Маришу на Большую землю, к родным? Уж больно сурово у вас тут на острове.

— На будущий год отправлю. Придется отправить, — сказал Баулин. — На будущий год мы станем совсем большими — пойдем в первый класс. — Сквозь грусть на лице его промелькнула улыбка. — А что до климата, так ведь Мариша здесь выросла, она у меня, можно сказать, коренная курильчанка: когда мы приехали сюда, ей не было и двух лет.

Я огляделся вокруг. Тучи немного развеяло, и вулкан показал свою усеченную главу. Внизу, левее морбазы, виднелись остатки фундаментов никуда теперь не ведущей дороги. «Моретрясение бед наделало», — догадался я.

— Пришлось перебраться повыше, — перехватив мой взгляд, объяснил Баулин и показал на стройку. — А это наши будущие судоремонтные мастерские. Новый народ скоро приедет, новые жители.

На утесе, куда мы поднялись, стояли неподалеку друг от друга выщербленные временем и непогодами большой каменный крест и скромный обелиск, увенчанный пятиконечной красной звездой.

Капитан третьего ранга снял фуражку.

— Кто-то из казаков первооткрывателя Курил Ивана Козыревского.

«1713...» — с трудом разобрал я высеченную на кресте дату. От имени отважного землепроходца осталось лишь несколько разрозненных букв.

— И таких памятников теперь на Курилах немало,— сказал Баулин, останавливаясь у обелиска.

К красноватому граниту была прикреплена чугунная доска с литыми строками:

**ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ
ЗА ЧЕСТЬ И ПОБЕДУ НАШЕЙ РОДИНЫ!
ПАМЯТЬ О ВАС, ВЕРНУВШИХ РОДИНЕ
КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА,
ПЕРЕЖИВЕТ ВЕКА.
Август. 1945 г.**

С высоты утеса открывался вид на океанский простор, на соседние острова. Среди туч проглянуло солнце. Далекий, далекий путь предстоит пройти ему над морями, над полями и лесами России.

— «Над моей отчизной солнце не заходит, до чего отчизна велика»,— продекламировал Баулин, будто угадав мои мысли.

А Маринка легко, словно горная козочка, взобралась на большой замшелый камень и замахала ручонками. Она махала «Ломоносову», ставшему похожим на черного жука, медленно ползущего по бескрайней серо-свинцовой плите.

— Да разве увидит тебя так далеко дядя Алеша? Ты как царевна на горошине,— пошутил я.

— Увидит! — убежденно сказала Маринка.— Дядя Алеша говорил, что попросит у штурмана бинокль.

Чем же внешне грубоватый старшина первой статьи пробудил в девочке такую горячую любовь? Правда, я видел его мельком, не перекинулся с ним и словом, и первое впечатление могло быть обманчивым. И тут опять вспомнилось: «Не забудьте расспросить Баулина о Кирьянове».

Я решил при случае воспользоваться этим советом, но вечером он сам заговорил о Кирьянове. Стрелки висящих на стене корабельных часов подходили к полуночи. Маринка давно уже спала. Мы напились чаю с привезенным мной лимоном. Баулин достал из книжного шкафа фотоальбом.

— Поглядите, есть любопытные снимки.

Альбом и впрямь оказался интересным: рассматривая его, я как бы заново проделывал путь вдоль гряды с юга на север, к Средним Курилам. На фотографиях один за другим возникали острова с крутыми берегами самых причудливых очертаний. Гранитные колонны, арки и пещеры самых фантастических форм — следы разрушительных прибоев и ураганов. Огромные «птичьи базары», лежбища котика и тюленя. Фонтаны, выбрасываемые стадом китов, и ворота, сооруженные из ребер кита. Лов сельди гигантскими ставными сетями, новые рыбные и консервные заводы и новые добротные поселки недавних переселенцев с материка...

Однако самой поразительной оказалась последняя фотография: острая одинокая скала среди вспененных волн и на ней уцепившийся за выступ человек с ребенком на руках. Я сразу узнал Маринку. Держащий ее человек был сфотографирован со спины, но по тельняшке можно было определить, что это моряк.

— Николай Иванович, когда это снято? — спросил я. — Кто это с Маришей?

— Алексей Кирьянов. Тот самый старшина первой статьи Кирьянов, с которым мы распрощались утром. Алексей спас Маришу во время моретрясения... Слышите? — кивнул на окно Баулин. — Разгуливается. Русские землепроходцы называли его не Тихим — Грозным Батюшкой.

Я снова посмотрел на поразившую меня фотографию.

— Мне говорили, что моретрясение произошло ночью. Почему же на снимке день?

— Перед рассветом на берег обрушилась первая волна, а их было несколько. Океан так взбаламутился, что не мог уняться несколько суток. Снимок сделан спустя семь часов после начала моретрясения. Это не я снимал, а наш штурман. Не растерялся, успел щелкнуть. К слову сказать, мы каждое чрезвычайное происшествие обязательно фотографируем — документ.

— И Кирьянов с Маришей столько времени держался на этой скале?

— На отпрядыше,— поправил капитан третьего ранга.— Мы называем такие одиноко торчащие из воды камни отпрядышами или кекурами — старинное поморское наименование.

— Их нельзя было снять с этого... отпрядыша из-за шторма?

Баулин утвердительно кивнул:

— Когда все это началось, наш «Вихрь» находился в дозорном крейсерстве в Охотском море, с западной стороны острова. Погода была для мая редкостная: волнение каких-нибудь полбалла, ни тумана, ни дождика. Даже луна из-за облаков выглянула — она ведь нас не балует, показывается раз в год по обещанию. Время дозора истекало, и мы возвращались на базу в самом отличном настроении. Вторые сутки на нашем участке границы все было спокойно. А что может быть лучше для пограничника? У нас, как вы знаете, участок боевой, география такая: налево Алеутские острова — Америка, направо Хоккайдо — там тоже Соединенные Штаты Америки хозяйничают, прямо Тихий океан — и за ним Америка. Беспokoйный сосед...— Баулин посмотрел на часы.— Отвлекся я... Словом, время дозора истекало. В пять с минутами мы как раз подходили к проливу. И тут вдруг в его горловине — а берега там, сами видели, стена — возникла стремительно несущаяся водяная лавина. В полумраке она показалась мне черной. С чем ее сравнить? Представьте, что сорвалась с места и помчалась на вас плотина Днепрогэса. Просто случай, что мы не успели войти в пролив,—смяло бы, раздавило наш «Вихрь», как молотом муху. «Цунами!» — понял я и скомандовал рулевому лечь на обратный курс. Только-только мы повернули, как цунами вырвалась из пролива, с грохотом обрушилась в море и разлилась валами во все стороны. Мы шли самым полным ходом, а гигантский вал все-таки настиг «Вихрь» и поволок, словно спичечную коробку...— Баулин прерывисто вздохнул, будто ему не хватало воздуха.

— Верьте не верьте, но страха у меня не было. Все мои мысли были о базе, о доме. Что там?.. Радист докладывает:

«База не отвечает...» Одним словом, к базе мы смогли подойти лишь поутру. В проливах и в тихую погоду течение достигает пяти-шести, а то и всех семи узлов: вода из океана перепадает в Охотское море, в нем уровень ниже; при сильных же восточных ветрах там вскипают такие водовороты — «сулои» по-здешнему, — что, когда идешь против течения, только держись: не ахнуло бы о скалы. Представляете, что творилось в проливе, когда по нему шли цунами?.. В общем, Кирьянова с Маришей мы смогли снять с отпрядыша лишь после полудня. А Ольгу... маму нашу, так и не нашли. Дом смыло в океан, будто его и не было. Разрушило и еще несколько домов...

Лишь руки выдавали волнение Баулина: он то скрещивал их на груди, то закладывал за спину, то с хрустом переплетал пальцы. Неожиданно встал, молча походил по комнате.

— Как же Кирьянов спас Маришу? — нарушил я тягостное молчание.

— Тут такое получилось совпадение, хотите называйте судьба, хотите — счастливый случай. Незадолго до этого Алексей схватил ангину, и врач уложил его в постель. Мы все удивились: такой здоровяк и заболел. Каждый день купался чуть ли не в ледяной воде — и ничего, даже насморка никогда не было. А тут вдруг — ангина...

— Как же все произошло?

— Вначале на острове почувствовали несколько сильных подземных толчков. Многие жители поселка, кто в чем, повыскакивали на улицу. Дело ведь ночью было. Санчасть, где лежал Кирьянов, находилась неподалеку от нашего бывшего домика, и, почуяв беду, Алексей немедля прибежал к нам. С Маришей он давно дружил, еще с Черноморья. — Баулин опять трудно вздохнул, словно ему не хватало воздуха. — А вскоре на берег обрушилась первая огромная волна и сдвинула наш домик с фундамента. На полуразрушенном крыльце Алексей столкнулся с Ольгой. Она крикнула: «Спасите Маришу!» — передала с рук на руки спящую дочку, а сама обратно в дом. Должно быть, не представляя себе всей опас-

ности — да и кто ее мог тогда представить! — хотела захватить что-нибудь из одежды. На Марише была только рубашонка да вот этот платок, — кивнул Баулин на прикрывавшую настольную лампу шаль.

Мы снова замолчали.

И снова только руки выдавали, что творится в душе капитана третьего ранга. Они — большие, натруженные руки его, привыкшие крепко держать штурвал, — бессильно лежали на столе, чуть заметно дрожали.

— Словом... — как бы подводя черту, произнес Баулин, — словом, Кирьянов не дождался Ольги. Увидев, точнее, почувствовав приближение новой волны, он прижал к груди

Маришу и полез вверх по крутому склону. А другая волна все-таки настигла их. Не будь Алексей замечательным пловцом, их разбило бы о камни. Каким-то образом он изловчился и зацепился вот за этот самый отпрядыш, — показал Баулин на фотографию. — С того дня, как выпадет у Алексея свободная минута, он к Марише, старшим братом для нее стал. И она к нему привязалась. Проснется — первый вопрос: «А когда придет дядя Алеша?» Явится он, бывало, после вахты и то самоделку игрушку принесет, то сказки начнет рассказывать. Я просто диву давался — молодой парень, а столько сказок знает. Спрашиваю как-то: «Откуда ты, Кирьянов, такие сказки выкопал?» — «Я, говорит, сам их сочиняю. Начну чего-нибудь рассказывать — получается что-то вроде сказки». — Баулин потянулся к детскому столику, уставленному игрушками, искал что-то. — Минуточку... Одну минуточку.

Он вышел в спальню и вскоре возвратился с толстой тетрадью в клеенчатом переплете.

— Так и есть, под подушку спрятала! — Баулин улыбнулся. — На прощание Кирьянов все сказки нам в эту тетрадку записал. Печатными буквами — Мариша по-печатному читает свободно, — и картинки нарисовал. Художник он, как видите, не ахти какой, но тюленя от кита отличить можно.

Я с любопытством перелистал тетрадку. В обрамлении бесхитростных виньеток, изображавших то ромашки с васильками, то крабов, то морских бобров или рыб, были старательно выписаны названия сказок: «Про добрую девочку Маришу и жадного Альбатроса», «Про бобренка, который любил качаться на волнах, и про злодейку-акулу», «Про девицу-красавицу, которая не любила зверей и птиц, и про то, как все звери и птицы от нее отвернулись»...

— Надо прочитать, — сказал я.

— Это уж вы у хозяйки спрашивайте, — шутливо развел руками Баулин и отнес тетрадку обратно в спальню.

— Вы не предлагали Кирьянову остаться на сверхсрочную службу?

— Он учителем хочет стать. По родной Смоленщине сокучился. Что ж, как говорится, дай бог ему счастья.

— Вы-то вот с Курил уезжать не хотите...

— Я — другое дело, граница — мой дом. А Кирьянову в декабре только двадцать пять стукнет... Со всеми жаль расставаться, когда они уезжают, — погрузился капитан третьего ранга. — Тебя-то самого, конечно, не все только добром поминают: и строг был, может, и придирчив. А как не быть строгим — мы ведь здесь вроде как на фронте, у нас всегда готовность номер один. Всех жаль, — повторил он, — а вот, честно признаюсь, ни с кем еще не было так тяжело расставаться, как с Кирьяновым. И не потому только, что он сделал для Мариши. Моряк он замечательный — сама честность, скромность и исполнительность. Да вдобавок к тому — волевой. — Баулин сверил наручные часы с корабельными. — Ну, мне пора в море.

Он заглянул в спальню, молча прощаясь с дочкой, снял с вешалки кожаный реглан, сказал, усмехнувшись:

— А если б вы знали, сколько этот чертушка Алексей Кирьянов мне нервов перепортил, сколько я еще в морской школе с ним повозился! Да и не я один — и замполит, и комсомольская организация. Хотите верьте, хотите нет, а я уж было думал, что горбатого только могила исправит. Такой Алексей был заносчивый, строптивый, отчужденный.

— Как же из Кирьянова получился отличный пограничник? — удивился я.

— А все началось с первого шквала. — Баулин снова взглянул на часы. — Сейчас-то уж некогда. Напомните, расскажу как-нибудь в другой раз. Спокойной вам ночи, располагайтесь как дома.

Провожая Баулина, я вышел на крыльцо. Мы распрощались, и его высокая, слегка сутуловатая фигура вмиг растаяла в густом тумане. Снизу, из-под утесов, доносился тяжелый, перекатистый гул океана.

Глава третья
ПЕРВЫЙ ШКВАЛ

Проснувшись среди ночи, я не сразу сообразил, где нахожусь, прислушался: за окнами под утесами ревел штормовой накат, дробно постукивали ставни, завывало в трубе. Снова уснул и очутился во власти бушующего океана. Тщательно пытался я ухватиться за пляшущее рядом бревно: меня относило все дальше и дальше от берега. Внезапно взойшло слепящее солнце, и чья-то заботливая рука коснулась моего плеча. У дивана, на котором я спал, стояла одетая, умытая, причесанная Маринка.

— Дядя, у тебя болит головка?

— Нет, не болит,— пробормотал я в смущении.

— А почему ты кричал? Тебе приснился страшный сон? Да? — спросила она участливо.— А я сегодня во сне летала. Высоко-высоко, выше вулкана. И ничуть не боялась! Папа говорит: если летаешь во сне — значит, растешь.

Комнату озаряло редкое для Курил солнце. Стол был накрыт к завтраку.

— Кто же открыл ставни?

— Я сама! — ответила Маринка.

— Ты сама и чайник вскипятила?

— Разве можно! — удивилась Маринка.— Папа не велит мне зажигать керосинку, я могу учинить пожар. Чайник вскипятила тетя Таня, наша соседка. Тетя Таня и печку истопила, и камбалу поджарила.

Мы не спеша позавтракали, прибрали за собой. Неожиданно Маринка вздохнула:

— А еще я видела во сне маму...

— Ты покажешь мне свои игрушки? Хорошо? — обнял я ее, желая отвлечь от печальных мыслей.

— Покажу... Потом.

За окном громоздились скалы, высился конус вулкана. Вдруг в комнате как-то сразу все потускнело: на солнце напозла туча. С океана наплывали клочья тумана, вершину вулкана как отрезало.

— Сейчас бус пойдет,— сказала Маринка.— «Старик» макушку спрятал.

«Стариком» на острове называли вулкан — это я уже знал, но что такое «бус»?

— Это дождик, такой мелкий-мелкий, будто из ситечка,— объяснила Маринка.— Ох, и не любил его дядя Алеша! Лучше, говорит, штормяга, чем бус.

Рассудительность Маринки мало сказать удивила — поразила меня. Поразили меня и ее игрушки. Коллекция яиц морских птиц — то маленьких, в темных пятнышках, то больших, каких-то бурых, почти прозрачных, то похожих на грушу дюшес — нанесла мне форменное поражение. Разве мог я ответить на вопросы Маринки, какие именно из яиц принадлежали тупикам, какие кайрам, гагарам или различным чайкам! А Маринка все это знала.

Не в лучшем положении очутился я, когда она с гордостью разложила передо мной засушенных крабов, морских ежей, звезд и коньков и целый гербарий водорослей.

— А где же твои куклы? — спросил я растерянно.

— Хочешь, я лучше покажу тебе мой вельбот,— предложила она.

Я полагал, что Маринка достанет из ящика игрушечную лодку, но оказалось, что нужно надеть плащ и пройти к соседнему сараю. Моросящий дождь и впрямь словно высеивался из низко нависших туч.

Маринка отворила дверь, и глазам моим предстала маленькая, однако не игрушечная, а настоящая шлюпка с парой весел, рулем и еще какими-то незнакомыми мне принадлежностями. Маринка забралась в лодку и в течение нескольких минут окончательно убедила меня, что в сравнении с ней, шестилетней девочкой, я просто-напросто невежда: то, что я наивно называл багром, оказалось отпорным крюком; рукоятка руля называлась вовсе не рукояткой, а румпелем; маленький бочонок для пресной воды — анкерком; деревянный совок для отливания воды — лейкой.

— Кто же это сделал тебе такую замечательную лодку?

— Не лодку, а вельбот,— поправила Маринка.— Мне по-

строил его дядя Алеша. — Она начала развязывать брезентовый мешок. — Сейчас я покажу тебе рангоут и паруса...

Весь день я провел на морской базе. Баулин тоже был занят, и мы смогли поговорить, как и накануне, только за вечерним чаем. Маринка уже спала. Я, смеясь, рассказал Николаю Ивановичу, как его дочь повергла меня в смятение своими познаниями в морском деле и в естествознании.

— Когда только вы успели обучить ее всем этим премудростям?

— Заслуга, увы, не моя! — шутливо развел он руками. — Все дядя Алеша.

Опять этот Алексей Кирьянов! Разве мог я тут не напомнить капитану третьего ранга про обещанный рассказ о первом шквале?

— Об Алексее многое можно рассказать. Самсонов прав: действительно, хоть книгу пиши, — начал Баулин. — Но уж если рассказывать, то и утаивать ничего не след. Думаю, Алексей не был бы на меня за это в обиде. Познакомился я с ним пять лет назад в Ярцеве, есть в Смоленской области такой старинный городок. Я приехал туда для отбора призывников. Пограничному флоту нужны крепкие, хорошо грамотные молодые ребята. Не велика беда, если моря не видали — привыкнут, была бы закваска!.. Словом, увидел я среди других Кирьянова — крепыш, заглянул в его личное дело — комсомолец, из колхозников, окончил педагогическое училище, преподает в школе русский язык — и решил: подойдет...

Баулин наполнил чаем третий или четвертый стакан.

— Призывная комиссия, — продолжал он, — работала в просторной горнице старого дома; с пола тянуло, как из погреба, на улице — февраль, минус двадцать! Железная печка раскалилась, но, можно сказать, без толку: даже мы, офицеры и врачи, поеживались, а призывники ведь раздевались донага. Подошла очередь Алексея Кирьянова. Пока его выслушали, измерили, взвесили и так далее, он весь посинел.

Только тем, что парень так сильно продрог, я и объяснил

тогда его невыдержанность. Врач попросил, чтобы Алексей открыл рот, а он вдруг как выпалит: «Нельзя ли поскорее, мы не лошади на ярмарке!» Мой сосед майор-танкист нахмурился, шепчет мне: «Ну и тип! Я бы не взял его ни за какие коврижки». А я взял, и тут-то и начались испытания моих нервов и порча крови...

Баулин залпом выпил успевший остыть чай, расстегнул ворот рубашки.

— На вокзал, ясное дело, пришло полным-полно провожающих. Были, конечно, и слезы. Но больше было песен, смеха, улыбок. Алексея провожала целая ватага детишек, должно быть его ученики, и молоденькая девушка. Нельзя было не обратить на нее внимания — настоящая русская синеглазая красавица. Детишки окружили его, говорят чего-то наперебой, а синеглазая плачет в три ручья. Тут и гадать нечего — невеста! Я, разумеется, не только на них смотрел — ведь под моей опекой было с полсотни призывников — и только уж перед самым отходом поезда заметил, что, кроме школьников и синеглазой, Кирьянова провожает еще одна девчушка, маленькая такая, худенькая. Стоит в сторонке, держит в руках его чемодан и глядит на Алексея так грустно, печально. Я подумал было, что это сестра, но вспомнил: в анкете написано — родственников у него нет, все погибли во время войны. О том, кто она, мне стало известно лишь спустя много месяцев.

Словом, прощай, Ярцево, поехали... И взбреди мне тогда в голову назначить Кирьянова старшим по вагону. Объявляю ему об этом. А он: «Я не хотел бы быть старшим». Спокойненько объясняю: приказы, мол, не обсуждают, а выполняют. «Хорошо, говорит, учту на будущее».

— И вы все-таки назначили его старшим?

— Нет, конечно...

Баулин наполнил чаем мой стакан.

— В общем, поехали. Молодежь подобралась в команде замечательная: форму еще не надевали, а всю старались держаться заправскими моряками. Ну, думаю, все в порядке! И тут — бах! На одной из станций Кирьянов чуть было

не отстал от поезда, пришлось стоп-кран в ход пускать. Отчитываю его, а он оправдывается с самым невинным видом: «Я не виноват, что поезд всего полторы минуты стоял, я еле-еле письмо успел в почтовый ящик опустить».

Между прочим, письма он писал штуки три на день. Заберется на верхнюю полку и строчит страниц по семь, по десять. За всю дорогу двух слов ни с кем не сказал. Ребята песни поют — Кирьянов молчит; стихи, книги, газеты вслух читают, спорят — наш учитель будто не слышит. Едем Донбассом: зарево плавок над домами, звезды над ударными шахтами — ребят от окон не оторвать, а он опять пишет. Едем берегом Азовского моря — ребята все глаза проглядели. Зовут его: «Смотри, Кирьянов, море!» А он: «Я не привык любоваться пейзажами по команде!» — и уткнулся лицом в перегородку. В общем, про все кирьяновские фокусы рассказывать не стану, не интересно; одно скажу: за дорогу он не только мне — всей команде не пришелся по душе... — Баулин усмехнулся: — Посмотрели бы вы, к примеру, как Кирьянов койку заправлял: курам на смех! С месяц якобы не мог научиться. И каждый день знай строчит свои бесконечные письма. Представьте, за полгода ни разу ни в кино не ходил, ни на вечер самодеятельности, ни разу на собраниях не выступил. Как-то в воскресенье мы всей школой поехали на экскурсию в Феодосию, в картинную галерею Айвазовского. Кирьянов и тут отказался: «Голова болит». Ну, вроде бы ничто его в нашей жизни, в нашем коллективе не интересует.

Правда, читал он много. Как-то библиотекарша даже усомнилась: «Вы что, товарищ Кирьянов, книги просто перелистываете?» И ей отрезал: «Во всяком случае страниц не рву». И еще купаться любил, но все больше в одиночку норовил. (Плавает, между прочим, как рыба.) Ему и прозвище подходящее дали, раком-отшельником стали называть... Да, забыл сказать: мы ведь приехали на Черное море, в школу младших морских специалистов.

— И как же Кирьянов учился?

— Вполне свободно мог учиться на «отлично»: как-ни-

как педучилище окончил. А он еле-еле тянул на тройки. Ему, дескать, век моряком не быть. Особенно туго подвигалась у него морская практика. К примеру, на занятиях плетут маты — ковры или дорожки из пеньковых тросов. Наука вовсе не хитрая, у всех получается хорошо,— у Кирьянова же не коврик, а не поймешь что! Да еще пререкается: «Я, мол, продажей ковров промышлять в будущем не собираюсь». В наказание наряд ему вне очереди: картошку на камбузе чистить; у него и тут готов ответ: «Лучше картошка, чем маты!» И почему-то особенно вдолбил он себе в голову, будто ему вовек не постичь, как управлять парусами. (А ведь тоже не так уж хитро.) «Я, говорит, в жизни и без парусов обойдусь». Меня из терпения вывести трудно, но тут, знаете ли, я просто кипел: «Погоди, думаю, обломаю твой упрямый характерец, не я буду, если ты не станешь на паруса молиться». Кричать на Кирьянова я не кричал, но на учениях под парусами всегда ставил его на самое тяжелое место.

Справедливости ради надо сказать, что кое в чем Алексей и преуспевал. Ну, прежде всего, в том же плавании и особенно в гимнастике: на брусках и на кольцах прямо-таки чудеса делал. Однако наотрез отказался выступить в соревнованиях с соседней воинской частью. Вся школа возмутилась. Оправдывается: «На народе у меня ничего не получится». Отговорка, конечно. За пренебрежение к коллективу комсомольцы хотели влечь ему выговор. И вlepили бы, да случилось так, что он неожиданно для всех героем стал.

— Героем? Это каким же образом?

— А вот каким. Близ городка, где была школа, находится бухточка, образовавшаяся в жерле потухшего вулкана. То ли штормы, то ли расплавленная лава пробили когда-то в древние времена в скалах брешь, сквозь нее и устремилось в кратер море. Берега бухточки высокие, почти отвесные, и там множество разноцветных, отшлифованных волнами камушков. До них страшно падки туристы и курортники. Местные мальчишки давно учили это и, рискуя сверзиться, карабкаются вниз по скалам, чтобы добраться до крохотных

песчаных площадок, усыпанных кусочками сердолика, черного хрусталя, малахита. Взрослому человеку сверху в бухточку ни за что не спуститься. Со стороны же моря войти в нее страшно: выберешься ли обратно?

Рядом с этим кратером частенько сиживал Кирьянов, тосковал в одиночестве. Письма из Ярцева стал он тогда получать все реже и реже. И вот как-то услышал он из бухточки крик о помощи. Глянул вниз: в воде барахтаются двое мальчишек. Лезли за камушками и сорвались. Кирьянов недолго думая скинул ботинки и прямо в форме — вниз. Это метров с двадцати! Схватил обоих сорванцов, выплыл с ними сквозь брешь в море и еще метров сто плыл до отлогого места. Вытащил на берег хлопцев, отошлепал их по мягкому месту и полез кружным путем за ботинками.

— Кто же это видел?

— Никто не видел. Сам Кирьянов и словом не обмолвился! А вечером приходят к начальнику школы две женщины с мальчуганами, просят познакомить их с «дядей Алешей», чтобы поблагодарить его за спасение сыновей.

Спрашиваем: «Кто это такой «дядя Алеша»?»

«Вон он», — показывают мальчишки на Кирьянова, а тот чистит у камбуза картошку — внеочередной наряд за опоздание на занятия...

Баулин насыпал в чайник новую заварку.

— К слову говоря, с поселковыми детишками, как и со своими школярами, у Алексея была крепкая дружба. Как пойдет в поселок, так вокруг него сразу стая. И он вмиг повеселеет. Змеев ребятам делает, какие-то игрушки мастерит. С нашей Маришей — она совсем крошкой еще была — тоже когда-то успел познакомиться и подружиться. Вот и пойми его: с ребятней душа-человек, со взрослыми бирюк бирюком...

Через день-другой после спасения мальчишек решил я поговорить с Алексеем начистоту. Втолковываю ему, что мы в школе добра, пользы ему желаем. Оборвал: «Я не нищий, в милостыне не нуждаюсь». Словом, не попади мы в хороший шквал, наверное, Кирьянов долго бы еще не осознал,

что ведет себя не так, как следует военному моряку, да еще комсомольцу.

Учения под парусами в тот день были назначены по-обычному на восемь утра. Погода выдалась замечательная: в небе ни облачка, ветерок как по заказу, и скоро мы зашли в море миль за шесть, берег — черточка. Был конец мая, время весенних штормов давно минуло, солнышко пригревало. Все мои подопечные и сам я были, как говорится, в наилучшем расположении духа. Только Кирьянов, по обыкновению, хмурился и держал в руках шкот так, будто это не шкот, а змея. Чтобы вам все было понятно дальше, скажу, что шкот — снасть из пенькового троса и служит он для управления гиком — горизонтальной рейкой, к которой привязывается нижняя кромка паруса, то есть для перевода гика во время лавирования с одного борта шлюпки на другой. Вы ведь знаете, наверное, что шлюпка может идти под парусами разными галсами, в зависимости от того, с какой стороны дует ветер, ложиться на разные курсы, двигаться к цели не по прямой, а по ломаной линии. Бывает необходимость, лавируя, идти на парусах против ветра. Всем этим мы на учениях и занимались. Ветер, как вам тоже известно, нередко дует не с одинаковой силой, а порывами, шквалами. За этим нужно следить самым внимательнейшим образом: прозеваешь — и внезапно налетевший шквал сразу наполнит паруса и опрокинет шлюпку. Поэтому-то шкоты не заворачивают, не закрепляют, а всегда держат в руках свободно, чтобы в случае нужды быстро перейти на другой галс, подтянуть парус либо вовсе его убрать. Это первейшая морская заповедь, а ее-то Кирьянов и нарушил.— Баулин нахмурился, барабаня по столу пальцами.— Не дай бог никому попасть в такой переплет!

— Вы же сказали, что погода была замечательная, ни облачка? — спросил я в недоумении.

— Вот облачко-то как раз и появилось. Минуло уже несколько часов, как мы вышли на учения. Я хотел было повернуть обратно, но ветер, и без того не очень сильный, совсем вдруг стих. Паруса не шелохнутся, море — зеркало,

только марево над ним дрожит. Словом, полный штиль. Без ветра и солнце стало куда ощутимее. Чайки исчезли, игрунов-дельфинов не видно. Вам никогда не доводилось испытывать неподвижный зной? Пот льет изо всех пор, одежда прилипает к телу, каждая частица воздуха будто насыщена солнцем. И главное — немислимая тишина, которую воспринимаете как предвестие чего-то грозного, неотвратимого. Я видел, что встревожены и все мои ученики, хотя они, конечно, не могли и думать, что вскоре все вокруг станет дыбом. А я знал: будет шквал, да не какой-нибудь легонький, раз-два шевельнул, качнул и умчался в сторону, а из тех, что бывалые моряки называют чертовой мельницей.

— Откуда вы это знали?

— Облачко подсказало. Оно появилось над горизонтом внезапно, не так чтоб уж очень высоко, белое, и не с округлыми краями, как у кучевых облаков, а какое-то растрепанное. Вокруг все притихло, все неподвижно, а оно несется, будто кто-то могучий, всесильный подгоняет его. Не мешкая, я скомандовал: «Весла разобрать!» — но паруса не убрал, полагая, что первые порывы ветра будут не такими уж резкими и мы с их помощью хоть мили полторы, да пробежим. Повернули к берегу, идем на веслах с предельно возможной скоростью: тридцать один гребок в минуту — большего с молодых моряков я не мог и требовать. Они-то, ясное дело, не представляли еще, почему я так тороплюсь. А я оглянулся и понял: облачко меня не обмануло. Там, где всего несколько минут назад оно мчалось одно, вдогонку за ним с еще большей стремительностью неслись уже целый косяк сизо-свинцовых облаков. Гладь моря внезапно пересекли темные полосы ряби. Солнце сияло по-прежнему, но расплавленного зноя как не бывало.

Я почувствовал сначала едва ощутимое дуновение, а когда обернулся к моим ребятам и скомандовал: «Взять паруса в рифы!», то есть сократить их площадь, — в затылок мне дохнуло уже, как из кузнечных мехов, паруса заполоскались, снасти захлопали. Прошло каких-нибудь три минуты, и все море почернело, туча — не отдельные облака, а

именно туча — закрыла полнеба. Теперь не нужно было объяснять, что надвигается. Ребята поняли — зевать некогда. Я порадовался тогда, что на лицах у них нет и тени страха, который неизбежно влечет за собой на море беду.

Слушая Баулина, я представил одинокую шлюпку далеко от берега, в широком морском просторе, офицера-моряка, сидящего за рулем, двенадцать пареньков, ждущих первого шквала в своей жизни и не подающих виду, что они боятся его.

Внезапно глаза Баулина потемнели.

— Один струсил, только один...

— Кирьянов? — догадался я.

— Да, — подтвердил Баулин. — Я едва успел предупредить: «У шкотов не зевать!» — как ветер наполнил паруса до отказа и мы помчались, что твой скоростной катер. Не вдруг, конечно, мог ветер, хотя бы и такой ураганной силы, разболтать воду, не вдруг могли возникнуть на спокойной поверхности гигантские волны, но мне-то было отлично известно, что шквал пригонит их. Он их и пригнал, целое стадо волн.

Позади нас легла тьма, а впереди, там, где был далекий берег, сияло солнце. Его лучи пронизывали обгонявшие нас ревущие валы, и гребни их на какое-то мгновение становились прозрачно-изумрудными. Красота, доложу вам, неописуемая.

Лежащие на столе кулаки Баулина были крепко сжаты, он весь откинулся на спинку стула, будто именно сию секунду его плечи должны были принять на себя шквал.

— Тяжеленько пришлось, — с неожиданной хрипотцой в голосе произнес он. — Море и ветер будто осатанели. Шлюпку захлестывает со всех сторон, вокруг — рев, грохот, в воздухе уже не зной, а мириады брызг. Водяная пыль забивает глаза, и глотку, и нос. Паруса неистово дрожат, того гляди, разлетятся в клочья, шлюпка скрипит от напряжения. Все мы, конечно, промокли до последней нитки, да это чепуха — не мороз, не зима, хотя все вокруг и белым-бело от пены, как во время бурана. Мои ребятки едва успевали вычерпы-

вать воду из шлюпки. Все в ход пошло: и запасные лейки, и бескозырки. Да куда там! Оседаем все глубже и глубже. Разве море вычерпаешь? Площадь парусности пришлось уменьшить, но все равно мчимся, будто настеганные: то вверх взмываем, то проваливаемся.

Однако больше испытывать судьбу было нельзя, и я решил повернуть через фордевинд—стать носом против ветра и бросить плавучий якорь. Глубина в этом месте была такая, что становиться на обычный шлюпочный якорь невозможно. Поворот через фордевинд при свежем ветре опасен: во время переноса парусов на новый галс шлюпку легко может опрокинуть, а в такой шквал тем паче, но иного выхода не было. Бесперывно ударяя в корму, волны грозили затопить нас. Я прокричал все нужные команды и опять мысленно порадовался, что ребята действуют точно, бесстрашно.

Став на мгновение бортом к ветру, мы приняли такую изрядную порцию воды, что шлюпка едва не опрокинулась, но, повторяю, иного выхода не было. И вот, когда нужно было осадить грот и стянуть гикашкот, Кирьянов не сумел справиться с парусом и чуть было не выпустил шкот. Нас накренило еще больше, вот-вот перевернет! А от растерянности в морском деле полшага до страха. Кирьянов как-то в мгновение сжался, ничего уж не видя, кроме набегавшей волны, словно загнипнотизированный ею, и, вместо того чтобы быстро перебрать шкот в руках, закрутил его вокруг уключины и брякнулся на дно...

Баулин взъерошил волосы:

— Рассказывать долго, а на самом-то деле все произошло молниеносно: шлюпка снова накренилась, снова хлебнула ведер двадцать. Секунда все решала! Кирьяновский сосед Костя Зайчиков бросился к закрепленному шкоту, освободил его и в ту же секунду был смыт за борт. Не успей мы в это время повернуть носом к ветру — новая волна наверняка погребла бы нас... Словом, смыло Зайчикова, он даже вскрикнуть не успел, только подковки на ботинках сверкнули...

Капитан третьего ранга тяжело перевел дыхание.

— У меня, знаете ли, сердце остановилось. Не верьте, если кто-нибудь вам станет рассказывать, будто бы моряк никогда, ни при каких обстоятельствах не дрогнет, не испугается. Враки! Еще как испугаешься. В особенности если на твоих глазах, да почти что по твоей вине, гибнет человек. А разве я не был виновен в проступке Кирьянова?

Баулин встал, зашагал из угла в угол.

— Все дело в том, как человек себя держит в беде, в особенности если он командир, если от его поведения зависит поведение других и даже их судьба. Поддайся панике, покажи невольню, что ты тоже испугался,— и все!..

Он помолчал, меряя шагами комнату.

— Хорошо еще, что Зайчикова не успело далеко унести волной. Он поймал брошенный ему канат, и мы вытащили его обратно. Дальше... Собственно, главное я уже рассказал. Опустили мы паруса, соорудили из двух скрепленных крест-накрест весел и запасных парусов плавучий якорь, подвесили к одному его концу груз и выбросили на тросе за корму— теперь уже нас не могло развернуть бортом к ветру. А для того чтобы шлюпка не так сильно черпала носом, я приказал ребятам перебраться в корму.

Вскоре шквал, как и полагается шквалу, умчался, волна стихла, опять засинело небо, и не верилось, что всего десяток минут назад мы были на волосок от гибели. Ученики мои разом заговорили, начали шутить, поздравлять Зайчикова, что он отделался легким испугом. На Кирьянова никто даже не взглянул, будто его в шлюпке и нет. А он глаз не поднимает.

На выручку нам с базы пришел моторный баркас, предложил взять на буксир. Куда там! Ребятки в обиду: «Зачем буксир? Сами дойдем!»

Баулин улыбнулся воспоминаниям:

— Славные ребятки!..

— А что же Кирьянов?

— За Кирьяновым с того дня закрепилось тяжкое прозвище — трус. Позор, можно сказать, несмываемый.

Назавтра же в школе состоялось комсомольское собра-

ние. Выступил и я, рассказал все, как было во время шквала. Добавил, что проступок этот закономерно вытекает из всего предыдущего поведения Кирьянова и он заслуживает самого строгого наказания. Ни один человек голоса в его защиту не подал. В решении записали: «За проявление трусости, недисциплинированность и отрыв от коллектива объявить члену ВЛКСМ Кирьянову выговор».

— А Кирьянов как выступил?

— Хуже некуда: «Решайте как знаете, мне сказать нечего...», и точка.

«Да понимаешь ли ты, что из-за тебя люди могли погибнуть?» — кричат ему с места.

«Понимаю», — отвечает и глаза в пол. Больше ни слова из него не вытянули.

— Тяжелая история...

— Куда уж тяжелее. И представьте, дня через два возвращаюсь вечером домой, гляжу: на лавочке в садике сидят моя Ольга и Кирьянов с Маришей на руках. Увидел меня и тотчас распрощался. Спрашиваю Ольгу: «Жаловаться приходил?» Мы никогда, ни до того, ни после, не спорили с Ольгой, а тут вместо «здравствуй» она обрушилась на меня, начала заступаться за Кирьянова, будто за сына.

«Не знала, — говорит мне, — что ты такой черствый. Неужели и ты, и все вы не видите, не чувствуете, как Кирьянов переживает, как он подавлен своим поступком? Я, говорит, убеждена: по натуре он не трус, а то, что произошло во время шквала, — случайность. Тяжело ему, что все вы от него отвернулись».

«Сам он ото всех отвернулся, отвечаю, сам всех против себя настроил». — «А ты подумай, — говорит Ольга, — может, и ты в этом виноват». Тут я вскипел: «Моя вина в том, что затребовал Кирьянова в морскую погранохрану! Не тебе судить, ты видишь только, как Алексей игрушки Маринке делает, а я с ним целый день вожусь. Хватит с меня, натерпелся!» А Ольга: «Эх ты, отец-командир!» Схватила дочку на руки и ушла в дом, не спросила даже, буду ли я ужинать...

Баулин и сейчас переживал давнюю ссору, и сейчас, по-

видимому, корил себя за нее, а я подумал, что, возможно, тогда Ольга Захаровна была права.

— Вскоре, — снова заговорил Николай Иванович, — меня назначили на Курилы командиром сторожевого корабля «Вихрь». Я ведь начинал пограничную службу, можно сказать, по соседству, на Чукотке. Тогда-то, еще в молодости, мне и полюбились здешние края: для моряка местечко самое подходящее — дремать на ходовом мостике некогда. Словом, сам я напросился обратно на Дальний Восток (посоветовавшись с Олей, конечно). А когда мою просьбу уважили, обратился со второй: прошу назначить ко мне на «Вихрь» младшим комендором Алексея Кирьянова. Дело в том, что Алексей в это время тоже подал рапорт о назначении его на Дальний Восток.

Начальник школы выслушал просьбу, и глаза у него на лоб: «Или ты мало с ним горюшка хлебнул?»

Баулин усмехнулся:

— Вы тоже, наверное, спросите: зачем это мне понадобилось?

— Вероятно, Кирьянов просился на Восток, чтобы проверить себя или уйти от дурной славы, — сказал я. — А вот зачем он вам понадобился, мне и впрямь невдомек.

— Оля подсказала. «Ты, говорит, его уже знаешь и сможешь ему в случае чего помочь, другие же неизвестно еще как встретят. А человек он честный, отзывчивый». Она ведь, Ольга, тоже педагогом была. Поэтому, видно, да и по чисто женской чуткости раньше других, раньше меня разгадала Кирьянова. Ну и, честно говоря, моя моряцкая жилка была крепко задета: неужели Кирьянову так и не полюбится море и наша морская служба? Ведь моряк — это натура!

Вот вы сказали, что Кирьянов хотел уйти от дурной славы. А ведь дурная слава что тень, — от нее не убежишь! Вместе с Кирьяновым она приехала и на Курилы: в комсомольской учетной карточке — выговор. Команда «Вихря» да и вся морбаза встретили Алексея с явной настороженностью: «Ничего себе гусь! Попробуй-ка задержи у нас!»

Командиром базы был тогда наш общий знакомый Сам-

сонов. Я его знал еще до этого лет девять,— кто из дальневосточников его не знает! К тому же мы с ним военно-морское училище заканчивали вместе. Так он, Самсонов, и то поморщился, когда я порассказал ему все о Кирьянове. «Ты его просил к себе на корабль, ты за него и отвечай».

А между тем жестокий урок, полученный во время шквала, повлиял на Кирьянова, но как? Из заносчивого, строптивого паренька он превратился в притихшего, я бы даже сказал—пришибленного. Никому он больше не перечил, любые приказания и поручения выполнял, однако без огонька, с каким-то безразличием. Казалось, и здесь ничто его не интересовало и не увлекало. Едва затевалось на морбазе веселье, он уходил подальше, на скалистый мыс, как, бывало, в черноморской школе к бухте над кратером, и часами смотрел, как волна бьет о берег. О чем думал он? Тосковал по родной Смоленщине? По своим ученикам? По невесте, с которой надолго расстался?

Баулин развел руками.

— Верьте не верьте, но впервые — впервые за целые полгода! — мы увидели на лице Кирьянова улыбку, когда из Владивостока пришел «Ломоносов». Приход с Большой земли парохода — у нас всегда событие. А на этот раз вся морбаза и я в первую очередь с особым нетерпением ждали «Ломоносова», потому что на нем приезжали новые жители: семья заместителя командира базы, новый военврач и моя Ольга Захаровна с Маринкой. Шутка сказать, новые жители на нашем островке! И вот тут-то, ко всеобщему изумлению, увидев среди встречающих Кирьянова, Маринка потянулась к нему: «Дядя Алеша!» Кирьянов прямо-таки просветлел. Ольга достала из сумочки письмо, отдала Алексею: «Без вас, говорит, пришло в школу. Я решила, что быстрее меня почта вам его не доставит».

С того самого дня, как мои приехали на остров,— снова продолжал он,— Кирьянов все свободное время проводил с Маринкой, играл с ней, изображал то козу-дерезу, то мишку-топтыгина, а на корабле стал еще более замкнутым. Не иначе как письмо его доконало.

— Да ведь не только же из-за девушки, из-за ее писем Кирьянов был строптивым и нелюдимым?

— Безусловно. Я не раз над этим голову ломал. И знаете, кто мне помог излечить Алексея от хандры и обратить в морскую веру? Боцман Доронин. И Ольга моя, покойница, крепко нам подсобила, можно сказать, ключ к сердцу Алексея дала.

— И что же в этом письме было особенного?

— Отказ! Полный отказ,— повторил Баулин.— Письмо прислала Кирьянову синеглазая девица, та самая, что ревели на проводах в три ручья. Во всех подробностях Ольга письма не помнила, она мельком его пробежала — они ведь с Кирьяновым были друзьями, и он показал ей письмо,— а смысл был такой, что, дескать, пожалуйста, Алеша, больше мне не пиши.

Словом, пригласил я боцмана Доронина — он тогда на «Вихре» парторгом был,— рассказал ему про письмо и вообще всю Алексееву историю. Прошу: «Потолкуйте вы с Кирьяновым наедине, подушевнее. У меня, говорю, ничего не получается, на все мои расспросы один ответ: «Я, товарищ капитан третьего ранга, чувствую себя хорошо». А какое там — хорошо! «Добро,— говорит Доронин,— придумаем какое-нибудь лекарство». И представьте, придумал...

Глава четвертая

ЛЕКАРСТВО БОЦМАНА ДОРОНИНА

В представлении людей, знакомых с моряками лишь по старым приключенческим романам да понаслышке, боцман — это обязательно широкоплечий здоровяк, непременно усач, обладатель немислимого баса, грубый в обращении с подчиненными и любитель крепко выпить.

Устаревшее представление! Совсем другой у нас нынче боцман. Семен Доронин со сторожевика «Вихрь», к примеру, всегда чисто-начисто выбрит, на матросов никогда не покрикивает, спиртное употребляет в редких случаях и в са-

мую меру и отдает команды не громоподобной октавой, а нормальным человеческим голосом. Верно, роста он отменного и действительно широк в плечах, но это, как известно, дается не чином и не должностью.

Отец Семена лет двадцать работал главным неводчиком Усть-Большерецкой рыбалки на западном побережье Камчатки. В девять отец взял Семена с собой на глубинный лов сельди; к четырнадцати годам Семен начал помогать ловцам забрасывать невод, а в шестнадцать — носил робу с отцовского плеча и чувствовал себя заправским рыбаком.

Третье поколение Дорониных рыбачило на Камчатке к тому времени, когда Семена призвали на военно-морскую службу. Семенов дед, Прокофий Семенович, подался сюда с Каспия еще в двадцатых годах. В ту пору на камчатских рыбалках посезонно работали неводчиками японцы с Хоккайдо. Они приводили с собой кавасаки с моторами фирмы «Симомото» и в секрете от русских кроили и шили ставные неводы.

Давно уже на Камчатке и неводчики свои, русские, и неводы скроены и сшиты собственными руками, и кавасаки свои, построенные во Владивостоке или Петропавловске-Камчатском.

Хочется добавить еще, что не верно, будто все боцманы — любители прихвастнуть, «потравить», выражаясь по-моряцки. Семен Доронин, напротив, принадлежит к той породе моряков, которые попусту рта не открывают и при чем-либо намеке на их личные заслуги начинают рассказывать о заслугах других.

Узнав все это о Доронине от капитана третьего ранга Баулина и земляка Семена — рулевого Игната Атласова (не от Владимира ли Атласова, открывателя Камчатки, пошел его род?), я и не пытался расспрашивать боцмана о личных боевых делах, хотя грудь его украшали медали «За отвагу» и «За отличие в охране государственной границы СССР».

Но не мог я не спросить у Доронина, что это за лекарство такое он придумал, чтобы обратить Алексея Кириянова в морскую веру и излечить от хандры.

— На океанской водичке лекарство,— добродушно усмехнулся Доронин, когда мы с ним расположились покутить на мысу, над Малым проливом.

— Алексей тоже любил на этих камушках сиживать,— добавил он, набивая трубку.

— И часами смотрел, как волна бьет о берег,— вспомнил я рассказ Баулина.

— Будто повинность отбывал,— подтвердил Доронин. Он с наслаждением затянулся, примял большим пожелтевшим пальцем табак.— По правде сказать, я и до разговора с капитаном третьего ранга соображение имел, что неспроста Алексей особняком держится. Ни одного дружка у него нет, смеяться вроде бы от рождения не умеет и, кроме «да», «нет», будто и слов не знает. Не иначе, как у парня что-то камнем на душе лежит, какая-то заноза в сердце засела. В прямую пришвартовываться к Алексею с расспросами я остерегался. Иному ведь человеку легче душевную боль в одиночку пережить. О том, что у него в черноморской школе приключилось, мне, как говорится, в общих чертах было известно. Однако после того, как товарищ Баулин рассказал все в подробностях да еще добавил насчет письма, что Ольга Захаровна привезла Алексею, я решил: «Баста! Нельзя больше оставлять парня один на один со своей хандрой, не попартийному получается». А тут еще, как на грех, у него две новые крупные беды по службе вышли. Совсем он после этого в уныние впал.

— Что такое?

— Сквернее скверного: задремал на ночной вахте. Бывший наш командир базы кавторанг Самсонов (он тогда еще в кавторангах ходил) дал Алексею пять суток ареста, а комсомольцы добавили к старому выговору строгача с предупреждением. Товарищ Баулин тогда тоже «на вид» в приказе по базе получил за упущение в дисциплине на корабле.

Не прошло и недели — снова наш Кирьянов отличился: во время учебной тревоги без карабина из кубрика на палубу выскочил. Пробоина! Да еще при командире базы! Он то-

гда хотел списать Кирьянова с корабля на берег, да товарищ Баулин поручительство за него дал. Само собой, еще двое суток на губе Алексею пришлось отсидеть.

Вскоре, вот так же утром, я, будто невзначай, очутился рядком с Алексеем на этом самом мыске. «Ба, говорю, тут Кирьянов! А я-то думал, что мне одному по душе эти камушки». Алексей вскочил было, да я придержал его: «Сиди, сиди, мы не на службе». Он всем своим видом дает понять, что, дескать, не до вас мне, товарищ боцман, не до разговоров. А я будто и не замечаю его настроения, говорю: «Вот, мол, ты, Алеша, грамотнее меня, как-никак на педагога учился, небось физику насквозь знаешь».

«А что толку, что учился? — перебивает. — Только напрасно деньги на меня тратили». Чуете, на какой галс повернул? Я обратно вроде бы не замечаю его ершистого настроения, иду прежним курсом: «Подмога мне твоя нужна, Алеша, будь добрый, подскажи: какая лампа в высокочастотной части радиопередатчика является преобразователем, а какая усилителем промежуточной частоты?»

«Этого-то, отвечает, я как раз и не знаю».

«Жаль, сокрушаюсь, и я, как на грех, запомнил! Салаги интересовались, а боцман Доронин отговаривайся: «В другой раз объясню». Срамота! У радистов спросить — вовсе стыда не оберешься...»

Сидим молчим. Я покуриваю. Кирьянов камешки с руки на руку перекатывает. Сроду я в таких артистах не бывал!

Выбил трубку, вздыхаю: «Эх, а еще в моряках мы с тобой, Алеша, ходим! Беда, что дружок мой один, дальномерщик с «Буйного», не в своей тарелке — он бы мне в момент все разъяснил; вторую специальность освоил — радист первого класса. Да к нему сейчас и не подступись».

«Как это — не в своей тарелке?» — спрашивает Алексей.

«А вот так, в полном расстройстве: невеста у него на материке осталась. Клялась, божилась: «Ждать буду». А сама за другого выскочила».

Алексей и вовсе помрачнел (видно, понял намек): «Насильно мил не будешь».

«Золотые слова! — отвечаю. — Вот и я дружку твержу: «Вместо, говорю, того чтобы терзаться, ты бы лучше мозги проветрил, делом бы каким-нито занялся, беседу бы с салагами, к примеру, провел насчет своего боевого опыта. Желашь — я вмиг договарюсь с комсомолом. Глядишь, за делом и тоску унесет».

Опять молчит Алексей. Я, наверное, трубок пять выкурил. Спугнуть парня штука нехитрая, с бескозыркой в раковину спрячется, и не вытащишь. С какого же фланга к нему заход сделать? Вспомнил вдруг, что он утром купался за базой, с отпрядыша нырял, говорю: «Как это ты расхрабрился — вода-то ледянущая?»

«Мы, отвечает, в Ярцеве в Вопи — речка там у нас такая — круглый год купались».

«А кто ж это «мы»? Что за лихие такие ребята?»

«Обыкновенные. Студенты».

«Коллективно, значит, уточняю, коллектив — штука великая: один человек камень поднимет, коллектив гору свернет. Вот бы нам молодых матросов круглый год купаться приучить...»

На том наш разговор и закончился: подошло время заступать на вахту. А назавтра заглянул в библиотеку, спрашиваю: «Был у вас сегодня младший комендор Кирьянов с «Вихря»?» — «Был». — «Какие книжки взял?» — «Справочник радиолобителя». Ну, думаю, диагноз поставлен правильно.

Боцман набил новую трубку, раскурил ее, пустил кольцо дыма, которое вмиг разорвал ветер.

— Какое же такое лекарство вы прописали Кирьянову?

— На соленой океанской водичке, — хитро прищурившись, повторил Доронин. — В тот год, как природой и положено, к концу мая началась пора бусов и туманов. Вы, случаем, не читали лоции Тихого океана и Охотского моря? Там все в точности описано: нет на земном шаре другого места, где висят такие туманы, как над Средними Курилами. Неделями висят. Из-за тумана все так нескладно и приключилось.

Боцман в сердцах махнул рукой:

— Алешка Кирьянов тут ни при чем. Мы с капитаном третьего ранга, с товарищем Баулиным, осечку дали. Словом,— повторил он любимое словечко командира,— вернулись мы из дозора в одно майское утро — хоть сквозь палубу провались. Что тут пограничнику сказать? На туман жаловаться? На сулои — водовороты в этом самом в Малом проливе? Видите, как там закручивает? Жалься не жалься — «Хризантема» из-под самого нашего носа ушла, вильнула кормой в каком-нибудь кабельтове¹.

Доронин даже сплюнул с досады.

— Туман туманом, а я эту шхуну-хищницу все равно распознал по оснастке. Говорю капитану третьего ранга: «Это, мол, та самая двухмачтовая «Хризантема», что прошлой осенью удрала от нас на траверзе мыса Туманов». (Горбушу она будто бы тогда в наших водах ловила.) «Не докаzano», — отрезал товарищ Баулин. Разве ему от моей догадки легче: не пойман — не вор! А когда капитан третьего ранга показал мне рапорт на имя командира базы, так лицом серый стал. Тут, извините, не только посереешь, в вяленую камбалу обернешься... Я этот рапорт вовек не забуду: «В полутора милях от выхода из Малого пролива в Охотское море во внезапно опустившемся сплошном тумане СК «Вихрь» попал в сильный водоворот и отклонился от курса на зюйд-зюйд-ост к острову Безымянный. Во избежание столкновения с рифами и отпрядышами был принужден повернуть на норд-норд-ост...»

Доронин хлопком ладони вышиб из трубки пепел.

— «Хризантема» не дура — ждать нас не стала. Но, между прочим, когда она кормой вильнула в тумане, наш рулевой Игнат Атласов приметил: вроде бы что-то выбросила за борт, чертовка. Может, Игнату и померещилось, а я из-за его видения покоя лишился, никак не дождусь, когда туман развеет. Чуть развиднелось — кинулся на этот вот самый мыс, поглядел и на той же скорости загребая на

¹ Кабельтов — 1/10 морской мили = 185,2 метра.

«Вихрь». Стучусь в каюту капитана третьего ранга. «Войдите!» — откликается. Вхожу. «Разрешите обратиться?» — а глазом примечаю: не отдыхал командир — койка не разобрана и домой не ходил. На столике карта Курил разложена — промашку, значит, нашу обмозговывает. Глянул на меня товарищ Баулин недовольно так: «Что у вас, боцман?»

«Разрешите, говорю, мне сегодня заняться с младшим комендором Кирьяновым в отдельности».

«Как это — в отдельности?»

«Новое лекарство хочу на Кирьянове испытать: микстуру от хандры. Разрешите сходить с ним в Малый пролив».

Капитан третьего ранга аж вскипел: «Вы что, боцман, шутки вздумали играть? Мы же только что из Малого пролива?»

А я знаю свое: «Мы, говорю, ходили на «Вихре», а я хочу прокатить Кирьянова с ветерком на тузике»¹.

«На тузике в Малый пролив? Да еще с Кирьяновым? Ничего себе микстура! Верная же гибель!»

«Никак нет, говорю. Мне гибнуть самому не сподручно, я еще свадьбу не играл».

«Зачем же, спрашивает, вам понадобилось именно в Малый пролив?»

«На острове Безымянном, на отмели, обнаружен неизвестный анкерок».

«Кем? Когда?»

«Лично мной, докладываю, десять минут назад».

Капитан третьего ранга тут и вовсе заштормил: «Микстура! Кирьянов! С анкерка и надо было начинать!»

Поднялись мы быстренько на мыс, показываю: «Глядите! Вон там, под нависшей скалой».

Товарищ Баулин за бинокль схватился. «Верно, говорит, анкерок! А вы уверены, что вчера его там не было?»

«Так точно, отвечаю, не было! На всякий пожарный, я каждый день на отмель поглядываю. В прилив эту отмель

¹ Ту з, ту з и к—самая маленькая шляпка с двумя веслами.

начисто затопляет». (А очередной прилив должен был начаться к вечеру, унесло бы анкерок.)

Свой план я доложил уже в кабинете командира базы товарища Самсонова. «Хризантема» выбросила анкерок,— показываю на карте,— вот здесь, в двух кабельтовых выше отмели».

«Допустим, что это была действительно «Хризантема»,— говорит кавторанг.— А почему вы уверены, что именно она выбросила анкерок? Может, анкерок приплыл сам собой?»

«Никак нет! — отвечаю.— «Хризантема» шла здесь,— снова показываю на карте,— а основное течение проходит вот где...»

«А почему,— говорит товарищ Самсонов,— вы хотите идти за анкерком именно на тузике?»

«Резонно объясняю: никакая более крупная шлюпка не успеет развернуться бортом к течению и проскочить между отпрыдышами — в щепы разобьет! А именно та самая ветвь течения, которая закручивается сулом, и выбросила анкерок на отмель. Выбросит она и тузик. Любую шлюпку там разобьет, а тузик проскочит».

«Пожалуй, боцман, вы правы,— кивает кавторанг.— Только ведь на эту отмель не спустишься, скала над ней нависла. Как же мы вас вытащим? Тут и вертолет не поможет».

«Все будет в порядке,— отвечаю и аккуратненько набрасываю на листочке бумаги чертежик.— Вот так нас вытащат».

«А ваше мнение?» — спрашивает командир базы товарища Баулина.

«Полагаю, что пустой анкерок шхуна-нарушительница не выбросила бы,— отвечает товарищ Баулин.— Видимо, испугалась, что ее уличат. Следовательно, в бочонке что-то важное».

«Убедительно,— согласился командир базы.— Ну, что же, хоть вроде бы вы и не виноваты, что не задержали шхуну, «Хризантема» она там или не «Хризантема», а доставать анкерок вам...»

Не сразу сдался товарищ Баулин, чтобы я отправился на тузике с Кирьяновым. «Беды бы, говорит, не получилось!»

Тут я пошел с козыря: «Знаете, как нас в сулое будет окатывать? Вода — лед! А Кирьянов, между прочим, каждый день купается. Он и у себя на родине круглый год купался. Рыба!»

«Это я знаю,— говорит капитан третьего ранга.— На Черноморье сам убедился, что рыба. Только в порядке приказа я Кирьянова не пошлю».

«Он согласится»,— отвечаю. Откуда у меня была такая уверенность, не определю, но Алексей согласился при первом намеке.

Прежде чем нам отправиться в плавание, мы, наверное, минут двадцать разглядывали в бинокли пролив и подходы к отмели, на которой валялся анкерок.

Доронин показал трубкой:

— Видите, как там крутит?

Сверху, с мыса, пролив и впрямь казался кипящим: так стремительно, закручивая разводы пены, устремлялся по нему океан в Охотское море.

— Действительно с ветерком,— сказал я.

— Скучать не пришлось! — усмехнулся Доронин.— В общем, разглядели мы все как следует, прикинули, где именно нам нужно будет отдать буксир и как сподручнее использовать течение, чтобы проскочить к отмели. Спустя полчаса «Вихрь» отошел от пирса. За кормой у него на буксире наш тузик. Алексей на веслах, я на руле. На всякий пожарный, надели спасательные надувные жилеты.

«Вихрь» закачало, словно на порогах, а тузик затрясло, что в лихорадке. «Житуха!» — подмигнул я Кирьянову. Он, гляжу, держится прилично, только побелел, даже губы будто мукой присыпало. Да и мне, по правде-то сказать, не до шуток. Вода зверем ревет вокруг, посередке пролива гребень дугой выгнулся, а берега что стены. Перевернет — и выплыть некуда, дуй прямым курсом в Охотское. И сверху-то, с мыса, нам смотреть было жутковато, а когда тебя несет

будто на верхнем плавнике у бешеной акулы — мурашки по спине!

Доронин с силой кинул в крутящийся под утесом водоворот обломок застывшей лавы.

— За себя-то я не боялся, за Алешку тревожился: сдюжит ли? Главное в этакой обстановочке — не теряться, каждое движение рассчитывай до сантиметра. Без передышки нас окатывало ледяной водой, а меня, знаете ли, в жар кинуло. Тут «Вихрь» дает отрывистый свисток: «Приготовиться!» А вскоре, подвалив поближе к острову Безымянному, — два новых свистка. (У нас с капитаном третьего ранга все было обговорено.) Командую: «Отдать концы!» Алексей повернулся к носу, отцепил буксирный трос и снова налег на весла. Течение нас и понесло, и понесло. Разика три-четыре так крутануло, что я едва кормовое весло не упустил. Тузик, бедняга, то нырнет между бурунами, то подскочит. Был момент, когда мне почудилось — летим по воздуху. А потом как плюхнемся, как закачаемся, едва килем в небо не поглядели! Навалился я что есть сил на весло, чувствую, — соломинкой дрожит. Тут-то как раз та самая струя, на которую у меня расчет был, нас и подхватила и поволокла к берегу, прямиком на два отпрядыша. Только бы, думаю, проскочить между ними, только бы проскочить!.. Алешка гребет, что твой автомат, будто у него не мышцы — пружины. «Весла, кричу, береги!» Кричу и вижу — не успеть ему. Как мотанет наш тузик к одному из отпрядышей! Левое весло у Кирьянова спичкой переломилось. Тузик чирк левым бортом о скалу, пролетел еще метров с десяток к отмели и готов! Вода в пролом — фонтаном. А много ли воды нужно такой скорлупе?

Боцман пососал холодную трубку, не спеша достал кiset, наполнил чубук табаком, так же не спеша прикурил от кресала: «Надежнее всяких спичек».

— На отмель мы с Алешкой выбрались вплавь. Вернее, не выбрались — выбросило нас.

Доронин пыхнул дымом.

— С той поры как «Вихрь» отошел от базы, минуло ну

Вода зверем ревет вокруг, посередке пролива гребень дугой выгнулся.

каких-нибудь десять минут, не больше, а мы до того умялись, будто целый день таскали ящики со снарядами. Подползли на четвереньках к тому чертову анкерку и повалились на гальку, даже спасательные жилеты снять не в силах, ни рукой, ни ногой не шевельнуть.

Выбиваю зубами чечетку: «Не плохо бы повторить прогулочку!» — «Угу!» — бормотнул Алеха. С характером парень!

Обсушились малость, отхлебнули из фляжки горячительного, сняли наконец-то жилеты. Алексей кивает: посмотрим, мол, что в бочончке за начинка. (Анкерок был, между прочим, новенький, дубовый, с медными обручами.) Меня, конечно дело, и самого любопытство разбирает: не зря ли мы прокатились? Да приказ есть приказ! Капитан третьего ранга строго-настрого велел доставить анкерок на базу в неприкосновенности. Тут вдруг туман пал, да такой плотный, вытяни руку — пальцев не разглядишь. И надо же было ему пасть именно тогда, когда товарищ Баулин с пятью ребятками — это он так матросов называет — поднялся с противоположной стороны острова на его макушку. План-то ведь у нас каков был: сверху спустят до уровня воды трос с грузилом, я захлестну его таким же тросом полегче — легкостью по-нашему, подвяжу к тросу анкерок, его вытянут, а потом и нас с Кирияновым по очереди. А туман все гуще и гуще — не разглядеть нам троса. Сидим мы с Алешкой, промокли, продрогли.

«Эй, внизу! — кричит в мегафон капитан третьего ранга. — Ждите, что-нибудь придумаем! Как себя чувствуете?» — «Нормально! — кричу в ответ. А на ухо Алексею уточняю: — Ну и натерпелся я страху!..» — «Вы?» — удивился Алексей. «Я самый, отвечаю, ты что думал: я железобетонный?» А он: «Я с вами не боялся. Я, говорит, струсил на Черном море, когда в первый шквал попал». — «Какой такой шквал? — спрашиваю, будто не знаю. — Расскажи. Делать нам все равно пока нечего».

Он тут все в подробностях мне и выложил. Ничего не утаил.

«С чего ж это ты, друг любезный, такие фокусы выкидывал? Или в детстве мать набаловала, а папаша мало ремнем охаживал?»

«Я, говорит, маму помню только мертвую, как ее из больницы на санях привезли. Помню, голова у нее набок свесилась, в глаза снегу насыпало. Мне тогда три года исполнилось. А отец в сорок первом под Ельней погиб. Два старших брата без вести пропали, в том же сорок первом сестру Надю в Велиже фашисты повесили — связной у партизан была»...

Вот ведь какая история,— вздохнул Доронин.— А я, парторг корабля, и не знал ничего.

Боцман долго раскуривал очередную трубку и показался мне в эту минуту куда старше своих тридцати лет.

— Остался Алексей один-одинешенек, круглым сиротой, в селе Загорье, захваченном фашистами. Поначалу жил из милости у разных людей, потом, в конце сорок первого года, его взял к себе местный, загорьевский учитель Павел Федорович Дубравин. Тут вскоре гитлеровцы назначили Дубравина сельским старостой. С того дня для Алексея началась не жизнь — горе. Сами посудите: вся семья, вся родня на войне за Родину погибла, а названный отец — предатель.

Надумал Алеша убежать из дому, да куда убежишь — зима, в округе чуть ли не все деревни спалены. Мальчишки дразнят «вражий выкормыш». А учитель тот — человек ласковый, добрый. Как же понять, почему он к фашистам в старосты пошел? Много перестрадать, передумать Алешке тогда пришлось.

Весной сорок третьего года неизвестные люди избили старосту ночью дреколем. Слег Дубравин.

Приезжали гестаповцы, спрашивали: «Что с вами, герр староста?» — «В погреб, говорит, по нечаянности свалился...»

Так и не поднялся с постели учитель. Старостой фашисты другого человека поставили. А дня за два до того, как наши освободили Смоленщину, Дубравин умер. Остались Алексей с Дуняшей, девятилетней дочкой учителя, сиротами. В Загорье к тому времени, дай бог, пятнадцать изб из

ста уцелели, одни трубы да головешки кругом. И народу раз-два, и обчелся. Нищ и голь...

Алексея с Дуней и других сирот определили в ярцевский детдом. Кто тогда в детдомах воспитывался? Известно, те, у кого родители на войне погибли или фашистами убиты. Алешка же с названной сестрой — дети предателя. И невинные они ни в чем, а глядят на них искоса, дружбу с ними никто не водит.

Только год спустя стало в детдоме известно, что Дубравин вовсе не предатель, а герой: он выполнял задания подпольного райкома партии, хотя и был беспартийным. Партизанам помогал. Никто лишний о том и не знал.

На Алексея все это сильно подействовало — и неразговорчив стал, и особняком приучился держаться. Надолго у него этот след остался... Да разве одного Алексея война покалечила...

Семнадцать лет окончил он семилетку и — прямой дорогой в Ярцевское педагогическое училище. Покойный Дубравин ему эту мысль внушил: «Быть учителем — лучшее назначение». Вместе с Алексеем окончила училище и Нина Гаврилова, первая в районе красавица, дочка заведующего магазином. Они полюбили друг друга, решили пожениться и поехать учительствовать в родное Алексеево село Загорье.

Алексей сразу поехал, а Нина задержалась у родителей в Ярцеве. А за месяц до свадьбы его призвали во флот. Дуня же, как узнала, что он жениться надумал, отказалась от его помощи, пошла работницей на кирпичный завод. Эта самая Дуняша вместе с Ниной провожала Алексея на морскую службу... Такая вот история, — заключил Доронин. — Остальное вам известно.

— А что же ответил Кирьянов, когда вы спросили о его поведении в Черноморской школе?

— Откровенно ответил: «Мечтал, говорит, я учителем стать, семью завести, а меня забрили на флот — и все нарушилось. Уж больно не вовремя забрили». Меня от такой откровенности в жар бросило. Разве это мыслимо, чтобы моло-

дой парень из-за какой-то красивой подлюги так себя рас-
травил и неправильно мыслить стал!

Стукнул я кулаком по анкерку: «Что же ты, друг лю-
безный, хотел, чтобы за тебя такие вот заграничные штуч-
ки другие доставали?!»

Алексей аж вздрогнул. «Вовсе, говорит, я этого не хотел.
Отлично я понимаю, что в армии все должны служить, да
уж очень школу бросать не хотелось. Только начал ребячи-
шек учить, а тут вдруг опять сам учись: «Ать, два!», «Вес-
ла на воду!» Да еще и подчиняйся каждому...»

«Вроде, мол, боцмана Доронина?»

«Нет, что вы, отнекивается. Я про вас плохое не думаю.»

«А про капитана третьего ранга?»

«Несправедливым он мне показался.»

«Несправедливым?! Да ты знаешь, говорю, как у това-
рища Баулина за тебя душа болит? Кто за тебя горой встал,
когда на берег списать хотели? Товарищ Баулин! Кто меня
надоумил потолковать с тобой о житье-бытье? Товарищ Ба-
улин! Кто нам сегодня доверие оказал? Опять же он, това-
рищ Баулин! А ты, бирюк, такие слова...» Может, я и чего-
нибудь покрепче Алексею бы наговорил, да прилив не дал,
начал затоплять отмель. Вода уж у самых наших ног пле-
скалась. «Неужто, думаю, капитан третьего ранга где-нито
замешкался?»

Только подумал, а он кричит сверху в мегафон: «Опу-
скаем трос с фонарем!»

Минут через пять — мы уже по колени в воде стояли —
видим: сквозь туман спускается к нам светлое пятнышко.

В общем, и анкерок, и нас с Алексеем в самое время вы-
тащили.

На базу возвращались в машинном отделении «Вихря».
Отогревались. В сухую робу переоделись, горячего чаю на-
пились, а все зуб на зуб не попадает...

Доронин улыбнулся, прищурился, и я подумал, что
боцман присочинил, будто бы ему было страшно, когда они
плыли на тузике через Малый пролив, присочинил не из на-
мерения порисоваться, а из желания подчеркнуть, чего все

это стоило Алексею Кирьянову, совсем еще в то время неопытному пограничнику.

— Сидим мы, значит, в машине, у горячего кожуха, отогреваемся,— продолжал Доронин,— а Алешка шепчет вдруг: «Спасибо вам, товарищ боцман, за науку!» Так душевно он это сказал, что у меня в горле запершило...

Моросящий дождь, начавшийся с полчаса назад, все усиливался и усиливался и в конце концов прогнал нас с мыса над Малым проливом. Мы направились домой, к базе. Под ногами похрустывали обломки застывшей лавы.

Боцман вдруг наклонился, достал из-под камня небольшое светло-серое яйцо, которого я, конечно бы, и не заметил.

— Чайка оставила — наверное, ее саму-то поморник сцапал.— Доронин осторожно завернул яйцо в носовой платок, спрятал в карман.— Марише для коллекции...

Свернув от пролива, мы вскоре поднялись на утес, на котором неподалеку друг от друга стояли старинный каменный крест и обелиск с пятиконечной звездой. С высоты утеса открылся необозримый океанский простор, вид на затущеванные бусом соседние острова.

— Красота! — тихо произнес боцман...

«В анкерке были спрятаны киносъемочный аппарат с телеобъективом и пять кассет с отснятой пленкой,— объяснил мне позже Баулин,— улика (попадись «Хризантема»!) неопровержимая. Безусловный шпионаж!..»

Глава пятая

ТАЙФУН «НАДЕЖДА»

Еще во Владивостоке я слышал о недавнем тайфуне «Надежда» и о том, как во время этого тайфуна у Баулина чуть было не погибли четверо моряков. Вспомнив об этом на острове, я спросил капитана третьего ранга, как же было дело.

— Всех подробностей я рассказать вам не смогу,— ответил Баулин,— порасспросайте боцмана Доронина.

А произошло все это так...

Ветер дул с северо-запада, в лоб. Океан дышал тяжело, вздымая крупные отлогие волны. Как обычно, небо закрывали тучи. За целое лето метеорологи зарегистрировали у Средних Курил всего-навсего тринадцать солнечных дней. Мелкий моросящий дождь «бус» высевался почти не переставая.

«Вихрь» возвращался после двухсуточного крейсерства в районе островов И. и П. Барометр продолжал падать, и Баулин приказал прибавить ходу, торопясь до наступления шторма поспеть на базу.

На Камчатке и Курильских островах Баулина знали как смелого командира, готового в любую погоду выйти в море. Из этого, однако, вовсе не следовало, что он предпочитал ровным попутным ветрам крепкие «лобачи» и безразлично относился к солнцу.

И он обрадовался, когда вдруг в мрачных сизо-серых тучах проглянула узкая голубоватая полынья. Полынья увеличивалась на глазах и вскоре стала похожа на гигантский моржовый бивень. Острие бивня вспыхнуло оранжево-красным огнем и вонзилось в солнце. Паутинная сетка буса оборвалась.

Появление солнца в этих широтах Тихого океана было событием столь редким, что Баулин счел необходимым занести в вахтенный журнал: «1 сентября, 10.06. На траверзе мыса Сивучий показалось солнце». А сигнальщик Петро Левчук скатился по крутому трапу в тесный кубрик, где свободные от вахты пограничники сражались в домино и гаркнул:

— Свистать всех наверх! Солнце!

Первым, как положено, поднялся на ют боцман Семен Доронин. Прищурившись, поглядел из-под широкой ладони на солнце:

— Давно не видались, соскучилось!

— Сейчас опять спрячется,— сказал комендор Алексей Кирьянов.

— Извиняюсь, оно телеграмму вам прислало? — Лев-

чук, закинув ногу на ногу, небрежно облокотился о шлюпку-тузик.

— Целых три, когда некоторые еще не протерли глаза!

«Вот так да! — в удивлении оглянулся боцман. — Видано ли, чтобы бирюк, молчалиник Кирьянов произнес столько слов подряд?»

Обогнув мыс, «Вихрь» пошел параллельно берегу. Теперь задувало уже не в лоб, а в правую скулу форштевня. На фоне посветлевшего неба скалистые края острова, круто опускающиеся в океан, казались еще более высокими. Тут не надейся укрыться от непогоды. На Средних Курилах мало бухт, где бы корабль мог спокойно отстояться во время шторма или тайфуна. Недаром капитаны торгового флота предпочитают поскорее миновать эти мрачные скалы. А пограничники плавают тут каждый день. Что поделаешь — служба.

Прибрежные утесы отливали то иссиня-черным, то белым, будто по ним пробегала рябь. Казалось, каменные громады ожили — со стороны острова доносился непрерывный гул, напоминающий гул могучих порогов: на утесах шумел «птичий базар» — миллионы кайр и гаг.

Стаи кайр то и дело поднимались в воздух. Когда они дружно, крыло к крылу, летели навстречу сторожевику, то напоминали стремительно несущееся облачко: грудь и шея птиц были белыми. Неожиданно они поворачивали обратно, и в мгновение облачко превращалось в черную тучу, падающую в океан. Но пограничники не обращали внимания на птиц. Зато как только сторожевик миновал «птичий базар», все, даже невозмутимый сибиряк Иван Ростовцев, перешли на левый борт, и никто уже не отрывал глаз от берега. «Вихрь» поравнялся с лежбищем ушастых тюленей — котиков. Баулин еще издали увидел, что берег заполнен пугливыми животными, и скомандовал в машину сбавить ход. Зачем их тревожить!

Котики располагались на узкой каменистой береговой полосе группами по тридцать — сорок коричневато-серых, окруженных детенышами маток. В середине каждого боль-

шого семейства, словно часовые на страже, бодрствовали рослые темно-серые самцы.

— Нежатся! — с ласковым восхищением произнес Доронин. — Небось тут их на полмиллиона рубликов, не меньше.

— А вон тот секач здоров, пудов за сорок! — показал Левчук.

— Который это? Который? — заинтересовался Кирьянов, вновь порадовав Доронина своей необычной оживленностью: «Неужели хандре конец?»

— Да вон там, правее рыжей скалы.

— Ревнует, старый шельмец! — усмехнулся боцман.

Огромный секач, о котором шла речь, был явно встревожен. Он поводил из стороны в сторону усатой мордой и, обнажив клыки, зло поглядывал на четырех расхрабрившихся, совсем близко подползших к его семейству молодых котиков.

За бухтой, где утес был совсем отвесным, на едва возвышавшихся над водой камнях нежились морские бобры — каланы.

Опершись о поручни ходового мостика, Баулин с любопытством наблюдал морских зверей в бинокль.

Вот плывет на спине самка, и на груди у нее пристроился смешной круглоголовый бобенок, а вот этому бобру то ли не хватило места на камнях, то ли такая уж пришла охота — он тоже перевернулся на спину и блаженствует, покачиваясь на волнах.

Интерес пограничников объяснялся не только свойственной всем добрым людям любовью к мирным животным, но и тем, что эти животные были частью богатств, которые пограничники охраняли. Меха котиков и морских бобров — заманчивая приманка для хищников-зверобоев самых различных национальностей. Пренебрегая штормами и рифами, нарушители частенько норовят подплыть к островам: авось зеленый вымпел советского сторожевика не покажется над волной. Тогда риск окупится с лихвой.

Баулин выпрямился, сунул бинокль в футляр, заложив руки за спину — первый признак плохого настроения, — посмотрел на голубую полынью в небе. Тучи почти совсем затянули ее. Ветер заметно посвежел. Сомнительное удовольствие попасть в шторм! И без того двое суток уткой ныряешь в волнах.

Вспомнилось, что сегодня четверг. Ольга уйдет в клуб базы заниматься математикой с матросами и старшинами. Значит, Маринка опять останется вечером дома одна с соседским Витюшкой: его бабка ложится с петухами. Чего доброго, Витька опять вспорет ножницами подушку и разукрасит себя и Маринку перьями. И убрала ли Ольга спички? Не учинили бы малыши пожар...

Шторм навалился раньше, чем его ждали.

Смахнув с лица соленые капли, Баулин натянул капюшон и пошире расставил ноги. Мысли о доме нарушил взобравшийся на мостик вестовой. Он передал донесение радиста. Радист сообщал, что где-то поблизости сыплет «морзянкой» какое-то судно.

«Ого! Пожаловали!» Баулин scomандовал лечь на обратный курс, и через несколько минут «Вихрь» уже мчался по направлению к нарушителям. Судя по пеленгу, незваные гости находились где-то у западного берега острова И.

Через полчаса хорошего хода среди волн показалась стройная двухмачтовая моторно-парусная шхуна. «Хризантема!» Баулин сразу узнал ее по рангоуту. Высокие, слегка склоненные к корме фок- и грот-мачты, изящные длинные реи, гордо вздернутый над заостренным форштевнем бушприт с туго наполненными ветром кливерами придавали шхуне тот особый щеголеватый вид, который так ценят истые моряки. Старая знакомая!..

«Хризантема» нередко шныряла близ Курил, явно занимаясь не столько хищническим ловом рыбы, сколько разведкой, и ловко уходила от пограничников, ни разу еще не попавшись им в советских водах.

«Интересно, что ты сейчас у нас забыла?» — глядя на «Хризантему», хмурился Баулин.

Хмуро смотрели на незваную гостью и все остальные.

— Зарягся на наши Курилы,— сказал Кирьянов.

— Не по зубам лакомство! — Левчук с раздражением сплюнул за борт.

— Оно, конечно, после сорок пятого им только и осталось что зариться. Ученые стали. А до войны знаете до чего дело доходило? — Доронин обернулся к молодым матросам. — Как выйдешь в дозор, обязательно их встретишь. Эти их моторные рыболовецкие боты-кавасаки, знаете? — в наши воды за сельдью и треской будто мухи на мед слетались. Схватишь за шиворот — бормочут: «Мы не знали, мы ошиблись». А где уж там «ошиблись»! Под самый берег, черти, подваливали. За крабами к Камчатке японцы с целыми плавучими заводами приплывали.

— Извиняюсь, товарищ боцман, сколько же вам тогда было лет? Двенадцать? — с самым серьезным видом спросил Левчук.

— При чем тут я? Командир рассказывал,— спокойно возразил Доронин.

— На юте, отставить разговоры! — оборвал с мостика Баулин и нажал кнопку.

На сторожевике зазвенел колокол громкого боя — тревога!

Пограничники заняли места согласно боевому расчету.

Не разворачиваясь против ветра и не обращая внимания на свежую волну, Баулин с ходу подошел к японской шхуне.

Он сам отправился на борт нарушительницы с осмотровой группой (боцман Доронин, Кирьянов и Левчук).

«Теперь-то уж мы тебя схватим за руку!» — обрадовался капитан 3-го ранга. Однако ему пришлось разочароваться: на шхуне не оказалось ни одной рыболовной снасти, ни одной рыбьей чешуйки на палубе и в трюмах. Не в пример другим японским рыболовецким судам, «Хризантема» блистала чистотой. Что за чертовщина!..

Шкипер «Хризантемы», маленький, черноволосый, вертлявый человечек (так вот ты каков!), не скупился на извине-

ния за невольное, как он заявил, пребывание в советских водах. Льстиво кланяясь и прижимая к животу судовые документы, он с готовностью предложил обыскать не только трюмы, но и всю шхуну. Он очень рад видеть советского офицера своим гостем. О! Неужели русский офицер сомневается в искренности его слов? У него абсолютно ничего нет. Он не собирался ловить рыбу или бить котиков. Он никогда бы не позволил себе этого, никогда! Скоро начнется тайфун, очень сильный тайфун. «Хризантема» надеялась получить приют в советской бухте.

Баулину надоела болтливость шкипера. Японцы — опытные моряки, им ли бояться тайфуна, да еще на таком отличном судне, как «Хризантема»! И к тому же берега острова И. не имеют бухт, защищенных от штормового наката. Господину шкиперу должно быть это хорошо известно.

Самый тщательный обыск не дал никаких результатов. Правда, пограничники обнаружили на шхуне мощный радиолокатор. Но в этом, собственно, нет ничего предосудительного. Каждое судно вправе иметь радиолокатор. Удивило другое: в кают-компании «Хризантемы» оказались два иностранца. Развалясь в кожаных креслах, они пили виски; из паспортов, снабженных всеми положенными визами, явствовало, что это заокеанские газетные корреспонденты. Они путешествуют по Дальнему Востоку.

«Хозяева!» — решил Баулин. Он возвратил пассажирам «Хризантемы» документы и сказал по-английски, что впредь не рекомендует им плавать на судне, шкипер которого не считается с международным морским правом.

Путешественники поблагодарили за совет и предложили Баулину стаканчик сода-виски. Жаль, что господин офицер отказывается. Сода-виски отлично согревает организм, а сегодня такая мерзкая погода!

Шкипер улыбался и пространно выражал свое восхищение отвагой русских пограничников, рискующих выходить в океан на небольшом судне.

— Предлагаю в течение пятнадцати минут покинуть советские воды, — сказал Баулин.

Шкипер был удивлен. Как, его не арестовывают и не ведут в бухту? Как, с него даже не берут штраф? Какие благородные советские пограничники! Склоняясь в бесчисленных поклонах, он проводил Баулина до трапа.

— Так запросто и отпустил! — в недоумении проговорил Алексей, услышав о решении капитана 3-го ранга.

Впервые встретился он лицом к лицу с явными врагами Родины, впервые видел их обличье, наспех прикрытое маской учтивости, чуть ли не доброжелательности. Нет, он, Алексей, не позволил бы им уйти безнаказанно! Неужели Баулин не понимает, что делает грубую, грубейшую ошибку?

— Командир знает, что делает, — отрезал Доронин.

По правде говоря, вначале он был удивлен не меньше Кирьянова: задержать нарушителя в советской зоне — и отпустить на все четыре стороны! Но он верил в мудрость капитана 3-го ранга. Раз Баулин принял это решение — значит, так сейчас и нужно...

Переваливаясь с борта на борт, «Вихрь» снова повернул к северу.

— На сколько часов хватит еще горючего? — позвонил Баулин в машинное отделение.

— Часов на двадцать! — последовал ответ.

— Добро!

Вскоре «Хризантема» скрылась за гребнями волн. А минут через пятнадцать радист «Вихря» перехватил новую радиограмму. Шхуна предупреждала кого-то о близости советского сторожевика.

— Так я и знал! — повеселел Баулин. — Теперь всю сеть вытащим. — И отдал команду: — Право руля на обратный курс!

Ясно, что «Хризантема» не заблудилась в океане. Радиосигналы и излишняя болтливость шкипера, который хотел подольше задержать пограничников, подсказали Баулину решение сделать вид, что его удовлетворили объяснения японца, и отпустить шхуну с миром.

«Вихрь» вторично развернулся к югу.

— Зачем мы пошли обратно? — удивился Кирьянов. — Опустили, а теперь снова догоняй!

— Потерпи малость, — нахмурился Доронин. — Не иначе, командир что-то задумал.

Вскоре вновь показалась стройная шхуна. Словно игрушечки, она неслась по волнам.

— Хорошо идет, чертовка! — не удержавшись, произнес рулевой Атласов.

— Моряки приличные! — подтвердил Баулин и приказал повернуть корабль на тридцать градусов к западу.

Похоже было, что «Хризантема» дразнит пограничников; завидев советский сторожевик, она быстрым маневром ушла на полмили в нейтральные воды, но через полчаса снова приблизилась.

А Баулин будто не замечал ее и продолжал путь на юго-запад.

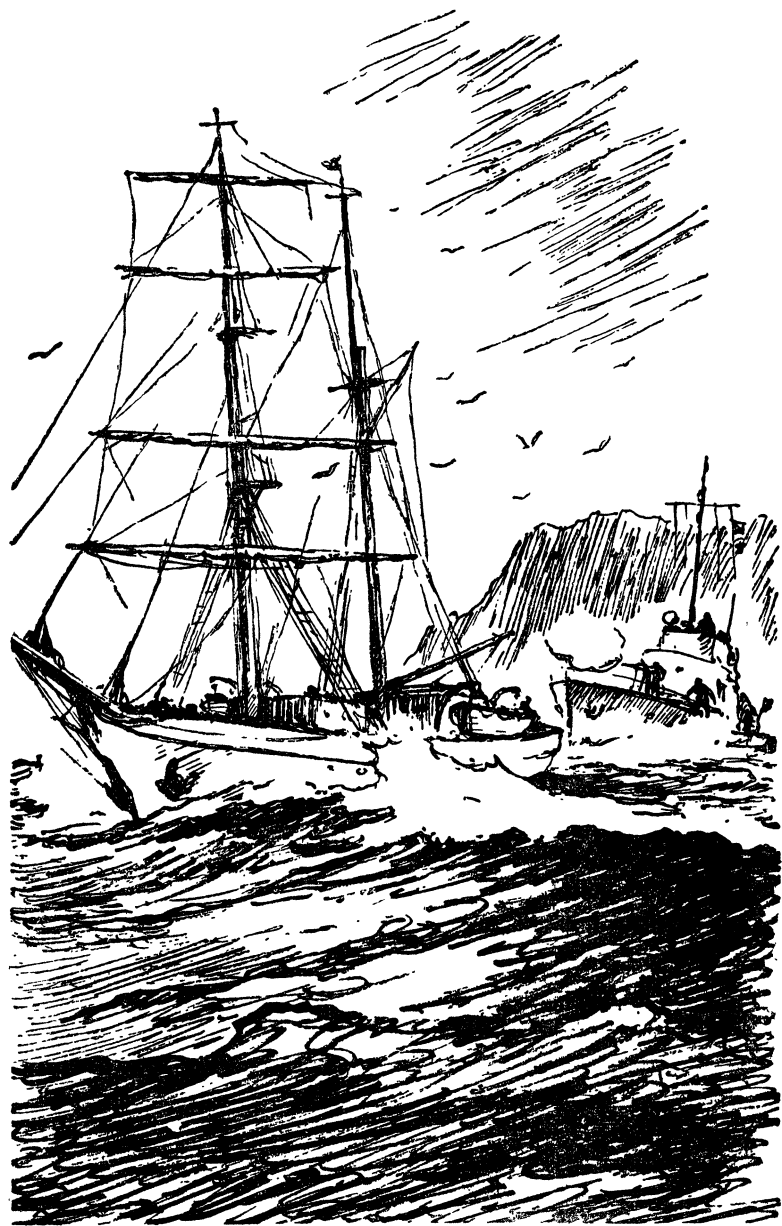
— Опять упустим! — досадовал Алексей.

Пожалуй, впервые за многие месяцы пограничной службы он почувствовал себя деятельным участником общего, нужного, важного дела. Ведь в какой-то мере, пусть еще самой малой, от него, как и от всех членов команды «Вихря», зависит успешная охрана границы. На миг ему зримо представилась она вся. Все шестьдесят с лишним тысяч километров советской государственной границы. Льды Заполярья. Леса и болота Карелии. Пески Кара-Кумов. Кручи Памира.

«Вихрь» снова миновал траверз мыса, а «Хризантема» все еще шла с левого борта параллельным курсом и не собиралась отставать от сторожевика.

В третий раз вестовой принес на ходовой мостик перехваченную радиограмму. И тут «Хризантема» резко вильнула в советские воды. Теперь форштевень ее был направлен прямо на «Вихрь». По-видимому, присутствие на шхуне иностранцев вернуло юркому шкиперу наглость, и он прибег к старому приему японских пиратов — угрозе тараном.

Нетрудно было представить, чем это могло кончиться для относительно небольшого сторожевика: «Хризантема» —

Баулин дал команду сделать предупредительный выстрел...

форштевень у нее со стальной оковкой — попросту рассекла бы его, как топор щепку.

— Вежливые: хотят поздороваться за ручку! — деланно ухмыльнулся сигнальщик Левчук.

— Пусть только попробуют, пусть только попробуют... — шептал Алексей.

Чтобы прибавить ходу, японец, не считаясь со свежим ветром, рискнул поднять все паруса. Усы бурунов у форштевня «Хризантемы» вспенились. Накренившись на правый борт, она понеслась еще стремительнее.

Однако этот маневр произвел на Баулина не большее впечатление, чем новая порция брызг, брошенная волной в лицо, — так, по крайней мере, подумалось рулевому Атласову. Капитан 3-го ранга только прищурился. Уже отчетливо стали видны фигуры стоящих на баке «Хризантемы» иностранных корреспондентов, когда он, не сворачивая с курса, дал команду сделать предупредительный выстрел из носового орудия, того самого орудия, комендором у которого стоял Кириянов. Орудие рывкнуло, обдав Алексея кислым запахом взрывчатки. Первый не учебный, а боевой выстрел! Алексей облизнул враз пересохшие губы...

Суда находились в это время всего в кабельтове друг от друга. «Хризантема», накренившись еще больше и едва не касаясь реями волн, свернула в сторону.

Баулин взглянул на ручные часы, недобро усмехнулся: слабоваты нервишки у «путешественников».

Ровно через десять минут все объяснилось. И тревожные радиодепеши, и настойчивые попытки шхуны отвлечь «Вихрь» подальше на юг, и пиратская угроза тараном — все это было звеньями одной цепи. Слева по носу появились два кавасаки.

«Издалека их принесло! — посуровел Баулин. — Своим ходом они бы сюда не добрались, тут не обошлось без буксира «Хризантемы». И яснее ясного, что они пришли не за сельдью и не за камбалой — чересчур уж роскошно: двухмачтовая шхуна для каких-то двух кавасаки! Не зря, не зря торчат на баке заокеанские хозяева...»

«Так вот в чем дело, вот почему командир давеча отпустил «Хризантему»,— она отвлекала нас». Алексею стало стыдно за недавние мысли о Баулине. Хорошо хоть, никто, кроме Доронина, не слышал его недоуменных слов.

Кавасаки вслед за шхуной полным ходом удирали в океан, но у «Вихря» было неоспоримое преимущество в скорости, и он отрезал им путь к отступлению.

К борту первого кавасаки он подошел с такой стремительностью, что от резкого трения завизжали и задымились кранцы.

По приказу капитана 3-го ранга Доронин и Кирьянов прыгнули на палубу бота. Девять «рыбаков» что-то поспешно выбрасывали за борт.

Однако оклик боцмана, хлопнувшего ладонью по прикладу автомата, заставил их нехотя поднять руки. Зажав румпель руля под мышкой, поднял руки и шкипер. Моторист заглушил мотор.

— Так-то оно лучше! — усмехнулся Алексей.

Над океаном густели сумерки, и под их покровом второй кавасаки попытался улизнуть, но пулеметная очередь, выпущенная «Вихрем» в воздух, заставила и его застопорить машину.

На этот раз обыск дал совершенно неожиданные результаты: в рыбном трюме восемь отсеков были заполнены сто-литровыми бидонами со смолой и креозотом; бидоны из двух последних отсеков команда успела повыбрасывать в океан. Трюм второго кавасаки оказался пустым, но едкий запах креозота не оставлял сомнений, что груз обоих ботов был одинаков.

— Вот подлые, вот гады! — в гневе сказал Доронин.

— А что? Зачем им креозот? — не понял Алексей.

— Тут нечего и гадать: полей креозотом и смолой лежбища котиков или бобров — и они вовек больше к нам не вернутся. Ничем их не заманишь. Чуткий зверь.

Едва сдерживая гнев, смотрел на «рыбаков» и Баулин.

Котики водятся в Северном полушарии лишь на Командорских и Курильских островах, на маленьком, советском

же, островке Тюленьем и на островах Прибылова, принадлежащих Соединенным Штатам Америки. Безусловно, не хуже, чем Баулину, это было известно и хозяевам «Хризантемы». На какие только подлости не готовы они, чтобы потолще набить карман!

Забуксировав оба кавасаки, «Вихрь» лег наконец курсом на Север, к острову Н., к базе. Можно было бы заставить нарушителей идти за сторожевиком своим ходом, да в надвигающейся ночи могло приключиться всякое, тем более что лица «рыбаков» были мало сказать угрюмы — злы. Упрямо, зло сжаты губы, зло глядят из-под припухших век черные немигающие глазки.

На каждом кавасаки Баулин оставил по два пограничника: на первом — Доронина с Кирьяновым, на втором — Левчука и Ростовцева. Только бы никого из них не укачало!..

Шторм разыгрывался. К ночи он достиг шести баллов. Валы громоздились друг на друга. Ветер срывал с гребней пену, расстилал ее белыми полосами. Волны захлестывались на бак, обдавали брызгами ходовой мостик.

Как ни привычны были к непогоде пограничники, но и они утомились от двухсуточной болтанки. А тут еще новость: командир базы предупредил по радио, что с юга идет тайфун «Надежда».

«Надежда» могла нагрянуть с минуты на минуту, и, чтобы не быть застигнутым врасплох, Баулин развернулся носом к ветру, который вроде бы приутих, лишний раз подтверждая, что перед бурей бывает затишье.

Темнота пала почти мгновенно, будто сразу все небо задернули гигантским черным парусом. Ни малейшего про света, ни единой звезды, словно их никогда и не было в черном, необъятном, раскачивающемся мире. Только светящаяся доска приборов да компас напоминали, что в этом мире существует свет.

Как ни силился Баулин, он не мог рассмотреть ни орудия на баке, ни лебедки, ни крышки носового люка — ровнешенько ничего! Эта внезапно навалившаяся со всех сторон

тьма усиливала ощущение опасности. Баулин не боялся рифов и мелей, их попросту нет в этой части океана. Не опасался он и столкновения с каким-нибудь другим судном — обычные дороги кораблей находились в стороне, вероятность случайной встречи с заблудившимися судами была почти исключена. Да к тому же для чего имеется на «Вихре» радиолокатор?

Опасность грозила лишь от океана. Океан был сейчас единственным, но свирепым, всеильным противником. Один океан. Не видя его, трудно, почти невозможно предугадать направление волн, определить их высоту, а следовательно, трудно маневрировать ходом и с помощью руля.

Шторм раскачивает судно более или менее равномерно, и, судя по тому, что сторожевик заметался вдруг, несколько раз подряд ухнул носом в водяные ямы и чуть ли не в то же самое время стал накреняться и вправо и влево, Баулин понял: это «толчея», их настиг тайфун.

Одинокая далекая молния вспыхнула на мгновение, как будто бы лишь затем, чтобы показать людям всю безмерность предстоящих им испытаний. В призрачном ее всплеске Баулин увидел трехэтажный гребень, загнувшийся над баком, головокружительный крен палубы. Боковое зрение успело схватить перекошенное страхом лицо рулевого Атласова.

Мгновение есть мгновение, и вновь все поглотила плотная, казалось, еще более непроницаемая тьма, черная пропасть.

«Вихрь» лег на бок, дрожая, словно раненое живое существо. Нелепо ковыляя, кое-как выровнялся, только затем, чтобы тотчас же беспомощно завалиться на другой бок. Новая, немыслимо огромная волна обрушилась на бак, подминающая под себя корабль, втягивая его в свое холодное, ненасытное нутро.

Баулин вцепился в поручни. «Выбирайся, выбирайся...» Он разговаривал с «Вихрем», словно тот и впрямь был живым.

Бывают секунды, кажущиеся часами. Именно долгим,

страшным часом показались мгновения, в которые «Вихрь» выкарабкивался из тяжелой соленой волны.

В лицо наотмашь ударил упругий ветер. «Слава тебе, выкарабкались!»

А что же делается на кавасаки?!

Кто это хватает за ноги?.. На палубе барахтался в воде помощник, лейтенант Гриднев.

— Спокойнее, спокойнее! Держитесь! — крикнул Баулин, поднимая лейтенанта.

— Есть спокойнее... — пробормотал Гриднев.

И снова тяжелая волна лавиной ударила в рубку и снова накрыла ее гребнем. Штормовые раскаты слились в сплошной грохот, перемешавшись с воем и свистом ветра. Океан распорядился небольшим кораблем как хотел.

Надо держаться против ветра. Только бы не лопнули от перенапряжения приводы руля, не сдвинулись бы от чудовищных рывков и стремительного, резкого крена дизели...

«Вихрь» должен выдержать, он выдержит!..

Баулин любил свой корабль той строгой любовью, которая знакома только капитанам, летчикам и машинистам. Он знал корабль, как самого себя, знал весь, от форштевня до кормы и от киля до клотика грот-мачты. Он не уставал любоваться и гордиться им, как отец любит и гордится сыном. Но главное — Баулин знал свою команду, своих ребят, смело мог на них положиться в любой, самой трудной, самой тяжелой обстановке.

— Так держать! — скомандовал он рулевому.

«...ать!» — едва расслышал Атласов, выравнивая корабль вразрез атакующим его волнам.

В «Вихре» Баулин не сомневался, но его не оставляла мысль о кавасаки, о находящихся на их борту четырех пограничниках. Целы ли они, не утонули ли? Нужно немедленно отдать буксир — он не дает ботам свободнее взбираться на волну.

Каждый моряк на корабле, попавшем в свирепый шторм, думает о судьбе судна и о своей судьбе. Капитан, командир должен думать обо всех. Один обо всех. И решать один. Та-

кова извечная обязанность командира, в этом его долг. Он не имеет права ошибаться, медлить, склонять голову перед разбушевавшейся стихией, какой бы грозной ни была опасность. И, зная все это, даже не видя командира, экипаж судна верит в него, в его опыт, находчивость, мудрость, выполняя любые его приказы, не обсуждая и не оспаривая их.

— Отдать буксир! — крикнул Баулин помощнику. (Вахтенные на корме не услышали бы команды, кричи ее хоть в десять рупоров.)

«...буксир!..» — скорее догадался, чем услышал Гриднев.

Ухватившись за поручни, он соскользнул по трапу. Густая волна щепкой приподняла его над палубой и, не вцепись он в поручни, смыла бы в океан. В следующее мгновение «Вихрь» переложило на другой борт. Гриднева швырнуло на металлические ступени трапа.

Невольно вскрикнув и не услышав собственного голоса, он хлебнул горько-соленой воды. Отфыркиваясь, отплеываясь, нашел правой рукой протянутый вдоль палубы штормовой леер и тогда только рискнул расстаться с поручнем трапа.

Приняв попутно с десятков ледяных ванн, Гриднев добрался наконец до кормы и обнаружил, что буксирный трос болтается свободно. Однако лейтенант был еще на полпути к цели, когда в том же убедился Баулин: «Вихрь» рванулся вперед, будто бы у него вмиг прибавилась мощность машины. Два кавасаки с четырьмя пограничниками остались где-то позади, в слепой ночи.

Гриднев вернулся на ходовой мостик, крикнул на ухо Баулину:

— Оборвало трос, оборвало!..

— Право руля на обратный курс! — скомандовал Баулин.

На обратный курс? На какое-то, пусть самое малое, время поставить судно бортом к волне? Игнату Атласову подумалось, что он ослышался, не так понял командира, но Баулин круговым взмахом руки повторил команду.

В рулевой рубке, сотрясаемой ударами волн и неистовы-

ми порывами ветра, было так же мокро и пронизывающе холодно, как и на палубе. Крупные, тяжелые, словно град, брызги слепили глаза, трудно было смотреть не только вперед по носу корабля, а и на светящуюся картушку компаса, который раскачивался и вертелся в кардановом кольце.

Сжимая ручки штурвала, силясь разглядеть на компасе курсовую черту, Атласов весь напряжился, чувствуя, как немеют и руки, и плечи, и ноги. Не свалиться бы! Сердце колотилось частыми, порывистыми толчками.

Такого испытать Игнату еще не доводилось. Разве сравнить шторм, в который он попал три года назад у Командор, с тем, что творится в океане сейчас? Легкая болтанка была, не шторм, а ведь скрепя сердце рыбакам пришлось повывбрасывать за борт весь улов. Отец (Игнат ходил в то время за сельдью в бригаде отца) начал было оправдываться перед председателем артели, когда они возвратились домой, а председатель в ответ: «Ты что, старина, сдурел? Кто вас винит? Людей спас — низкий поклон тебе, а рыбы в океане хватит, да еще и останется...»

— Оборвало буксир! Там кавасаки! — крикнул над ухом Атласова Баудин, став рядом с ним за штурвал.

Четыре пограничника могут погибнуть или попасть в плен!

Четыре пограничника... Боцман Семен Доронин — он Баудину всегда и во всем правая рука... Алексей Кирьянов, с которым так много было хлопот, прежде чем он как будто бы привык к морю... Иван Ростовцев, старшина 2-й статьи, обстоятельный и немногословный... Петр Левчук, горячий, но отходчивый, смекалистый парень...

Что ответит Баудин в случае беды их близким, командованию? Чем оправдается перед своей совестью?..

До военной службы Семену пришлось немало поплавать на кавасаки, но никогда еще ему не приходилось попадать на нем в такой шторм, как сегодняшний. Кавасаки — суденышко маленькое, всего шестнадцать метров в длину, и эки-

паж его — обычно не более шести рыбаков — во время непогоды с трудом размещается в носовом кубрике. Сейчас же на борту, не считая Семена с Алексеем, было девять человек, девять нарушителей границы, которые только и ждут, как бы свернуть тебе шею. Вероятно, для того, чтобы побыстрее разлить креозот и смолу по лежбищу котиков, хозяйева «Хризантемы» намеренно увеличили команду бота.

Семерых «рыбаков» Доронину кое-как удалось разместить в носовом кубрике, заперев его снаружи, двоих же пришлось оставить вместе с Алексеем в будке машинного отделения. Сам Доронин стоял на площадке рулевого, у румпеля, глядя то вперед, где в темноте едва были различимы два белых топовых огня «Вихря», то за корму: там тускло мигали зеленый и красный отличительные огни второго кавасаки с Левчуком и Ростовцевым.

Сдерживаемый буксирным тросом, кавасаки ковылял, то и дело зарываясь носом в высокие валы и черпая тонны воды. Хорошо еще, что удалось заблаговременно наглухо задраить трюм с бидонами, а то бы он в момент наполнился до краев — и гуляй на дно.

Нужно ослабить натяжение троса! Приоткрыв дверь в машинную будку, Доронин приказал Алексею запустить мотор (вся команда «Вихря», исключая самых уж новеньких, была обучена обращению с моторами).

Мотор чихнул раз пять, прежде чем ритмично застучали клапаны, но Доронин не услышал этого — на кавасаки рухнула волна и накрыла с головой. Она была так тяжела, словно по спине прокатились пятипудовые мешки. Доронин согнулся, едва не выпустив румпель руля.

Баулин не зря думал, что его ребятам на кавасаки куда труднее, чем на «Вихре». Волны почти непрерывно покрывали маленький бот, он трещал, кланялся, нырял и все-таки выбирался на свет божий, послушный твердой руке Доронина.

Площадка рулевого находилась на самой корме, за будкой машинного отделения; борясь с крутой, злой волной тайфуна, Доронин то и дело ударялся лицом в дверь будки

и не мог уже разобраться, от океанской ли воды или от крови у него солоно на губах, вода или кровь застилает ему глаза.

Лишь бы не выпустить румпель руля, лишь бы удержат! Не удержишь — и конец, гибель...

Не легче, чем Семену Доронину, было и Алексею. Машинное отделение называлось так будто в насмешку. В середине узкой, низкой, раскачивающейся будки помещался мотор, в проходах по сторонам его можно было стоять только боком, пригнувшись, чтобы не стукаться головой в потолок, обитый листами жести. От непривычного напряжения сводило шею; того и гляди, упадешь во время крена на рычаги или на горячие цилиндры мотора или угодишь рукой в раскаленные шары зажигания. Грудь распирало от духоты, от копоты. К тому же Алексей находился в этой тесноте не один: с него не спускали глаз двое «рыбаков», обозленных и, как понимал Алексей, готовых на любую подлость.

И потому, что нужно было следить и за мотором и за нарушителями границы, а может быть, и потому, что он впервые попал в такую непогоду и не представлял, чем она грозит кавасаки, Алексей не думал об опасности.

Беда пришла, когда бот вслед за «Вихрем» угодил в «толчею» и закачался во все стороны, как ванька-встанька. Тут-то вдруг и сорвалась с болтов сетеподъемная машинка. Со всей силой двухсот пятидесяти килограммов стальная штукovina скользнула наискось по палубе и задела краем угол будки. Угол дал трещину, в нее, как только бот оказывался под волной, тугой струей начинала бить вода.

«Тонем!» Не думая уже о том, что можно упасть на мотор, забыв в страхе, что с «рыбаков» нельзя спускать глаз, Алексей скинул бушлат и стал затыкать им трещину. В этот момент, воспользовавшись растерянностью Алексея, один из японцев выхватил из пазов в бортовой рейке гаечный ключ и наотмашь ударил пограничника. Не накренись кавасаки, удар пришелся бы по голове. Падая, Алексей успел вскрикнуть, но разве мог в грохоте бури услышать его Доронин?..

«Почему замолчал мотор?..» Чувствуя недоброе, бросив румпель — тут уж некогда мешкать! — боцман рванул дверцу машинного отделения. В тесном проеме на полу боролись Алексей и один из «рыбаков». Доронин ринулся на помощь товарищу. Тем временем второй японец проскользнул с противоположной стороны мотора на площадку рулевого, захлопнул за собой дверь и запер ее задвижкой. Ухватившись за выступы трюмного люка, рискуя быть смытым за борт, он пробрался на нос и сбросил с крюка провисший на миг буксирный трос.

Скрутив «рыбака», Доронин кинулся обратно. Кавасаки неуправляем, его вот-вот перевернет! О черт! Второй японец успел запереть их снаружи. Неужто он успеет выпустить остальных из кубрика? Доронин с остервенением ударял плечом в крепкие, обитые листами жести доски. Раз, раз, раз!.. Наконец щеколда не выдержала, отлетела, дверь распахнулась, и вместе с ветром в машинное отделение хлынула вода.

Только на рассвете, когда тайфун умчался на восток и приутихла волна, «Вихрь», переключаемый Баулиным с одного параллельного курса на другой, обнаружил первый кавасаки. Сторожевик настиг его, поравнялся, включил прожектор.

Баулин махнул рукой Атласову, тот понял, прицелился взглядом к очутившейся внизу палубе бота и прыгнул. Как он устоял на ногах!

— Целы-целехоньки, — встретил его Доронин. — Верно, «рыбаки» повылазили было на палубу, ну, да мы с Алексой загнали их обратно в кубрик.

Минут через сорок был обнаружен и второй кавасаки, и скоро оба они вновь покачивались за кормой сторожевика, будто за ночь ничего и не произошло.

— Ну и командир у нас! — потирая ноющее плечо, сказал Алексей.

— А что тут особенного? Для капитана третьего ранга это самая обыкновенная операция.

— Жаль, «Хризантема» удрала.

— Не все сразу. Повадились кувшин по воду... А как это получилось, что японец было черепушку твою не раскол? — совсем невпопад спросил Доронин.

— Вода хлынула. Пробоину я затыкал, — вспыхнул Кирьянов.

— Из глаз, значит, врага упустил. Хорош пограничник! — Боцман не любил думать одно, а говорить другое.

Всю радость Алексея будто волной смыло. Ведь он уже считал себя если не морским волком, то, во всяком случае, достойным одобрения, хотя бы самого малого одобрения. Оно было так нужно сейчас ему!

Доронин искоса наблюдал Кирьянова. Это хорошо, что парень переживает свою промашку. Можно было бы и похвалить его: вел он себя отлично, а растерялся, видно, потому, что впервой повстречался с врагами, да еще, можно сказать, один на один. Но, пожалуй, лучше обождать с похвалой, промолчать.

Молчал и Алексей. Разве мог он обижаться? Конечно, он виноват...

— Гляди, гляди! — крикнул вдруг Доронин, показывая на острые плавники, вспарывающие волны. — Косатки плывут. Ох и подлые твари! Должно, добычу почуяли. Так и есть — киты!

В версте от кавасаки над водой забили фонтаны; штук десять или двенадцать высоких, мощных фонтанов.

Глава шестая

ДВАЖДЫ ДВА — СОРОК

Вначале следует сказать о двух документах и небольшой справке. Впрочем, карикатуру, помещенную в одном из старых номеров боевого листка «Шторм», можно назвать документом сугубо условно, хотя секретарь комсомольской организации сторожевика «Вихрь» главстаршина Игнат Атласов и держится иного мнения.

Карикатура изображает молодого моряка со вздернутым носом. Стоя на цыпочках, явно самовлюбленный крикун пытается дотянуться до верха голенища огромного сапога. Под рисунком — строка из пушкинской притчи о художнике и сапожнике: «Суди, дружок, не выше сапога!»

— Кто это? — спросил я, рассматривая карикатуру.

— Дальномерщик Петр Милешкин, — ответил Атласов. — Такой был всезнайка, такой хвастун: «Я десять классов окончил, меня нечего учить!» А сам, маменькин сынок, воротника не умел пришить как следует, носового платка выстирать. После этой карикатуры Милешкин с неделю с Алексеем не разговаривал.

— Почему же именно с Кирьяновым?

— Так ведь это Алеха его нарисовал. Здорово? Петька Милешкин, как вылитый!

Второй документ, показанный мне Игнатом Атласовым, — протокол общего комсомольского собрания корабля. Первый пункт протокола посвящен Алексею Кирьянову:

«Слушали: Заявление члена ВЛКСМ А. Кирьянова о снятии с него выговора, объявленного первичной организацией ВЛКСМ Черноморской школы младших морских специалистов за проявление трусости, недисциплинированность и отрыв от коллектива, и строгого выговора с предупреждением, объявленного комсомольской организацией базы за сон на посту.

Постановили: Учитывая, что А. Кирьянов проявил себя во время похода на тузике за анкерком, в операции по задержанию рыболовов-хищников, в поимке нарушителя границы и в ликвидации аварии, как и подобает комсомольцу-пограничнику, а также учитывая, что он принимает активное участие в общественной работе (зам. редактора боевого листка «Шторм»), ходатайствовать перед бюро ВЛКСМ базы о снятии с тов. А. Кирьянова ранее данных ему взысканий.

Принято единогласно».

— А что это за операция была, если не секрет? — спросил я.

Баулин, вместе с которым я пришел в клуб базы, хитро улыбнулся.

— Сколько, по-вашему, будет дважды два?.. А вот и не четыре! Кирьянов опроверг арифметику. Во время той самой боевой операции он доказал, что дважды два — сорок.

Мне оставалось в недоумении вскинуть брови. Капитан третьего ранга рассмеялся:

— Секрета никакого нет. Пойдете сейчас с главстаршиной к мысу Скалистому — он вам расскажет.

Тут же в клубе базы висел фотомонтаж, под заголовком «Что мы охраняем». Возле карты Курильских островов были расклеены фотографии с подписями. Они сообщали о лесных богатствах гряды на южных островах, о возможностях оленеводства и охотничьего промысла на северных (там есть и черно-бурые лисы, и соболя, и горностаи) и, конечно же, о богатствах морских — котиках, бобрах-каланах и рыбе.

Справка под фотографией лова горбуши ставными сетями сообщала, что по запасам лососевых, а также трески и сельди Курильская гряда является крупнейшим рыбопромышленным районом Дальнего Востока. Лососи живут в просторах северной части Тихого океана, а для нереста — метания икры — устремляются через многочисленные Курильские проливы в пресные материковые воды Советского Приморья.

— Понятная география? — спросил Баулин. — Лосось идет нашими проливами в основном с середины июля, идет сплошняком, в несколько этажей. Сунь в косяк весло — торчком стоять будет! Что-то невероятное! Проскочит лосось из океана в Охотское море и мчит полным форсированным ходом к устьям тех самых рек, где появился на свет божий из икринки. Не куда-нибудь, а именно на родину. — Николай Иванович усмехнулся. — Видели бы вы, с каким упорством стремится лосось к местам нерестилищ! Через камни перепрыгивает, по мелям ползет. Весь в лохмотьях, в крови, а все вперед и вперед против течения, иной раз за тысячи верст! Я еще только одну такую же одержимую рыбу знаю — европейского угря. Этот, бродяга, путешествует из

Саргассова моря, где рождается, чуть ли не через всю Атлантику в Балтику, в Финский залив, и к нам в реки. Подрастет — и тем же путем обратно. Какой-то чудо-инстинкт! Что-то невероятное! — повторил Баулин. — Словом, когда идет лосось, дальневосточным рыбакам не то что поспать, поесть некогда.

— У нас на Камчатке одни грудные младенцы не рыбалят, — вставил Атласов.

— Ну конечно, и соседи не спят, — нахмурился Николай Иванович, — так и норовят пограбить в наших водах. Только недогляди!

— И порядком ловите хищников? — поинтересовался я.

— Бывает... — Капитан третьего ранга посмотрел на часы, сказал Атласову: — Главстаршина, вам пора отправляться.

Спустя четверть часа катер «ПК-5» отошел от стоянки. В сравнении со сторожевиками «ПК-5» выглядел крошкой. Однако установленный на носу пулемет придавал ему если не грозный, то дерзкий вид. Обычно таким суденышкам и дают-то не название, а порядковый номер. Но все это не помешало главстаршине Игнату Атласову сказать мне, что «ПК-5» — геройское судно.

Геройское? Я не сдержал улыбки.

— Зря смеетесь! На этом самом «пятом» Алексей Кирьянов и доказал хищникам, что дважды два — сорок.

Небольшие пограничные катера «ПК», как правило, не ходят на охрану границы. У этих работяг куда более скромное назначение: доставлять на берег с судов, бросивших якорь на внешнем рейде, пассажиров, мелкие грузы и почту или исполнять обязанности посыльных. Вот и сейчас мы шли всего за каких-то десять миль, на один из соседних островков, чтобы доставить погранпосту на мысе Скалистый кое-что из продуктов, несколько кинофильмов и сменить библиотечку-передвижку. И вдруг — на тебе. Оказывается, «ПК-5» — геройское судно, принимавшее участие в боевой операции! Когда? Где? При каких обстоятельствах? И чем, собственно говоря, отличился при этом Кирьянов?

Катерок кланялся волнам, чирком переваливался с борта на борт, оставляя за кормой кольца дыма. Справа раскачивался зыбкий океанский горизонт, слева громоздились скалистые острова.

И вот что рассказал главстаршина, пока мы шли до Скалистого.

Два года назад, в один из первых июльских дней, то есть в ту самую пору, когда лосось валом повалил из Тихого океана в Охотское море, воздушная разведка сообщила командованию погранбазы на острове Н., что напротив соседних островов, ближе к проливам, появились десятки иностранных рыболовецких судов. Чьи-то шхуны и сейнеры, держась пока на почтительном расстоянии от советских вод, занимались ловом в открытом океане. С островов их даже не было видно. Почему же они держатся вместе, как стая акул? И зачем крейсируют в том же районе два американских эсминца и несколько раз пролетали американские самолеты? Едва ли это просто случайное совпадение.

Задача была со многими неизвестными, и тогдашний командир базы Самсонов привлек к ее решению не только сторожевики, а и катера «ПК».

«ПК-5», в команду которого назначили тогда Атласова, Кириянова, Милешкина и моториста Степуна, как и все другие суда, вышел на операцию затемно. Шли с задраенными иллюминаторами, без опознавательных огней. Монотонно всплескивала рассекаемая форштевнем волна. Невесело постукивал мотор: «Устал, устал, устал...» Небо, по вековой курильской привычке, затянуло тучами — ни звезд, ни луны. А было как раз полнолуние.

Игнат Атласов стоял за штурвалом, Кириянов с Милешкиным — у пулемета, Степун колдовал в машине: старенький движок давно просился в переборку.

Откровенно говоря, Игнат не был в восторге, оттого что его назначили на катер вместе с Кирияновым и Милешкиным.

Алексей все еще держался особняком, всех, кроме боцма-

на Доронина, сторонился. И хотя он не сплоховал, когда ходил с боцманом на тузике, однако Атласов не мог забыть того, что на Черном море Алексей дал труса. Как-то еще он покажет себя в настоящем деле? А судя по приготовлениям на базе, предстоящая ночь обещала немало неожиданностей. К Петру же Милешкину у Атласова вовсе не лежала душа — гонористый зазнайка. Вот и сейчас он что-то шепчет Алексею, будто забыл или не знает, что в дозоре болтать не положено.

До Атласова долетели обрывки фраз.

— Подумаешь, боцман сказал! — Это голос Милешкина. — Что он, больше нас с тобой знает? Что у него за душой-то есть — никакой культуры... Не пойму, о чем ты с ним беседы ведешь?

— А у тебя совесть есть? — Это отвечает Кирьянов.

— При чем тут совесть!..

Атласов кашлянул. Шепот прекратился.

В темноте подошли к проливу. Вода устремлялась в него, как в гигантскую воронку. Катер дрожал, едва справляясь с течением.

— Самый полный! — скомандовал в переговорную трубку Атласов.

— Есть самый полный! — приглушенно отозвался Степун.

А катер еле полз. Полз, натужно урча, вздрагивая, отфыркиваясь отработанным газом. За бортом то и дело возникали отрывистые всплески. Ночь, а лосось все еще играет, описывая в воздухе дуги метра в два, не меньше. А может быть, на косяк напали акулы...

Течение нехотя выпустило «ПК-5» из своих тугих струй. Движок застучал веселее. Атласов посмотрел на светящийся циферблат часов: скоро и заданное командиром место — квадрат в океане.

Время напряженного ожидания всегда течет медленно. Игнату подумалось, что прошло с полчаса, а минутная стрелка на циферблате передвинулась всего на девять делений. Перебрав ручки штурвала, он взял немного мористее. Поры-

вистый нордовый ветер стал ударять в левый борт, и закачало сильнее. Должно быть, оттого, что Атласов отвык ходить на такой малой посудине, у него засосало под ложечкой.

Хищников не видно и не слышно. А возможно, они сегодня и не появятся в наших водах и напрасны все приготовления на базе. Но что это?.. Вроде бы стучит чужой мотор.

— Малый, самый малый! — негромко скомандовал Атласов в переговорную трубку.

Нет, ему просто послышалось. Только волна плещет о борт.

— Слева по носу неизвестное судно! — отрывисто выкрикнул с бака Кирьянов: он был впередсмотрящим.

Судно? Не туман ли наползает? Не принял ли Алексей бродячее бревно за судно? Атласов всмотрелся в ночную тьму. Да, судно. Определенно судно.

Поворот штурвала, и одна за другой новые команды:

— Полный вперед!

— У пулемета, готовься!

И опять в машину:

— Самый, самый полный!

Палуба под ногами затряслась — Степун старался выжать из движка все, что мог. Злая волна с шипением перебросилась через планшир.

Но тут вдруг движок поперхнулся, закашлялся и замер. И сразу стало отчетливо слышно ритмичное постукивание чужого мотора. «Стосорокасильный «симомото», — тотчас определил Атласов и нетерпеливо спросил у моториста:

— Что там у вас? Заело?

Переговорная трубка не ответила. Сам Степун высунулся из люка машинного отделения:

— Не проворачивает! Что-то накрутило на винт!

Катер беспомощно качался на волнах, течение и ветер сносили его на юго-запад, к проливу. Силуэт неизвестной двухмачтовой шхуны растворился в темноте. Неужели это опять неуловимая «Хризантема»?

«Счастливо оставаться! Счастливо оставаться! Счастливо оставаться!..» — затихая, издевался «симомото».

— Милешкин, — позвал старшина, — приготовиться к спуску за корму! («Если скоро не управимся — течение утянет в пролив».)

— Есть! — Милешкин вырос перед рулевой рубкой.

«Бойтся, — понял по голосу Атласов. — Может, лучше послать Кирьянова?.. Нет, Петр все же поопытнее».

Милешкин поспешно разделся, бросил одежду через окно в рубку.

Оставив вместо себя у штурвала Кирьянова, старшина обвязал Милешкина под мышками тросом, закрепил другой его конец за буксирные кнехты.

— Наверное, на винт намотало сети. Освободишь, — сказал он, передавая матросу кортик. — Быстренько!..

Милешкин не хуже старшины понимал, что, если течение втянет беспомощный катер в пролив, стремительные водовороты разобьют его о скалы. Однако, перебросившись за борт, он в страхе прижался к нему: «А если поблизости рыщут акулы?..» Холодная волна окатила по пояс. Милешкин вздрогнул и уцепился за планшир еще крепче.

— Ныряй, ныряй! Раз-два, и порядок! — подбодрил Атласов.

Он тоже вспомнил сейчас про «морских прожор», как называют акул на Камчатке. Чаще всего они охотятся за пищей именно ночью, и не в одиночку, а целыми стаями. Однажды Игнат и сам видел пойманную на перемет акулу. В желудке у нее нашли остатки двух тюленей, щупальца осьминога и чуть ли не полтонны сельди. Ее вытащили на палубу шхуны, выпотрошили, а она все еще была хвостом, судорожно разевала громадную пасть и мигала веками. А зубы? В пасти торчали сотни треугольных зубов с зазубренными краями, длиной по четыре-пять сантиметров...

— Ныряй, не трусись, — сердито повторил Атласов.

Собравшись с духом, Милешкин разжал пальцы и скользнул в воду. От страха он забыл набрать в легкие побольше воздуха и не смог поднырнуть к винту. Чувствуя, что вот-вот

задохнется, он оттолкнулся ногой от пера руля и пробкой вылетел на поверхность. Новая волна ударила его головой о корпус катера, что-то острое полоснуло по бедру.

— Спасите! — в страхе выкрикнул Милешкин.

Атласов с трудом выволок обмякшего, перепуганного парня на палубу.

— Акула цапнула! — едва выговорил тот.

— Где? — встревожился Атласов, включая электрический фонарик, осветил Петра, все еще сжимавшего в руке кортик. — На бедре у него кровоточила неглубокая ранка. — Сам порезался, — догадался Атласов. — Герой! Перевяжись и одевайся. Кирьянов, приготовиться!

— Мне? — растерянно переспросил Алексей. «Вдруг в воде действительно акулы?» — Я сейчас, — пробормотал он, стягивая сапоги.

— Быстро, быстро! — подгонял Атласов.

Раздевшись, Алексей в момент почувствовал озноб. «А как же мы купались зимой в Вопи?»

— Сначала отплыви маленько, а то швырнет о корпус, — сказал Атласов, обвязывая Алексея концом. — Топай!

Выждав волну, Алексей прыгнул за борт. Как и советовал Игнат, он сначала немного отплыл от катера и лишь после этого, приравливаясь к ритму волн, нырнул под корму. На лопастях и на валу винта он нащупал туго намотанный трос и обрывки сетей. С одного маха тут ничего не сделаешь, хотя кортик и наточен, как бритва...

Так Алексей нырял и нырял без конца. Не каждый раз ему удавалось перерезать витки троса, но его неизменно ударяло о железный корпус то плечом, то локтем, то головой. И все ему чудилось, что рядом шныряют акулы. Рассчитать невидимые волны было трудно, и одна из них так стукнула его о руль головой, что он было потерял сознание.

Постепенно мотки перерезанного троса ослабли, и Алексей начал стаскивать их с вала. Несмотря на июль, вода была холодная. Выныривая на миг на поверхность, с жадностью вдыхая воздух, он не однажды хотел крикнуть: «Вытаскивай!» И опять нырял. Еще один моток, еще один моток, еще...

Когда наконец-то Алексея вытащили на борт, он не сразу смог встать.

— Иди в машину, отогрейся,— с напускной строгостью приказал Атласов. Он едва удержался, чтобы не обнять Кирьянова: не чета Милешкину!

— Здорово тебя наколотило! — запуская движок, пристыдил моторист Степун: Алексей был весь в ссадинах и кровоподтеках.

Движок облегченно вздохнул и через несколько секунд зарокотал.

Под утро над океаном поднялся туман, и катер едва не потопил плоскодонную рыбацкую лодку — кунгас, пройдя всего в полуметре от ее носа. Лодка закачалась. Четверо ловцов вскочили с банок, испуганно загалдели. «Японцы», — узнал Атласов по гортанным крикам. Включив прожектор, пограничники увидели, что кунгас наполнен серебристой, еще трепещущей горбушей. Кирьянов зацепил лодку отпорным крюком и подтянул ее к борту катера.

На легкой волне, обозначая линию открылка ставного невода «Како-Ами», покачивались стеклянные шары — наплава. «ПК-5» медленно пошел вдоль открылка, и из тумана возникали все новые и новые шары. Не может быть, чтобы один кунгас установил такой громадный невод!

— Сколько вас? — перегнувшись через фальшборт, спросил Атласов у ловцов.

— Не понимая! — прищурившись от яркого света прожектора, покрутил головой долговязый рыбак в парусиновой куртке, в повязанном по-бабьи синем платке.

— Сколько у вас лодок? — растопырив пальцы, строго повторил Атласов.

Долговязый учтиво поклонился, ткнул себя в грудь, показал на остальных ловцов.

— Два и два — иесть четыре.

— Кунгасов сколько? Кунгасов? — Для убедительности Игнат стукнул по плану кулаком.

— Одина кунгас,— закивал долговязый. Вероятно, он был старшим.

«Что с жими, с пройдохами, делать? — задумался Атласов. — Забуксировать и отвести на базу?..»

И тут Алексей Кирьянов и предложил свой план: не буксировать сразу нарушителей, а, отобрав у них весла с парусами, привязать пока лодку к неводу. Без весел и парусов ловцы не удержат: побоятся, что их утянет в пролив. Тем временем катер пойдет вдоль линии наплавов и поглядит, нет ли поблизости других незваных гостей.

«Головастый ты, чертыка!» — восхитился Атласов.

— Они не одни, наверняка не одни, — горячился Алексей.

Спустя час на палубе катера громоздилась уже целая груда парусов и весел. Десять кунгасов с сорока ловцами покачивались на привязях у ловушки и открылков невода.

Атласов впервые видел такой гигантский «Како-Ами»: сеть протянулась больше чем на километр. Но он не мог знать тогда, что такие же громадные ставные неводы были одновременно поставлены в нескольких местах, перекрывая лососям путь через проливы к советскому побережью.

То был широко задуманный наглый, хищнический налет.

Вспоминая события памятной июльской ночи, главстаршина рассказал, как, забуксировав все десять кунгасов, пойманных на месте преступления в наших водах, «ПК-5» привел их утром к своему острову.

Однако Атласов умолчал, что в ту же самую ночь, уже после того как Алексей Кирьянов доказал хищникам, что дважды два не четыре, а сорок, приключилось еще одно происшествие. Я узнал о нем позже из копии донесения капитана третьего ранга командованию пограничного отряда.

«...В 2 часа 7 минут, — говорилось в донесении, — вперёдсмотрящий «ПК-5» А. Кирьянов заметил в воде какой-то предмет, похожий по внешнему виду на большую рыбу. Предмет двигался на небольшой глубине по направлению к острову С. При приближении катера скрылся в глубине.

Продолжая неослабное наблюдение, пограничник Кирьянов вскоре вновь обнаружил названный предмет и определил, что это человек в легком водолажном костюме.

Выполняя приказ старшины Атласова, пограничники Кирьянов и Милешкин надели акваланги, ласты, прыгнули за борт, настигли и в завязавшейся борьбе осилили неизвестного пловца.

Во время обыска у нарушителя границы были отобраны находившиеся в герметической резиновой сумке...»

Далее следовала опись шпионского снаряжения: два пистолета, патроны к ним, портативный радиопередатчик, фотоаппарат, три советских паспорта и другие документы, солидная сумма советских денег и даже сезонный билет на владивостокский городской транспорт.

— А ведь Атласов не обмолвился об этом ни единым словечком, — удивился я.

— Пора бы вам уж и привыкнуть, — сказал капитан третьего ранга, — не все может рассказывать пограничник.

— Пора, — согласился я.

Разговор происходил в штабе базы вечером, после нашего возвращения с погранпоста на мысе Скалистый.

— Тут все описано самым подробнейшим образом, — протянул мне Николай Иванович бумагу, — теперь-то уж это не тайна.

«На одном из участков государственной границы СССР, в районе Дальнего Востока, некоторое время тому назад был задержан при попытке проникнуть на советскую территорию некто Григорьев. Пограничники задержали Григорьева в тот самый момент, когда он плыл к берегу советского острова в легком водолазном костюме, снабженном дыхательным аппаратом.

В ходе следствия Григорьев показал, что, похитив в городе Т. крупную сумму государственных денег, он бежал из СССР через южную границу. В столице одного сопредельного государства Григорьев познакомился с подданным другого государства, выдававшим себя за корреспондента западной газеты. «Корреспондент» предложил Григорьеву сотрудничать с иностранной разведкой.

Вскоре предатель был доставлен в Западную Европу, в один из разведывательных центров, и определен в шпионскую школу.

В ходе следствия Григорьев показал: «В школе мы изучали радиодело, топографию, тренировались в прыжках с парашютом, стрельбе. Большое место в программе обучения отводилось способам подрыва железнодорожного полотна, мостов, портовых сооружений, поджогу и взрыву военных предприятий. Нас учили пользоваться бикфордovým шнуром, запалами, толовыми шашками, электрической подрывной машинкой. Офицеры-разведчики объясняли нам способ приготовления специального состава для поджога сооружений и показывали, как вызвать пожар с помощью самовоспламеняющейся массы, находящейся в небольших металлических коробках, похожих на портсигар».

Завершением подготовки шпиона Григорьева было трехмесячное пребывание на небольшом острове в Тихом океане.

не. Тут Григорьев тщательно ознакомился с районом выброски. Его неоднократно вывозили на военном корабле в открытое море и спускали на воду в плавательном костюме.

Задание, полученное Григорьевым, состояло в том, чтобы произвести фотографирование определенных участков побережья, выяснить местонахождение военных объектов и попытаться завербовать двух-трех человек из числа советских граждан в качестве агентов для последующего использования их на шпионской работе против СССР.

Бдительность советских пограничников пресекла осуществление этих заданий...»

— Неизвестно, что бы мог натворить этот тип, не заметь его Кирьянов,— сказал капитан третьего ранга.— Конечно, его задержали бы и на берегу, но, возможно, не сразу. Лучше уж таких субчиков не допускать до берега.

— Зачем же шпиона отправили в плавание во время затеи со ставными неводами?

— А это яснее ясного. Его хозяева специально ждали, когда начнется массовый ход лосося. Вроде бы самое лучшее отвлечение нашего внимания. Нам ведь не раз приходилось иметь дело с такими отвлекающими, совмещенными операциями. Словом,— произнес Баулин свое любимое словечко,— американские эсминцы не зря тогда крейсировали близ наших вод. И самолет их летал неспроста.

— Как же все-таки Кирьянов заметил и поймал этого субъекта?

— Кирьянов с Милешкиным,— поправил Баулин.— Видите ли, вероятно, этот субъект приустал. Во всяком случае, на большой глубине он плыть не рискнул. А выдали его ночесветки. Вы ведь слышали о том, что море может гореть, светиться?

— Даже видел.

— Ну, тем более. Свечение моря вызывают мириады жгутиковых инфузорий — ночесветок, или, как их зовут рыбаки, морских свечек. Когда их заденете, они испускают голубоватый свет: кажется, что в море вспыхивают какие-то таинственные подводные огни. Плывет, к примеру, рыба или

какое-нибудь судно, да, наконец, просто волнение на море — вода начинает светиться. Волшебная картина! Эти самые ночесветки и выдали шпиона. Ну, а когда Алексей сообразил, что заморский гость с аквалангом, то сжал его гофрированную резиновую трубку, по которой из заплечных баллонов поступает в маску сжатый воздух. А Милешкин схватил субъекта за ноги.

— Кстати, о Милешкине, — вспомнил я рассказ Атласова, — что за спор у них произошел тогда на катере? Атласов мне это так и не досказал.

— Милешкин подбивал Алексея написать совместный рапорт с жалобой на боцмана Доронина. Будто бы Доронин несправедлив и груб с матросами. Милешкин предложил, а Кирьянов его...

— Избил?

— Избить не избил, а стукнул основательно — не уговаривай подличать!

— А где сейчас этот Милешкин?

— Уехал на «Ломоносове» вместе с Алексеем. По одному приказу демобилизовались. — Баулин сокрушенно развел руками. — Приказ один, а люди разные! Правда, и Милешкина подшлифовала малость наша пограничная служба, но такой веры в его дальнейшую судьбу, как в судьбу Алексея, у меня, к сожалению, нет. А значит, чего-то и я и все мы недоглядели, не сделали...

Через растворенное окно с пирса донеслись четкие, отрывистые слова команды: «По местам стоять, со швартовых сниматься!» Сторожевики уходили в ночное крейсерство.

— Прихожу с того собрания, где с Алексея выговорá сняли, довольный, радостный: «Обратили-таки Кирьянова в нашу морскую веру!» Рассказываю все Ольге, а она смеется: «Я в Алексее никогда не сомневалась». Вечерком зашел к нам попить чайку Самсонов. Ольга и его уколола: «Кажется, вы хотели списать Кирьянова на берег, в хозкоманду?» — «Был, говорит, такой грех, был. Каюсь!» — Баулин задумался. — Где-то сейчас наш дядя Алеша? Наверное, уже к Иркутску подъезжает...

МЫС ДОВОРОЙ НАДЕЖДЫ

«Пожалуй, только вот в таких отдаленных от крупных центров местах, как остров Н., и осознаешь в полной мере все великое значение радио. Трудно даже представить себе, что бы, к примеру говоря, делали без радио в наше время полярные зимовки, геологические экспедиции, пограничные посты и заставы, корабли дальнего плавания».

Так думал я, слушая по радио в клубе базы, вместе со свободными от вахты пограничниками, оперу «Кармен». Началось последнее действие, как вдруг помощник дежурного по штабу передал сидящему со мной Баулину две радиogramмы. Кивком пригласив меня с собой, капитан третьего ранга неслышно вышел из зала.

В штабе он отдал необходимые распоряжения и показал мне депеши.

Одна из них сообщала, что на Камчатке проснулся и бушует, извергая потоки лавы, выбрасывая тучи пепла и газов, вулкан Безымянный, никогда еще не действовавший на человеческой памяти и потому считавшийся потухшим.

Вторая радиogramма была сигналом бедствия. Японская рыболовецкая шхуна «Тайсей-Мару» потеряла управление и просила о помощи.

В последние сутки океан был относительно спокоен — волнение не превышало трех баллов, — японские моряки издавна известны как моряки опытные, и Николай Иванович пожал плечами:

— Что-то непонятное у них стряслось...

Однако текст депеши не оставлял сомнения: «Всем, всем, всем! Спасите наши души!..» Далее следовали координаты шхуны — миль семьдесят к северо-западу от Н.

— Кто-нибудь им ответил? — спросил Баулин дежурного.

Тот доложил, что на зов «Тайсей-Мару» откликнулись американский китобой «Гарпун», канадский лесовоз «Джерси» и советский пароход «Дежнев», идущий с Камчатки.

— Ближе всех к «Тайсей-Мару» «Гарпун» — двадцать одна миля, — добавил дежурный. — Канадец своих координат не указал. «Дежнев» — в пяти часах хода.

Было ясно, что «Гарпун» поспеет на помощь японским рыбакам раньше всех, но все же для порядка Баулин немедленно сообщил об этом происшествии в погранотряд.

Возвратившись домой, мы застали Маринку с соседским сыном Витей за игрой в рыбаков. Перевернутый ножками вверх табурет изображал рыболовный бот кавасаки; шаль служила неводом; засушенные крабы, морские коньки и звезды, разбросанные по полу, были косяками рыбы. Маринка командовала, как заправский шкипер, а пятилетний Витя — он был главным неводчиком — подтягивал шаль за привязанные к углам веревочки.

Иностранным рыбакам — так Маринка назвала меня с Николаем Ивановичем — было приказано не вторгаться в чужие воды, и мы устроились чаевничать на кухне.

Сообщение о внезапно проснувшемся камчатском вулкане навело нас на разговор о таинственных силах природы, действующих в глубине земных недр. Вспомнились слышанные и прочитанные истории, начиная с гибели от извержения вулкана Везувия древнеримского города Помпеи; катастрофический взрыв вулкана Кракатау близ Явы, снесший более половины цветущего острова; непрерывно действующий вулкан Стромболи в Средиземном море, вот уже тысячелетия служащий для моряков естественным маяком и предсказателем погоды, — перед бурями и ненастями он дымит сильнее.

— А вы знаете, — сказал Баулин, — ведь до сих пор точно не известно: какие и на наших Курилах вулканы действующие, какие потухшие; всего-то их здесь что-то с полсотни с лишним. К слову говоря, именно из-за вулканов острова и получили свое название — Курильские. Так их называли русские землепроходцы за непрерывно курящиеся вершины. Наш «Старик» тоже лет двести помалкивал, считался потухшим, а в позапрошлом году так о себе напомнил — небо с овчинку показалось!

Я слышал на материке о недавнем вулканическом извержении на Курилах, но не предполагал, что оно произошло именно на острове Н.

— Крепенько нас тогда тряхнуло,— усмехнулся Николай Иванович,— вовек не забыть!

Я невольно взглянул в окно на курящуюся желтоватым дымком вершину «Старика».

— И вы все оставались во время извержения на острове?

— Зачем же все?—спокойно ответил Баулин.—Алексей Кирьянов остался один на один со «Стариком».

— Как это «один на один»? — не понял я.

— Вроде коменданта.

— Нет, вы толком расскажите, что это означает — «один на один» с разбушевавшимся вулканом? Почему же вы до сих пор об этом молчали?

— Сразу всего не расскажешь...— Николай Иванович встал и принес из комнаты известный уже мне фотоальбом Курильской гряды и какую-то объемистую книгу.— Как повашему, что это за остров? — показал он мне один из снимков.

— Всех не упомнишь...

— А это? — показал Баулин другой снимок.

— Ваш Н.,— сразу узнал я конус «Старика».

— Эх, вы! — рассмеялся капитан третьего ранга.— На первой фотографии тоже наш Н., только на две недели старше.

Я сличил снимки — ничего похожего! Там, где на первой, «старшей» фотографии высились два скалистых пика метров по полтораста каждый, на второй — едва заметные холмы; выдающегося в море утеса вовсе не было. А вулкан? Просто не верилось, что это один и тот же «Старик»!.. У того, который снят на второй фотографии и виден в окно, склоны относительно пологие, вершина значительно ниже и нет глубокого ущелья у подошвы.

— Это что же, результат извержения?

— Да,— кивнул Баулин,— того самого извержения, когда Алексей Кирьянов оставался на острове.

— Лихо! — только и мог сказать я.

Баулин передал мне книгу.

— Тут есть довольно интересное описание нашего коврового «Старика». У меня тут закладка лежит, читайте, а я пока «рыбаков» спать отправлю, им уже пора.

Книга оказалась старинным «Собранием ученых путешествий по России», изданном в 1819 году Российской императорской академией наук.

В главе, заложенной Баулиным засушенным дубовым листом (с материка листок), подробно описывалось грозное извержение вулкана на острове Н. в восьмидесятих годах восемнадцатого столетия и приводилось донесение служилых людей, посланных на Н. «для описания и положения на план — каким видом остров состоит от порыва горелой сопки». Из донесения явствовало, что Н. подвергся тогда сильнейшим разрушениям. Вот выписка: «Около острова в прежнем его виде были большие камни, на коих ложились сивучи, а на утесных завалах плодились морские птицы, была байдарная пристань промеж лайд... А ныне сопку сорвало более к северу, и верх ее сделался седлом; утесистые завалки песком и камнем засыпало и сделало гладко, что и птицам негде плодиться, байдарную пристань засыпало камнем, и стало там сухо... А сопка с ужасом гремит и ныне...»

Испокон веков на Руси не переводились отважные люди!

Я подошел к окну. Был ранний осенний вечер, конус вулкана и утесы были едва различимы в набежавшем с океана тумане.

Сколько же раз изменялся внешний вид острова под воздействием подземных сил?

Внезапно пейзаж за окном исчез: Баулин закрыл ставни.

— Промозгло! — возвратившись с улицы, передернул он плечами. — Ну так вот, возвращаемся мы из очередного дозорного крейсерства — дело тоже в октябре было, двадцать третьего числа, утром, — смотрим: что такое? Из кратера нашего «Старика» вырвался вдруг гигантский столб бурожелтого дыма, достиг высоты примерно в десять километров

и раздался наверху в стороны шапкой гигантского гриба. На взрыв атомной бомбы похоже, если вы видели снимки. Признаюсь, мне стало не по себе: неужели начинается извержение? Мне доводилось наблюдать издали, как бушевала Ключевская сопка, и даже издали зрелище это, мягко говоря, внушительное. А тут... тут вулкан был нашим соседом: морбаза и жилой поселок всего метрах в шестистах от него. — Баулин усмехнулся. — Точнее сказать, мы к нему присоседились.

— А какая была погода?

— Вначале отличная: ясно, солнышко, ночного тумана как не бывало, даже ветер утих. Октябрь ведь у нас лучшее время года! Однако пока мы дошли до стоянки — ну, за каких-нибудь полчаса, — с Охотского моря нагнало туч, из Малого пролива потянуло, словно из гигантской трубы, дохнул нам в спину океан, и буквально в течение нескольких минут, столкнувшись, восточный и западный ветры подняли такую волну, что на ходовом мостике пришлось надеть плащи с капюшонами.

— А что вулкан?

— С вулкана мы не спускали глаз. Над кратером вроде бы прояснилось. «Прокашлялся «Старик», — сказал боцман Доронин. «А может быть, только начинает кашлять», — поправил я его. Я ведь и видел сам и читал, что началу извержения обычно предшествуют выбросы паров и газов.

Когда подошли к стоянке, туда сбежалось уже все наше население. К слову говоря, командир базы, известный вам Самсонов, находился в то время в очередной командировке на материке, и я исполнял его обязанности.

Особенно встревожились женщины: со страхом посматривали на вулкан, взволнованно спрашивали меня, что будет дальше.

Что будет?.. Разве мог я дать им ответ? Я сам ничего не знал. Однако я сказал, что для тревоги пока нет оснований и нужно сохранять спокойствие: на то, мол, и вулкан, чтобы куриться. И тут, как бы в опровержение моих слов, из кратера вырвался новый столб пара и дыма, намного больше

первого. В довершение ко всему из туч хлынул дождь, не обычный наш бус, а форменный ливень.

Надо было что-то предпринимать. Я велел всем разойтись по домам, на всякий случай приготовиться к эвакуации и отправил радиogramмы в отряд, на ближайшие острова и кораблям, которые могли находиться где-нибудь неподалеку.

Отряд приказал при первых же признаках реальной опасности эвакуировать не только семьи военнослужащих, но и весь личный состав, документы и, по возможности, материальные ценности. «Желательно оставить на острове одного-двух опытных наблюдателей-радиcтов», — закончилась радиogramма начальника отряда.

Из кораблей первым откликнулся на наш призыв танкер «Баку». «Не вылетают ли из кратера бомбы? — спрашивал капитан. — Грузен бензином».

— Бомбы? — переспросил я.

— Вулканические раскаленные камни. Температура их достигает чуть ли не тысячи градусов. Представляете, что произошло бы, попади одна такая «штучка» в танкер с бензином? «Реальная опасность», «вулканические бомбы»... Ничего этого пока, слава богу, не было, — продолжал Баулин. — Прокашлявшись вторично, «Старик» утих, только ливень хлестал по-прежнему.

Стемнело в тот день раньше обычного. Отправив сторожевые корабли в ночное дозорное крейсерство — границу-то ведь нужно охранять при всех обстоятельствах! — я распорядился погрузить на оставшийся в базе «Вихрь» документы, недельный запас продовольствия и пресной воды. Женщин и детей переселили на всякий случай в клуб, поближе к стоянке.

Вышел я из штаба на улицу — ветер и ливень словно ошалели. И тут вдруг меня качнуло из стороны в сторону, будто пьяного.

— Начались подземные толчки?

— Они самые. — Баулин переплел пальцы, хрустнул суставами. — Всякое доводилось испытать в жизни, но ничего

нет хуже, когда из-под ног уходит земля... И тут, откуда ни возьмись, Полкан — пес у нас был такой, любимец всей базы, — в другое время его под дождь палкой не выгонишь, а тут сам выскочил, морду к тучам да как завоет. Всю душу своим воем вытянул...

С той минуты наш остров начало трясти, как грушу. И не беззвучно, а с грохотом, да еще с каким! Над кратером вулкана поднялось огромное багровое зарево, и послышался нарастающий непрерывный гул, вроде бы мчатся тысячи поездов. Небо рассекли гигантские молнии, похожие на дельты могучих рек. А из кратера все чаще и чаще, один за другим, вырываются клубы не то буро-серого, не то буро-желтого пара. Пришлось, не мешкая, погрузить всех женщин и детей на «Вихрь».

«Где «Баку»?» — спрашиваю радиста. «Ничего, отвечает, не могу разобрать: один треск в эфире, разряды мешают». — Баулин поднялся из-за стола, зашагал по комнате. — Знаете, что меня тогда поразило? Ни одна из наших женщин не заплакала. Детишки, те, конечно, перепугались, режут в три ручья. Маринка моя — ее Кирьянов на «Вихрь» принес, — так она прямо зашла от слез, а женщины — ни слова жалобы. Подходят ко мне: «Чем, говорят, мы вам можем помочь?»

В океане тем временем разболтало волну баллов на девять. Выходить с детишками, с женщинами рискованно! Я за сторожевики, что в дозор ушли, и то волновался.

С «Баку» мы установили связь только под утро. Оказалось, что он уже несколько часов дрейфует неподалеку от нашего острова и ждет, когда мы начнем погрузку.

А коварный «Старик» окончательно осатанел: из кратера вместе с клубами пара и газов вылетали гигантские снопы огня и вместо ливня с неба сыпался уже липкий горячий пепел. Вскоре, как и предчувствовал капитан «Баку», из вулкана, будто из жерла колоссальной пушки, начали вылетать сотни огромных раскаленных камней-бомб. Одни взрывались от жары в воздухе, разлетались на множество осколков, другие падали на склоны горы и, подпрыгивая, ка-

тились вниз. Зрелище, прямо скажу, жуткое. А в океане шторм. Как при такой волне пересадить женщин и детей со сторожевика на «Баку»?

Размышлениям моим был положен конец, когда раскаленные камни начали сыпаться на территорию базы и с шипением, оставляя клубы пара, плюхаться в воду. Один из таких «камушков» грохнулся на крышу штаба. Обрушилась балка, пробила потолок и ранила обоих радистов.

«Желательно оставить на острове одного-двух наблюдателей-радистов», — вспомнилась радиограмма из отряда. Кого же я могу оставить? «Кириянова», — подсказал боцман Доронин.

— Почему же именно Кириянова? — перебил я капитана третьего ранга.

— Потому что был полный резон. Вам Доронин не рассказывал, как он Алексея радиолюбителем сделал?

— И вы попросили Кириянова остаться один на один с коварным «Стариком»?

— Зачем попросил? Приказал! Выбирать добровольцев мне было некогда, а в Алексее я был уверен: назубок овладел радиоделом.

— Разве «бомба» не разбила рацию?

— Проверили на скорую руку — работает. — Баулин снова уселся за стол. — В общем, мы пошли к «Баку», а Кириянов остался на острове.

— И как же вы в такую бурю высадили на «Баку» пассажиров?

— Высадили. Одному богу Нептуну известно как, а высадили... Сейчас речь не о нас. Словом, едва мы отошли от острова мили за две, как на нашем Н. раздался чудовищной силы взрыв. Из кратера полетели не камни, а уже целые раскаленные глыбы; тучи, буквально тучи пепла закрыли небо — не поймешь, день или ночь. Потом мы узнали, что этот пепел донесло даже до Петропавловска-Камчатского.

«Все в порядке, — радирует Кириянов с острова, — повторяются сильные и частые подземные толчки...»

Внезапно зуммер стоявшего на письменном столе полевого телефона прервал рассказ.

— «Второй» слушает, — дав отбой, отозвался Баулин. — Так... Понятно... Готовьте «Вихрь». Сам пойду... Неслыханно! — гневно бросил он, поспешно надевая реглан и фуражку. — Представьте себе, американец не пошел на сигнал бедствия «Тайсей-Мару».

— Как — не пошел?

— А вот так! Мы пойдем. — Баулин достал из ящика стола клеенчатую тетрадь, точь-в-точь такую же, в какую были переписаны «Сказки дяди Алеша». — Прочитайте — это дневник Кирьянова. Он вел его, когда оставался на острове один на один с коварным «Стариком». Забыл взять с собой...

Вот некоторые из записей этого дневника.

«26 октября, 10 часов. Извержение продолжается с ослабевающей силой. Дом трясется, будто в лихорадке. Полдень, а небо черное. Над вулканом багровое зарево. Временами вспыхивают то ярко-алые, то голубоватые огни. Измерил на дворе базы слой пепла — 50 сантиметров. Позавтракал консервами и бутербродами. Полкан от пищи отказался, скулит.

Слушал по радио «Последние известия»...

Что-то подделывает в Загорье Дуняша? Стыд мне, что не ответил еще на ее последние письма. Почему-то Дуня все стоит перед моими глазами такая, какой я видел ее на вокзале в Ярцеве. Ведь она специально приехала из Загорья, чтобы проводить меня, а я даже не попрощался с ней как следует, не поговорил, все глядел на Нину. Почему это так: не любит тебя человек, и ты знаешь, что он недостоин твоей любви, а из сердца вырвать его никак не можешь?..

На всякий случай запаковал Маришины игрушки и коллекции, надо будет отнести их поближе к берегу. Голова идет кругом: а вдруг потечет лава?

26 октября, 16 часов. Из кратера пошла лава двумя потоками ярко-красного цвета. Один поток течет в сторону лежбища сивучей и нерп, другой — к поселку. Температура воз-

духа +35°, температура пепла +60°. Осколки камней барабаны по крыше, как шрапнель. Раскаленный камень угодил в фойе клуба. Начался пожар. Погасил его тремя огнетушителями. Не пора ли удирать на стоянку судов? Струсили, товарищ Кирьянов?

27 октября, 2 часа. Ночь, а светло как днем. Из кратера полились три новых потока лавы. Лава течет бурно. Первый поток водопадом обрушился в океан. Вода кипит, все кругом в клубах пара. Температура воздуха +41°. Полкан забился под койку. Дом держится, крепко сколочен. Опять взрывы. Где дрейфь, Кирьянов!

27 октября, 10 часов. Только что проснулся. Проспал целых три часа. Разбудил меня громкий рев. Это сивучи и нерпы перебазировались к самому пирсу: с лежбища их прогнала лава. Из воды торчат сотни голов перепуганных животных. Подходил к ним близко, совсем не испугались.

Похоже, что извержение пошло на убыль. А гроза над островом бушует вот уже пятые сутки. Из-за электрических разрядов опять нарушилась радиосвязь. «Вихря» не слышно и не видно: кругом острова густой туман. Где же сейчас «Баку»?

27 октября, 20 часов. Извержение снова усилилось. Вершина вулкана похожа на огромный красный колпак. Второй поток лавы подполз к крайнему жилому дому. От лавы пышет жаром. Стена накалилась — не дотронешься. Дом вот-вот вспыхнет. Перенес из него все, что мог, в клуб. К счастью, клуб стоит на высоком мысу, и лаве сюда не добаться. Назвал мыс Мысом Доброй Надежды. Радиосвязи все нет и нет.

Даже не верится, что Робинзон прожил на необитаемом острове в полном одиночестве целых двадцать восемь лет. Трудно человеку оставаться совсем-совсем одному. За эти дни у меня было время подумать. Я так мало, почти ничего еще не сделал в жизни полезного, хорошего для своего народа, зато сколько ошибок успел натворить...

Когда отец уходил на фронт, он сказал мне: «Подрастешь, Алеша, может, и тебе придется взять винтовку в руки.

Крепко держи ее, народ ее тебе вручит». А я? Выскочил по боевой тревоге на палубу без оружия.

Павел Федорович Дубравин, второй мой отец, говорил, что плох тот человек, который любит только самого себя. А я до чего достукался? Раком-отшельником назвали, трусом, бирюком...

«Главное, чтобы не было стыдно за бесцельно прожитые годы...»

Только что заработало радио. Время для связи с «Вихрем» и отрядом еще не наступило. Слушал «Последние известия». На целинных землях Сибири и Казахстана собран небывалый урожай. Как-то с урожаем у нас на Смоленщине? Дуня писала, что из Ярцева приехали в колхоз новый председатель и агроном и вроде бы дело пошло на поправку.

28 октября, 8 часов. Установил радиосвязь с «Вихрем» и отрядом. «Вихрь» все еще штормует в открытом море. Капитан третьего ранга запросил, не надо ли меня сменить. Ответил, что нужды в этом нет. Сообщил обстановку на острове.

28 октября, 16 часов. Только что вернулся от самого кратера. Подъем занял три часа. Очень жарко, но терпеть можно. На всякий случай, чтобы не ударило вылетающими из кратера камнями, привязал на голову две подушки. Камни в голову не попадали, но от жары подушки помогли. Кратер — огромная круглая впадина. Лава пыхтит, как тесто в квашне. Внутри вулкана все клокочет. Почва непрерывно колеблется. Взрывы следуют один за другим. В воздух взлетают «капли» лавы, каждая с хороший бочонок, закручиваются винтом и с оглушительным треском лопаются. Падая на склоны, они сплющиваются, как комья глины. Красиво, но страшновато. Трудно дышать: воздух насыщен серой.

Смотрел в кратер и думал: какая чудовищная, могучая силища таится в недрах земли. Вот бы обуздать ее, заставить работать на человека. Сколько энергии пропадает зря, да еще и людям приносит беды и несчастья!

На всякий случай перетацил из жилых домов все, что мог, в клуб, на Мыс Доброй Надежды.

29 октября, 10 часов. Извержение, кажется, действительно идет на убыль. Потоки лавы уменьшились. Тот, что подполз к поселку, остановился и начал остывать. Сверху его образовалась корка серо-бурого цвета. Из трещин вырываются струйки сернистого газа. Бросил на корку порядочный камень, он ее не пробил. Наступил сам. Держит. Но ногам так жарко, что пришлось подпрыгивать. Пробил корку шомполом. Шомпол вмиг накалился.

Полкан повеселел. Шторм не больше пяти баллов. Сходил на скалу «Птичий базар» — ни одной птицы, перелетели на другие острова.

Написал Дуне, что после демобилизации обязательно вернусь в Загорье, в школу. Буду преподавать и поступлю в

заочный пединститут. (Написать-то письмо я написал, а когда оно пойдет на Большую землю?!)

30 октября, 1 час 30 минут. Произошел самый сильный взрыв. Меня сбросило с койки. Выбежал на улицу. Вулкана не узнать: почти треть его вершины исчезла. Сразу стало тихо. Подземные толчки прекратились. Обошел всю базу и поселок. Дома целы. Стекла окон, обращенных к вулкану, вылетели. Многие крыши пробиты камнями. Передал радиogramму в отряд: «Нужны стекло и шифер. Питание рации на исходе. Все в порядке».

Последняя фраза в дневнике Алексея Кирьянова осталась незаконченной: «По-моему, необходимо, чтобы на Мысе Доброй Надежды...»

«Вихрь» ошвартовался у пирса только в девятом часу утра, вымытый, надраенный, словно был на параде.

Неужели он не нашел «Тайсей-Мару»?

Или опоздал и шхуна пошла ко дну?

Вопросы вертелись у меня на языке, но я не рискнул задать их Баулину: уж больно мрачен он был.

Собрав всех офицеров в штабе, Баулин рассказал о случившемся.

Когда сторожевик подошел к «Тайсей-Мару», обнаружилось, что палуба ее пуста. Вроде бы экипаж давным-давно покинул потерявшую управление шхуну. «Вихрь» дал несколько отрывистых сигналов сиреной, и тогда только на палубе появилась пошатывающаяся фигура японца в синем платке. Он едва смог помахать рукой.

Высаженные на борт «Тайсей-Мару» боцман, военный врач и трое матросов обнаружили, что двигатель и рулевое управление шхуны в полной исправности, но все двенадцать членов ее экипажа недвижимо лежат в носовом и кормовом кубриках. Только тринадцатый, тот, что встретил «Вихрь», — он оказался радистом — был еще в состоянии держаться на ногах.

«Похоже на острую форму лучевой болезни», — осмотрев рыбаков, заключил врач.

Из несвязных рассказов радиста выяснилось, что месяц назад в южной части Тихого океана шхуна попала в ливень с пеплом. Пепел принесло с юга, должно быть, из района Бикини, где американцы произвели новые испытания нескольких водородных бомб.

Японские рыбаки не сразу догадались, что за страшная беда настигла их корабль,— дождь и пепел были радиоактивными. Когда же болезнь свалила их, было поздно. Тела людей были покрыты язвами, легкие поражены. Радиосвязь была на долгое время нарушена, а течения и ветры все несли и несли шхуну к северу.

Узнав, какое именно бедствие терпит «Тайсей-Мару», американский китобоец «Гарпун», подошедший было к ней, немедленно повернул обратно.

Пограничники обмыли рыбаков, окатили палубу «Тайсей-Мару» из пожарных шлангов, снабдили японцев свежими продуктами и водой и сообщили о происшедшем по радио в отряд и японским кораблям, которые могли находиться поблизости.

Под утро к «Вихрю» и «Тайсей-Мару» подошел японский краболов. Не мешкая, проделав все необходимые формальности, пограничники передали ему соотечественников и шхуну.

— Как же у капитана «Гарпуна» хватило совести бросить несчастных рыбаков? — сказал я, когда мы с Баулиным шли домой.

— Наверное, капитан китобойца испугался заразы,— ответил Баулин.— А может быть, он снесся по радио с кем-то из своего начальства и получил соответствующую инструкцию: может быть, кому-то и хотелось, чтобы «Тайсей-Мару» пропала без вести, чтобы никто не знал, что случилось...— Баулин помолчал.— Вы прочли кирьяновский дневник?

— Натерпелся парень, прямо герой!

— Вы знаете,— сказал Баулин,— Алексей ведь не встретил нас, когда мы вернулись на остров после извержения

«Старика». Спал на пирсе как убитый. Видно, вышел встречать, да так, не дождавшись, и уснул.

— Что это он тут не дописал? — показал я неоконченную фразу в дневнике.

— Алексей предлагал впредь все склады базы строить на мысе, который он окрестил Мысом Доброй Надежды. С тех пор мы этот мыс так и называем, там и строимся.

— А многие ли семьи возвратились тогда на остров?

— Все! — Баулин рассмеялся. — Чудак вы человек! Не каждый же год подряд «Старик» будет кашлять. Напротив, народу у нас с тех пор прибавилось: пятеро офицеров из отпуска с материка семьи привезли.

— А Кирьянова чем-нибудь отметили?

— Как же! Начальник пограничного округа наградил его именными часами, а Дальневосточный филиал Академии наук — Почетной грамотой.

— Филиал Академии наук?

— Чему вы удивляетесь? Ведь за все время извержения коварного «Старика» Алексей, помимо личного дневника, вел подробнейшие записи. Из Петропавловска-Камчатского к нам на Н. приезжали ученые, так они просто диву дались: «Наблюдения товарища Кирьянова за извержением вулкана — для нас суший клад!»

Мыс Доброй Надежды... Как-то, неделю спустя, мы гуляли на нем с Маринкой и боцманом Дорониным. Далеко, почти на самом горизонте, шел какой-то корабль.

— Парусник, — посмотрела в бинокль Маринка.

— Японец. Двухмачтовая, моторно-парусная шхуна типа «Хризантема», — подтвердил боцман. — Красавица шхуна!

— Как вы поймали-то ее, в конце концов, эту «Хризантему»? — спросил я.

— В ледовом шторме у мыса Туманов, — сказал Доронин.

Глава восьмая
ПЕСЕНКА СПЕТА

Трудно узнать в этой обледенелой, засыпанной снегом шхуне красавицу «Хризантему». Бушприт превратился в огромную, неуклюжую ледяную болванку, мачты и реи тоже обледенели. Снасти смерзлись, провисли под тяжестью снега. Даже рында и та в снеговой шапке. Вокруг «Хризантемы» громоздятся торосы. Они сжали ее, наклонив на левый борт.

Не видно на местах расторопного экипажа, не отдает с мостика команды шкипер. Если бы не дымок, поднимающийся из железных труб, над носовым кубриком и над камбузом, да не занесенная снегом фигура человека с автоматом через плечо у двери в тот же камбуз, — можно было бы подумать, что на «Хризантеме» давно уже никого нет, что это мертвый корабль.

— У камбуза — Алексей Кирьянов, — объяснил капитан третьего ранга, когда я отложил фотографию.

— Почему же он оказался на «Хризантеме» один?

— Фактически оказался один, — с всегдашней своей точностью поправил Баулин. — Первое время нарушителей в кубрике сторожил и боцман Доронин.

— Это та самая операция у мыса Туманов?

— Она самая, — кивнул Баулин. — Ох, и переволновались за трое суток все мы на базе! Рацию «рыбаки» успели испортить, самолетам мешала непогода, и мы никак не могли узнать, что же происходит на «Хризантеме». — Баулин вдруг довольно усмехнулся. — Больше уж «Хризантема» никогда не будет водить нас за нос.

— Она затонула?

— Цела-целехонька.

— Тогда я ничего не понимаю, — осталось признаться мне...

В ту зиму свирепые январские циклоны разломали лед в Беринговом море, и его понесло к Курильской гряде. С каждым днем льды наваливались с севера все гуще и вскоре на-

чали забивать бухточки и узкие проливы между островами. Громоздясь друг на друга, они раздроблялись с пушечным грохотом, образуя у берегов гряды торосов.

В сравнении с материковыми морозы были не так уж злы: двенадцать—четырнадцать градусов, но на океанском сквозняке стояли тридцати. Волны, обрушиваясь на корабль, стыли на студеном ветру, покрывая толстым слоем льда фальшборт, палубу, надстройки, орудия. Корабль тяжелел, погружаясь глубже ватерлинии. Скалывание льда превращалось чуть ли не в непрерывный аврал.

Четыре часа вахты тянулись как вечность, время отдыха пролетало мгновенно. В сушилке не успевали просыхать панцири-плащи и бушлаты, кок не успевал кипятить обжигающий чай.

Одним словом, плавать в эту пору было крайне трудно, но плавать было необходимо.

Пересекая разными курсами заданные ему квадраты, «Вихрь» только что сбросил за борт несколько тонн сколото-го льда. Наступило очередное хмурое утро. Капитан третьего ранга собирался сдать вахту помощнику и спуститься в каюту, чтобы хоть часика два, да поспать, когда впередсмотрящий доложил о появлении в наших водах «Хризантемы». Впрочем, тотчас же увидел и сразу узнал ее по рангоуту и сам Баулин. Высокие, слегка наклоненные к корме фок- и грот-мачты, изящные длинные реи, гордо вздернутый над заостренным форштевнем бушприт придавали шхуне тот особый щеголеватый вид, который так ценят истые моряки. Старая знакомая!

Шхуна вынырнула из-за скалистого мыса необитаемого островка, ритмично постукивая своим стосорокасильным «симомото». До нее было меньше кабельтова — метров сто, и Баулину даже показалось, что черноволосый шкипер в трухе из меха лахтака ослабил во весь рот. «Смеешься?!» — Баулин вмиг вспомнил все неприятности, которые пришлось претерпеть из-за этой нахальной шхуны.

Тут же он понял и всю серьезность обстановки: метрах в полуторах левее «Хризантемы», как гигантский занавес,

надвигался туман. Такой туман, наплывающий резко обозначенными полосами, явление редкое вообще, и особенно в холодное время года, но факт оставался фактом. «Хризантема» свернула с курса и ринулась навстречу туману, как перепуганный ястреб.

Колоколом громкого боя на «Вихре» была объявлена боевая тревога, в машину дана команда: «Полный форсированный!» На фалах подняли сигнал по международному коду: «Требую остановиться!»

Никакого впечатления! «Хризантема» продолжала нестись к спасительному туману. Не остановила ее и зеленая ракета.

Баулин знал, что шхуна хорошо приспособлена для плавания в битых льдах: у нее окованный форштевень, противоледовая обшивка из дуба, стальной руль. Неужели опять удерет? В густом тумане, во льдах поймать ее будет трудно. Еще пара минут — и «Хризантема» войдет в этот туман...

Баулин, как и в прошлый раз, пошел на крайность: дал предупредительный выстрел из носового орудия.

Шхуна тотчас застопорила ход.

«Следовать за нами!» — подняли сигнал на «Вихре». «Следовать своим ходом не могу, сломалась машина», — ответил шкипер «Хризантемы», хотя всего минуту назад «симомото» стучал без перебоев.

Уже в полосе тумана «Вихрь» подошел к шхуне и, высадив на ее борт осмотровую группу, взял «Хризантему» на буксир.

На сей раз шкипер не каялся, не извинялся, он только зло сказал, что очутился в советских водах из-за тумана.

— Из-за тумана? Но ведь туман только-только нагринул, — возразил Баулин.

Однако шкипер продолжал гнуть свое: он будет протестовать, он не виноват, виноват туман. И опять старое: «Хризантема» не собиралась ловить рыбу. Советские пограничники могут убедиться — в трюмах ни одной рыбешки. Сети сухие, уложены в ящики в форпике.

Наглость шкипера могла бы вывести из себя даже глухонемого. Баулин, заложив руки за спину, барабанил пальцами о ладонь.

Рыбы действительно в трюме нет; сети действительно сухие и уложены в ящики, но зачем все же понадобилось «Хризантеме» заходить в советские воды? Туристская прогулка? Тогда где же путешественники? Ах, шкипер тренирует молодой экипаж? Обучает молодежь плаванию в сложных метеорологических условиях, обращению с локатором, эхолотом и радиопеленгатором? Допустим. Но как же можно выходить в учебное плавание с неисправной машиной?

— Двигатель в полной исправности, — доложил Баулину боцман Доронин. — Нет подачи в топливной магистрали.

Двигатель новенький, а хитрость старая, шитая гнилыми нитками: пока «Вихрь» подходил к «Хризантеме», «молодые рыбаки» постарались насовать в трубопроводы всяких затычек.

Механик не видел, как это сделали? Очень похвально для опытного, аккуратного механика!..

Кожаная заграничная куртка с застежками-«молниями» на механике новенькая. И все крепыши матросы почему-то в новеньком американском шерстяном белье, будто японцы разучились сами делать отличное белье.

Зачем же на этот раз «Хризантема» пожаловала в советские территориальные воды? Ответ на вопрос нашелся не сразу, но он оказался как нельзя более убедительным.

Обыскивая один из отсеков носового трюма шхуны, Баулин — он сам возглавил осмотрную группу — обратил внимание на то, что отсек этот как будто бы на полметра короче других. Измерили соседние — точно: короче на семьдесят сантиметров. Глухая поперечная переборка при простукивании загудела, как днище пустой бочки. Что же за ней?

Громкие протесты шкипера ни к чему не привели: Баулин приказал взломать переборку. Впрочем, пускать в ход топор и ломы не пришлось: боцман Доронин обнаружил дубовые клинья, загнанные между внутренней обшивкой борта и верхним и нижним брусками продольной переборки.

Стоило вытащить клинья, и ложная поперечная переборка отвалилась сама собой. За ней находился потайной отсек, до половины заполненный какими-то тщательно упакованными приборами, аккуратно свернутыми оболочками малых воздушных шаров, легкими контейнерами и стальными баллонами.

Картина ясная: «Хризантема» никогда не была гидрографическим судном и не несла метеорологической службы. А если бы даже и несла такую службу, то зачем же упрятывать научные приборы в тайник? И зачем снаряжать воздушные шары-зонды американскими автофотоаппаратами с телеобъективом и автоматическими телепередатчиками? Оборудование явно разведывательного назначения!

Шары предназначались для запуска в наше, советское воздушное пространство — тут нечего и гадать! Вопрос в другом — не успела ли «Хризантема» уже запустить несколько таких шаров-шпионов? И кто из команды руководил их запуском? Конечно же, не этот юркий шкипер.

Однако все это будет выяснять уже не Баулин. Задача «Вихря» — задержав нарушителя границы с поличным, доставить его в пограничный отряд. И доставить как можно скорее, пока не испортилась вконец погода.

Баулин невольно прислушивался к шороху и скрежету за бортом: льды все напирают и напирают. Должно быть, где-то к северу тайфун разломал огромное ледяное поле. Вот о борт ударились крупная льдина, еще одна. Шхуна задрожала от киля до клотика. А «Вихрь» ведь почти не приспособлен к плаванию в ледовых условиях, металлическая обшивка его корпуса не так мягко пружинит, как деревянная, усиленная дубовыми обводами обшивка «Хризантемы».

Поднявшись из трюма шхуны на палубу, Баулин понял, что заниматься «симомото» уже нет времени: льды окружили суда со всех сторон.

— Останетесь со старшиной первой статьи Кирияновым на шхуне, — приказал Баулин боцману.

Трюм с отсеком-тайником был задраен и опечатан, команду шхуны заперли в носовом кубрике, переброшенный

с «Вихря» буксирный трос закрепили за кнехты на носу шхуны.

Разумеется, Баулин строго-настрого наказал боцману, чтобы ни одна душа из экипажа «Хризантемы» не пробралась в трюм: там вещественные доказательства того, что шхуна заслана в советские воды с преступными целями. На сей раз юркому шкиперу не увильнуть от суда!

С трудом развернувшись в битых льдах, «Вихрь» лег курсом к острову Н. Похолодало. Туман отступил перед крепчающим морозом, волнение не больше трех баллов, и Баулин прикинул, что часа через три, не позже, сторожевик будет на базе.

Время от времени поглядывая за корму, капитан третьего ранга видел там кланяющуюся волнам «Хризантему», Алексея Кирьянова на баке и радовался, что на этот раз все обошлось как нельзя более удачно. Теперь песенка разбойничьей шхуны спета!

Можно бы наконец-то спуститься в каюту, ну да успеем отдохнуть и дома. Он только попросил вестового принести в рубку термос чая «погорячее и покрепче».

За годы службы на границе частенько приходилось сталкиваться с врагом, вступать с ним в схватку, испытать не мало и поражений и побед, но почему-то именно сегодняшняя победа казалась Баулину наиболее значимой. И он вспомнил, как безошибочно угадывала всегда Ольга его тревоги и, ничего не выпрашивая, умела успокоить его. Как бы рада была она сейчас за него... Как они были счастливы, счастливы их солнышком Маринкой, счастливы всей жизнью, которая выпала на их долю...

От резкого ветра на глаза навернулась слеза. Сморгнув ее, Баулин схватился за бинокль. «Этого еще не хватало!»

С юго-запада несло сизо-свинцовое растрепанное облако. Шквал! Минут через пятнадцать — двадцать он пригонит с собой вздыбленные океанские волны.

Не будь за кормой «Вихря» шхуны, Баулин поставил бы его встречу шквалу. Но «Хризантема» беспомощна: машина

не работает, у штурвала один боцман Доронин. Кругом битые льды. Шквал, без сомнения, оборвет буксирный трос. Нельзя рисковать ни людьми, ни шхуной... «Вихрь» находится неподалеку от необитаемого скалистого островка. Там есть бухточка. Нужно завести туда шхуну и поставить на якорь. Баулин отдал необходимые команды.

За несколько минут до того, как налетел шквал, Доронин и Кирьянов успели отдать якорь за скалистым мыском. Для второго судна места в бухточке не было, и «Вихрю» пришлось выйти в открытый океан.

Баулин рассчитывал, что, как только пройдет шквал — ну, через полчаса, через час, — «Вихрь» вернется к острову и снова забуксирует шхуну. На деле же все обернулось иначе: шквал принес с юго-запада потоки теплого воздуха, с севера вместе с битыми льдами шли массы холодного. Они столкнулись, и начался затяжной ледовый шторм. Температура упала до минус восемнадцати.

Двое суток боролся «Вихрь» с волнами, ветром и битыми льдами, поневоле отходя к югу. Когда же шторм утих наконец, обледенелый сторожевик не смог пробиться к бухточке: путь преграждали торосы...

— Веселей, чем у бабушки на свадьбе! — усмехнулся Доронин, оттирая щеки и уши.

Наступал ранний январский вечер, а шторм и не думал утихать. Нечего было и надеяться, что «Вихрь» вернется сегодня за «Хризантемой». А бухточка скорее походила на ловушку ставного невода, чем на спасительную гавань. От океана ее отделяла невысокая каменистая гряда, шириной метров семь, не больше. Ударяясь о гряду, огромные волны перехлестывали через нее и окатывали притулившуюся шхуну холодным, тяжелым ливнем.

Выбивая на обледенелой палубе чечетку и отчаянно размахивая руками, Алексей никак не мог согреться.

Дверь носового кубрика сотрясалась от непрерывных ударов. «Ловцы» вопили, что они замерзают, что они голод-

ны, требовали затопить печку и дать им горячий ужин. Из всех голосов выделялся пронзительный фальцет шкипера.

— Образованный господин,— кивнул Доронин на дверь: шкипер выкрикивал ругательства и на японском, и на английском, и на русском языках. Вперемежку с бранью он требовал, протестовал и взывал к гуманным чувствам советских пограничников.

— Две недели в нервном санатории, и синдо¹ будет здоров,— пробормотал сквозь зубы Алексей.

— Плюс два года за решеткой,— уточнил Доронин.

Однако шутки шутками, а нужно было что-то предпринимать. Приказав Алексею встать с автоматом наизготовку у двери в кубрик, Доронин притащил из камбуза корзину угля и, вежливо предупредив японцев, чтобы не шумели зря, передал им уголь и коробок со спичками. Когда в железной печке затрещал огонь, Доронин потребовал коробок обратно: «Со спичками баловать не положено».

Вскоре разгорелась и печка в камбузе, был разогрет бульон из кубиков и чай.

Бульонные кубики, галеты, шоколад говорили пограничникам не меньше, чем новенькое заграничное белье экипажа: обычно ловцы и матросы японских шхун питаются воюночей соленой треской и прогорклой морской капустой.

— Усиленный рацион шпионского образца,— буркнул Доронин.

Сами они с Алексеем по очереди поужинали в камбузе. В том же камбузе они будут и отогреваться по очереди. Через каждые два часа. Так решил боцман.

Сняв гакобортный и бортовые фонари, Доронин дополнил заправил их маслом, зажег и поставил на палубе, прикрыв с боков бухтами манильского троса и парусами. Из шкиперской кладовой были извлечены запасные парусиновые плащи.

— Теперь нам сам «Егор, сними шапку» не страшен,— сказал боцман, первым заступая на ночную вахту.

¹ Синдо (японск.) — шкипер

— Какой Егор? — не понял Кирьянов.

— Так мой батя норд-ост кличет.

Ночь прошла спокойно, если не считать того, что волны окатывали и окатывали шхуну, и она обледенела, потеряв всю свою недавнюю красоту. Раз десять принимался падать снег, и пограничники не успевали очищать от него фонари.

Зато с рассветом неприятности посыпались, как горох из худого мешка. Бухточку начало забивать обломками льда. Они с грохотом громоздились друг на друга, подпирали шхуну, и та заметно накренилась на левый борт. Крепкий корпус потрескивал, в кормовом трюме обнаружилась течь. Если бы двигатель работал, можно было бы пустить в ход мотопомпу, но «если бы», как известно, в помощники не годится.

Кое-как законопатив трещину паклей и откачав воду ручной помпой, Доронин поспешил на стук и вопли арестованных к носовому кубрику.

— Роске! Роске! — звал явно перепуганный шкипер. — Летаем воздух! Бомба! Ба-бах! Будет взрыв!

— Тихо! — прикрикнул Доронин. — Говорить реже и точнее.

«О какой бомбе вопит синдо? Во время обыска на «Хризантеме» не было найдено ни одной бомбы...»

И тут Доронина осенила догадка. Это действительно вроде бомбы! В трюмном отсеке, под фонарной и малярной кладовкой, хранятся банки с карбидом. Обычно рыбаки заправляют карбидом плавучие фонари на ставных неводах «Ако-Мари». По ночам фонари обозначают линии невода, оберегая его таким образом от судов. Соединись карбид с водой — взрыв!

Что делать? Выбросить банки с карбидом за борт нельзя, они разобьются о торосы — опять-таки взрыв или пожар...

Вспотев от страха и тяжести, Доронин перетащил все банки в штурманскую рубку. (Алексей в это время стоял на часах.) Теперь, даже если шхуна полузатонет и ляжет на грунт, вода не дойдет до карбида. Доронин измерил глубины

по бортам шхуны и несколько успокоился: вода не покроеет и палубы.

Ликвидировав «очаг возможной опасности» — так он назвал склад карбида,— боцман перелез через фальшборт на торосы и сфотографировал «Хризантему».

— Для отчета,— объяснил он Алексею.

С запада бухточку обступили отвесные скалы, со стороны же океана низкая каменистая гряда не могла препятствовать шторму творить все, что ему вздумается. Фока-рей, утяжеленный льдом и снегом, не выдержал одного из порывов девятибалльного ветра, переломился и с треском и звоном полетел вниз. Раскачиваясь на смерзшихся вантах, он со всего размаха ударил Доронина в грудь, и тот свалился как подрубленный.

— Не волнуйся, Алеха! Ключицу зашибло,— прошептал боцман подбежавшему Алексею...

Так Алексей фактически остался один против тринадцати здоровенных озлобившихся парней. Правда, парни были заперты в кубрике, но ведь им нужно носить и уголь и пищу...

Через иллюминатор в тамбуре кубрика японцы видели, как был ранен боцман. Видели они и как Алексей унес его в камбуз.

Скоро ли кончится этот окаянный шторм? Скоро ли подойдет к острову «Вихрь»? Да и сможет ли он вытащить «Хризантему» из этой ледяной ловушки?

Вернувшись на пост к кубрику, Алексей услышал, что кто-то зовет его по имени. Уж не спит ли он, стоя на ногах?

— Алексея! Эй, Алексея, ходи сюда близко...

Вот в чем дело! Его зовет шкипер. Должно быть, он слышал, как они с Дорониным разговаривали.

— Что надо?

— Иди близко. Важное разговор. Обязательно.

Алексей подошел к двери кубрика, держа палец на спусковом крючке автомата.

— Важное разговор,— учтиво продолжал шкипер.—

Твоя холодно. И есть sake, водка. Мало-мало пей — холодно нет.

— Черта с два! — усмехнулся Алексей.

— Плохо! Твоя хочет деньги?

— Что? — возмутился Алексей. — Молчать!

— Зачем молчать?..

Шкипер заговорил торопливее — положение их скверное: ледовый шторм будет продолжаться еще дней пять, если не все десять. Продуктов хватит на два дня, угля — от силы на сутки. Они все умрут от голода или замерзнут. Замерзнет и раненый боцман Семен. Выход только один: Алексей должен выпустить из кубрика его, шкипера, и радиста. Они починят радию и вызовут какое-нибудь судно. Если не придет судно, то они спустят две шлюпки и поплывут, куда им надо. В шлюпках есть баллоны с воздухом, и шторм им не страшен. Шкипер заплатит Алексею двадцать тысяч рублей. Деньги есть деньги.

— Молчать! — гаркнул Алексей и зашагал поперек обледенелой палубы, от фальшборта к фальшборту: четырнадцать шагов в одну сторону, четырнадцать — в другую.

Он насчитал две тысячи восемьсот шагов, а из-за двери кубрика все еще доносился зудящий голос шкипера:

— Зачем такой молодой человек хочет замерзнуть? Разве у красивого Алексея нет невесты, которая его ждет? Неужели у Алексея вместо сердца стеклянный поплавок и ему не жалко боцмана?..

Алексей сбегал в камбуз, укутал боцмана парусиной, пододвинул к нему корзину с углем, чайник с водой, пачку галет.

— Управитесь без меня, товарищ боцман?

— Управлюсь, Алеша. Отдать носовые! Слева по носу неизвестное плавсредство!.. — У Доронина начался бред.

Прибежав обратно к носовому кубрику, Алексей увидел, что «рыбаки» успели выдавить стекло в иллюминаторе и стараются сбить запор рейкой, сорванной с потолка.

— Отставить! Вниз! — крикнул Алексей, наводя на иллюминатор автомат.

Прошла вторая ночь. Минул второй день. Шторм все еще неистовствовал. Палуба «Хризантемы» стала горбатой ото льда, по ней нельзя было ходить. Обжигая на морозном ветру руки, Алексей с великим трудом протянул от кубрика к камбузу обледенелый трос, закрепил конец и ходил, держась за него.

Чтобы нарушители не смогли выломать дверь, он подпер ее обрушившимся фока-реем, навалил около якорь-цепь. Пищу передавал японцам через иллюминатор, туда же вместо угля совал изрубленную обшивку фальшборта.

— Ремонт шхуны за мой счет! — отвечал на протесты шкипера.

Третья ночь прошла для Алексея, как в угарном сне. Он почти не чувствовал ни рук, ни ног. Губы задервенели, обмороженные щеки облупились. Все лицо опухло от холода.

Но он все ж таки смог, как положено по уставу, отпартовать капитану третьего ранга, когда тот пришел к острову на ледоколе.

— Такая вот история, — закончил свой рассказ Баулин.

— Что же вы сделали с «Хризантемой» и с ее командой?

— Мы лично ничего не делали. Мы только отбуксировали ее в Энск, — сказал Баулин. — Шкипера судили там за шпионаж. А «Хризантему» конфисковали. Документов ведь на ней никаких не было. А если б и были — какой владелец признается, что это он посылал шхуну со шпионским заданием? — Николай Иванович помолчал. — Документов не оказалось, владелец не признался, а кто хозяин — яснее ясного: дельфины к нам шары-разведчики не засылают... Да, я забыл сказать: до того как мы ее задержали, «Хризантема» успела-таки выпустить два шарика. Их подбили наши истребители... Словом, они летели к району, фотографии которого мы вовсе не намерены дарить кому-нибудь на память.

ДО СВИДАНИЯ, КУРИЛЫ!

— Завтра прибывает «Мичурин»,— сказал Баулин в один из первых дней декабря.— Механик и рабочие с семьями к нам приезжают, в судоремонтную мастерскую. Теперь сами будем сторожевики ремонтировать.

«Мичурин» был последним грузо-пассажирским парокором в текущую навигацию: на Курилах наступала пора зимних штормов и ураганов. Подошло к концу и мое пребывание на острове Н.

Сказать, что мне жаль было покидать людей, с которыми свела здесь судьба, значило бы почти ничего не сказать. И капитан третьего ранга Баулин, и боцман Доронин, и главстаршина Игнат Атласов, как и многие другие пограничники базы, стали мне добрыми, верными друзьями.

И, конечно, грустнее, чем с кем-либо, было расставаться с Баулиным и Маринкой.

«Мичурин» известил о своем приходе по радио, и задолго до того, как он показался на горизонте, почти все население острова поднялось на высокий мыс, с нетерпением глядя в море: парокор вез не только долгожданную почту, а и новых жителей, новых соратников по труду.

На этот раз с острова на материк уезжал один я, и следовало поторапливаться со сборами: попусту стоять на внешнем рейде капитан «Мичурина» не станет.

Помогая укладывать чемодан, Маринка наставляла меня в путь-дорогу:

— Если тебя начнет укачивать, поднимайся из кубрика на палубу. Папа всем так советует. Не забудь попросить у штурмана бинокль, я тебе буду махать платочком.

Много милых, добрых советов дала мне Маринка и напоследок потребовала, чтобы я обязательно разыскал на Большой земле дядю Алешу и напомнил ему про обещание часто-часто писать ей письма.

— Я тоже буду тебе писать,— сказал я.

— Когда уезжают, все так говорят,— вздохнув, сказала Маринка.

Как тут не смутиться...

— Я обязательно буду писать,— повторил я.

Пришел Баулин.

— Неужто не слышали, как «Мичурин» гудел? — спросил он с порога.— Впрочем, свежак сегодня норд-остовый, могли и не слышать.

Я заторопился, начал запереть чемоданы.

— Отставить! — шутливо приказал Баулин.— Не опоздаете, успеем еще и чайком побаловаться.

Оказалось, что «Мичурин» привез пограничникам «крылатого помощника», как выразился Баулин,— вертолет. Сейчас вертолет перегружают на внешнем рейде на один из сторожевиков,

— Пляши, дочка, тебе письмо! — Улыбаясь, Баулин достал из кармана конверт.

— От дяди Алеши? — запрыгала Маринка.

— От него от самого.

Маринка принялась читать письмо.

— Дядя Алеша и сказку прислал! — воскликнула она радостно.— Хотите, я прочитаю вам вслух?

— Хотим!

— «Про реку Ангару, про Падун-порог, про чайку и моряка-пограничника»,— медленно, с выражением прочитала Маринка заглавие. И так же с выражением продолжала: — «Жил-был на свете моряк-пограничник, по прозванию Алексей. Служил он на далеком острове и плавал в Тихом океане на красавце сторожевом корабле «Вихрь».

Год служит Алексей, два служит, четвертый к концу подходит. Пришел срок ехать домой.

Распрощался Алексей с «Вихрем», поплыл на большом корабле на Большую землю. Приплыл, а дальше поехал поездом, глядит из вагона и не насмотрится: до чего же хороша советская земля, до чего же она красивая! За окошком то поле, то лес дремучий, то села, то города с высокими домами, с заводами и фабриками. На каждой станции поезд

встречают девушки и парни, как увидят Алексея-пограничника, к себе зовут: «Оставайся у нас, работать вместе с нами будешь, песни петь». — «Не могу остаться! — отвечает Алексей. — Я еду на Смоленщину, ребят в школе учить». Дальше бежит поезд, стучит колесами: «Скоро и твой дом, скоро и твой дом!..» И тут вдруг влетела в окошко чайка, села Алексею на плечо, зашептала человеческим голосом: «Здравствуй, Алеша-пограничник! Все мне про тебя ведомо, все думки твои мне известны: тоскует твое сердце по большой работе. Оставайся в нашем краю». — «Я бы остался, — отвечает чайке Алеша-пограничник, — да моря нет в вашем краю. Как сама ты сюда, бедная, зелетела?» Рассмеялась чайка: «Есть у нас в краю Байкал-море и его дочка, красавица река Ангара. На той реке большой порог-камень лежит. Падун называется. Истерзал Падун грудь красавицы Ангары, днем и ночью плачет Ангара. Услышали советские люди ее плач, решили: «Избавим красавицу от вечной тяжелой боли! Поставим поперек Ангары плотину, поднимется вода и затопит злой Падун-порог. Разольется Ангара во все стороны новым морем, вздохнет свободно, всей грудью. Ангаре — счастье и нам, людям, — польза: поплывут по новому морю корабли». — «Неужели, — спрашивает чайка Алексея-пограничника, — не хочешь ты помочь спасти красавицу Ангару от злого Падун?» Взмахнула крыльями и улетела в окошко.

Задумался Алексей-пограничник. А тут — новая станция. «Город Иркутск! — кричат в окошко парни и девушки. — Пересадка на Падун-порог. Выходите, у кого руки крепкие, совесть чистая!»

Решил Алексей-пограничник и сошел с поезда — выручать Ангару! Тут и сказке конец».

А вот письмо, которое Алексей Кирьянов прислал Баулину:

«Здравия желаю, товарищ капитан третьего ранга! Не сердитесь, что я так долго Вам не писал. До материка мы

добрались без особых приключений. Правда, в Охотском море попали в хороший шторм, баллов на девять. Капитан объявил аврал по закреплению груза на верхней палубе. Мы, бывшие пограничники, работали как положено. Особенно старался Петя Милешкин.

Вот я написал «бывшие пограничники» и даже сам не поверил: неужели я — «бывший»? Нет, Николай Иванович, никогда я не буду «бывшим». Всегда и везде, пока жив, буду пограничником.

Теперь хочу написать Вам о самом главном.

Во Владивостоке, в порту, мы встретили демобилизованных солдат и сержантов из Таманской дивизии. Они ждали «Ломоносова». Начались взаимные расспросы: «Куда едете?» Оказывается, таманцы — их двести человек — сговорились еще с полгода назад поехать по призыву партии на Дальний Восток. И вот с комсомольскими путевками они спешат на Южный Сахалин строить дороги и шахты.

В Хабаровске на вокзале играл оркестр, было полно народу, со знаменами, с плакатами. Встречали только что прибывший скорый поезд с молодыми строителями.

В Чите нам повстречался новый поезд с запада, тоже с комсомольцами. И опять демобилизованные — матросы и старшины из Севастополя. Спрашивают: «Куда загребаете?» — «По домам», — отвечаем. «А мы всей боевой частью взяли курс на Якутские алмазные россыпи».

Тут у нас такое началось! «Запад на восток подался, а восток катит на запад — непорядок! Встречные перевозки!»

Словом, Николай Иванович, в Иркутске душа моя не выдержала. Пожелал я нашим ребятам дальнейшего счастливого плавания, а сам свернул с курса на север, к Падунским порогам. В обкоме комсомола мне все документы оформили за полчаса и включили меня в группу ленинградцев и горьковцев, которая едет на строительство Братской гидростанции. Одобряете?

Ребята наши сказали на прощание, что повидаются с родными и тоже сюда махнут. Милешкин почесал за ухом: «Я тоже подумаю». Подумать решил, и то хорошо!

Планы мои, Николай Иванович, такие: в Братске на первых порах поработаю на том участке, куда поставят. Строителем так строителем. Могу и электриком, и бетонщиком, и радистом на трассе будущей электромагистрали. А там, глядишь, школы построят — снова стану учителем.

Сегодня наша группа выезжает из Иркутска. Пишу на пристани, на берегу Ангары. Она действительно красавица. Посылаю письмо и сказку Марише. Если она чего-нибудь не поймет, Вы, пожалуйста, ей объясните. Написал письмо в Загорье Дуне, зову ее сюда, то есть на Падун.

С нетерпением жду от Вас письма. Пишите мне по адресу: Братск, до востребования. (Другого адреса я пока еще не имею.)

Горячий привет боцману Доронину, Игнату Атласову и всем нашим пограничникам. Поцелуйте за меня Маришу. Спасибо Вам за все хорошее!
До свидания!
Ваш Алексей Кирьянов, старшина I статьи».

Тот же самый «ПК-5», на котором когда-то ходил в дозор Алексей Кирьянов, хлопотливо урча мотором, вез меня к «Мичурину», бросившему якорь на внешнем рейде. За штурвалом стоял главстаршина Игнат Атласов.

На причале прощально махали фуражками, бескозырками и кепками свободные от службы пограничники и рабочие. И долго еще я видел среди них высокого, слегка суховатого Баулина и боцмана Доронина с Маринкой на плече.

«ПК-5» подошел к борту парохода. Мы с Атласовым крепко пожали друг другу руки.

— Счастливого пути! — крикнул мне главстаршина, когда я поднялся на борт парохода. — Пишите!

— Обязательно! Не поминайте лихом, счастливо оставаться! — крикнул я в ответ.

Выбрав якорь, «Мичурин» попрощался с островом протяжным басовым гудком и лег на курс.

Взбежав по трапу на капитанский мостик, я попросил у штурмана бинокль.

У причала стояли сторожевики, недавно возвратившиеся из ночного дозорного крейсерства. Свежий декабрьский ветер рвал флаги пограничного флота. На Мысе Доброй Надежды белели домики служб и клуба базы. А вот и утес, на котором выщербленный временем и непогодами каменный крест и гранитный обелиск с пятиконечной звездой. Вот и замшелый камень, и на нем Маринка, а рядом с ней капитан третьего ранга Баулин.

Начала разгуливаться океанская волна. Буревестник промелькнул над мостиком. Наползли тучи, сразу стало пасмурно, холодно, а мне вспомнились любимые стихи Баулина:

«Над моей отчиной солнце не заходит, до чего отчина велика!..»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

РА С С К А З Ы

НАЧАЛО ПУТИ	3
ПОСТ СЕМИ ГЕРОЕВ	28
ИСТОЧНИК ЖИЗНИ	43
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ	59
НА ВОЛКОВ	69
ТАМ, ГДЕ ПАРЯТ ОРЛЫ	83

Н О В Е С Т И

«ЗДРАВСТВУЙ И ПРОЩАЙ»	97
МЫС ДОВОРОЙ НАДЕЖДЫ	125
<i>Глава первая.</i> Курс — Курильские острова —	
<i>Глава вторая.</i> Кирьянов и Маринка	130
<i>Глава третья.</i> Первый шквал	140
<i>Глава четвертая.</i> Лекарство боцмана Дорони нна	155
<i>Глава пятая.</i> Тайфун «Надежда»	170
<i>Глава шестая.</i> Дважды два — сорок	190
<i>Глава седьмая.</i> Мыс Доброй Надежды	205
<i>Глава восьмая.</i> Песенка спета	220
<i>Глава девятая.</i> До свидания, Курилы!	232

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Ваши отзывы направляйте по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги*

Для среднего возраста

Линьков Лев Александрович
МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Ответственный редактор В. М. Щ у к а р ь. Художественный редактор А. В. П а ц и н а. Технический редактор С. Г. М а р к о в и ч. Корректоры К. И. К а р е в с к а я и Л. М. К о р о т к и н а.

Сдано в набор 21-ХІІ 1967 г. Подписано к печати 31-І 1968 г. Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 15. (Уч.-изд. л. 12,02). Тираж 100 000 экз. ТП 1968 № 317. А 05611 Цена 50 коп. на бум. № 1. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ № 1538.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**В 1968 году для детей среднего возраста
выходят книги:**

* * *

Москвин Н. * ЛЕТО ЛЕТАЮЩИХ.

Повесть о мальчиках и бумажных змеях. В ней рассказывается о детстве летчика-конструктора, о том, как в мальчишке просыпается «чувство воздуха»

Баруздин С. * ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ.

Маленькие повести о войне, о современной жизни, а взрослых и детях

Мошковский А. * ДЕЛЬФИНИЙ МЫС.

Повесть о ребятах, живущих на Черноморском побережье, об их дружбе, мужестве и бескорыстии

Качаев Ю. * ТАЕЖКА. ПУТЬ К ЛУКОМОРЬЮ.

Героям этих повестей живется нелегко. Тая расстается с мамой и уезжает к отцу в тайгу, Сеня попадает в лапы религиозной секты. Но ребят окружают друзья, хорошие люди и помогают им в жизни

Курбатов К. * ТИМКИНЫ КРЫЛЬЯ.

Повесть из жизни мальчишек военного городка, где речь идет о воспитании мужества, о героизме подлинном и мнимом

Сиснев В. * МАЛЬЧИШКА.

Повесть о детстве советского мальчика, прошедшем в предвоенные и военные годы, о его готовности к подвигу

* * *

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга—почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

Цена 50 коп.

МИБИКОБ МАСОБИ НАДЖАДИ